Учредители

Дудин Павел Николаевич, канд. полит. наук, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права. Конституционное право» ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», заместитель директора Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)

Михалев Алексей Викторович, д-р полит. наук, профессор кафедры «Международное право и сравнительное правоведение» ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)

ISSN 2310-0419

EURASIA: STATUM ET LEGEM

(ЕВРАЗИЯ: ГОСУДАРСТВО И ПРАВО)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

5/2015

Право, государство и общество в Китае

Издается с 2014 г.
Выходит 2 раза в год

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-53986
от 30 апреля 2013 г. Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Адрес редакции:
670042, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ, ул. Калашникова, д. 17, кв. 28
E-mail: joesel@mail.ru
Сайт: www.eurasia-sl.ru

Адрес издателя:
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Смолина, 24а
E-mail: riobsu@gmail.com

Перевод на английский язык
А. Ц. Эрдынеев
Редактор
Е. П. Евдокимова
Компьютерная верстка
Т. А. Олоевой

Подписано в печать 31.12.15
Дата выхода в свет 28.04.16
Формат 70x100 1/16
Усл. печ. л. 17,73
Уч.-изд. л. 14,50
Тираж 1000
Заказ 70
Цена свободная

Отпечатано в типографии
Издательства БГУ
670000, Республика Бурятия, г. Улан-Удэ,
ул. Сухэ-Батора, 3а

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Дудин Павел Николаевич, канд. полит. наук, заведующий кафедрой «Теория и история государства и права. Конституционное право» ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», заместитель директора Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
E-mail: dudin2pavel@gmail.com

Научный редактор
Михалев Алексей Викторович, д-р полит. наук, профессор кафедры «Международное право и сравнительное правоведение» ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», директор Центра изучения политических трансформаций ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ). E-mail: mihalev80@mail.ru

Члены редакционной коллегии
Бандеев Геннадий Николаевич, магистр права Чанчуньского политехнического университета (г. Чанчунь, КНР), аспирант кафедры конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Баранова Наталья Сергеевна, канд. ист. наук, преподаватель кафедры международного права и международных отношений юридического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Карбаинов Николай Иванович, магистр социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге, научный сотрудник Социологического института РАН (г. Санкт-Петербург)
Хамнуев Юлий Григорьевич, канд. юр. наук, доцент, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Цыбиков Батор Булатович, канд. юр. наук, доц., заведующий кафедрой «Административное и финансовое право» Института экономики и права ФГБОУ ВПО «Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления», депутат Народного Хурала Республики Бурятия (г. Улан-Удэ)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Председатель редакционного совета с российской стороны:
Скуратов Юрий Ильич, д-р юр. наук, проф., директор Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона, президент фонда «Правовые технологии XXI века» (г. Москва)

Члены редакционного совета:
Алисов Дмитрий Андреевич, д-р ист. наук, проф., заместитель директора по научной работе, Сибирский филиал ФГБНИУ «Российский институт культурологии», заведующий сектором социально-культурных аспектов урбанизации Сибири (г. Омск)
Бабурин Сергей Николаевич, д-р юр. наук, проф., заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ассоциации юридических вузов, президент Ассоциации народных депутатов, главный научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН (г. Москва)
Богданова Наталья Александровна, д-р юр. наук, проф., кафедра конституционного и муниципального права юридического факультета ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова» (г. Москва)
Будаева Цыцык Батоевна, д-р полит. наук, проф., кафедра государственного и муниципального управления факультета экономики и управления ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет», член Общественной палаты Республики Бурятия (г. Улан-Удэ)
Гармаев Юрий Петрович, д-р юр. наук, проф., заведующий, лаборатория сравнительного правоведения Центра правового обеспечения взаимодействия Российской Федерации со странами Азиатско-Тихоокеанского региона ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Кондаков Игорь Вадимович, д-р филос. наук, канд. филос. наук, проф., кафедра истории и теории культуры РГГУ, вед. науч. сотр. Государственного института искусствознания, академик РАЕН, заместитель председателя научного совета РАН «История мировой культуры» (г. Москва)
Митупов Константин Бато-Мункич, д-р ист. наук, проф., директор, Институт Внутренней Азии ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Ондар Николай Алдын-оолович, д-р юр. наук, проф., проректор, ФГБОУ ВПО «Тувинский государственный университет» (г. Кызыл)
Перепелкин Лев Станиславович, канд. ист. наук, сотрудник отдела социокультурного развития регионов ФГБНИУ «Российский институт культурологии» (г. Москва)
Стародубцев Григорий Серафимович, д-р юр. наук, проф., ФГБОУ ВПО «Российский университет дружбы народов» (г. Москва)
Тумурова Анна Тимофеевна, д-р юр. наук, доц., кафедра теории и истории права и государства юридического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Тычинин Сергей Владимирович, д-р юр. наук, проф., заведующий, кафедра гражданского права и процесса, директор научно-образовательного консультационно-исследовательского центра «Юрист-Эксперт» НИУ «Белгородский государственный университет» (г. Белгород)

Фархутдинов Инсур Забирович, д-р юр. наук, проф., главный научный сотрудник, ИГиП РАН, главный редактор Евразийского юридического журнала (г. Москва)
Цыремпилов Николай Владимирович, д-р ист. наук, заведующий, кафедра истории Бурятии исторического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Чимитова Джамиля Кимовна, д-р ист. наук, профессор, кафедра международного права и международных отношений юридического факультета ФГБОУ ВПО «Бурятский государственный университет» (г. Улан-Удэ)
Шемелин Аркадий Валерьевич, д-р полит. наук, проф., заведующий, кафедра социально-правовых дисциплин ФГБОУ ВПО «Забайкальский государственный университет» (г. Чита)

Председатель международного редакционного совета:
Ван Чжихуа, д-р юр. наук, проф. Политико-юридического университета Китая, заместитель председателя Научно-исследовательского центра российского права, генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая (г. Пекин, КНР)

Члены редакционного совета:
Амарсанаа Хайртынхан Жугнээ, д-р юр. наук, академик (действительный член), Академия наук Монголия, председатель Конституционного суда Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)
Власов Сергей Федорович, д-р техн. наук, проф., кафедра подземной разработки месторождений горного факультета Национального горного университета Украины (г. Днепропетровск, Украина)
Ган Сяофэн, д-р юр. наук, проф. Политико-юридического университета Китая (г. Пекин, КНР)
Геник Николай Антонович, канд. ист. наук, доц., кафедра политологии Прикарпатского национального университета им. В. Стефаника (г. Ивано-Франковск, Украина)
Искакова Гульнар Кожагуловна, д-р полит. наук, проф., член Академии политических наук Российской Федерации, проректор по учебной и методической работе Семипалатинского государственного педагогического института (г. Семей, Казахстан)
Кадыржанов Рустем Казахбаевич, д-р филос. наук, гл. науч. сотр., Институт философии, политологии и религиоведения Министерства образования и науки Республики Казахстан (г. Алматы, Казахстан)
Коллиер Джеффри Линкольн, д-р филос. (PhD, prof.), профессор Университета Южной Каролины (г. Колумбия, Южная Каролина, США)
Лувсандорж Батор, заместитель министра юстиции (главный государственный регистратор) Монголии (г. Улан-Батор, Монголия)
Марани Джермано, д-р восточной теологии, профессор Папского колледжа «Руссикум», профессор Папского Григорианского университета (г. Рим, Италия), консультант Конгрегации по канонизации святых (Ватикан)
Медеуова Кульшат Агибаевна, д-р филос. наук, и. о. профессора кафедры философии Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева (г. Астана, Казахстан)
Мунхдоржийн Мунхбат, д-р права (LLD), профессор Монгольского государственного университета (г. Улан-Батор, Монголия)

Насимова Гульнара Орленбаевна, д-р полит. наук, проф., заведующий, кафедра политологии, Казахский национальный университет им. аль-Фараби (г. Алматы, Казахстан)
Омаров Меират Муратович, канд. полит. наук, заведующий, кафедра регионоведения Казахского университета международных отношений и мировых языков имени Абылай хана (г. Алматы, Казахстан)
Пешков Иван Олегович, д-р филос. (PhD, prof.), преподаватель Восточного института Университета им. Адама Мицкевича (г. Познань, Польша)
Потоликкио Сэмуэль, д-р полит. (PhD, prof.), лектор американской политики в Мировом образовательном институте Джорджтаунского университета, профессор Джорджтаунского университета (г. Вашингтон, округ Колумбия, США)
Смит Гордон Б., д-р полит. (PhD, prof.), директор программы «Верховенство права» (Rule of Law Collaborative), почетный профессор Университета Южной Каролины (г. Колумбия, Южная Каролина, США)
У Динмин, канд. юр. наук, проф. Политико-юридического университета Китая (г. Пекин, КНР)
Экштайн Карл, д-р юр. наук, проф., почетный Консул Российской Федерации в Швейцарии (г. Берн, Швейцария)

СОДЕРЖАНИЕ

Слово главного редактора
Павел Дудин …… 7

Гость номера
Трощинский П. В. Эволюция правовой системы КНР: историко-правовой анализ
(г. Москва, Россия) …… 8

Ван Хайцзюнь. Правовая система Китая о вопросе транснационального противодействия коррупции
(*г. Шанхай, КНР*) …… 24

Кожин П. М. Государство в Китае в исторической перспективе
(г. Москва, Россия) …… 38

Базина (Максимова) О. О. Увеличение объема полномочий Председателя Китайской Народной Республики ввиду создания Совета государственной безопасности Китайской Народной Республики
(г. Москва, Россия) …… 47

Фархутдинов И. З. Правовое регулирование иностранных инвестиций в Китае: общее и особенное
(г. Москва, Россия) …… 56

Колоколов Н. А. Россия и Китай: Верховный суд Российской Федерации дал системное толкование нормам УК Российской Федерации и положениям международного соглашения
(г. Москва, Россия) …… 92

Сивинцева О. В. Расширение границ общественного участия в условиях развития современного Китая
(г. Пермь, Россия) …… 99

Кондорский Б. М. Основные этапы исторического развития Китая
(г. Донецк, Украина)…… 109

Чжан Цзяньхуа. Китай и Россия: китайские рабочие в Сибири и на Дальнем Востоке (середина XIX века — октябрь 1917 г.)
(г. Пекин, КНР)…… 125

Тон Чжан. Новейшие тенденции в развитии европейского договорного права и его воздействие на правовые системы Восточной Азии
(г. Пекин, КНР)…… 141

Цао Яксин, Сун Юян. Верховенство закона при восстановлении политической легитимности в современном Китае
(г. Ухань, КНР)…… 154

Чэнь Си. Краткий анализ особенностей и динамики развития закона Китайской Народной Республики «О патентах»
(г. Пекин, КНР)…… 163

Джан Яньлон. Эмпирическое исследование о неправомерном доступе к персональным данным граждан КНР
(г. Пекин, КНР)…… 169

Чжан Чжочжоу. О разрешении противоречий между предъявлением иска прокуратурой и прокурорским надзором
(г. Пекин, КНР)…… 176

Лю Вэньхуа. Надлежащий порядок для предотвращения ошибочных уголовных дел
(г. Пекин, КНР) …… 183

Цзя Шаосюэ. Анализ проблем правового регулирования в области энергетической безопасности в Китае
(г. Шанхай, КНР)…… 197

Набока А. В. Политика Вашингтона в Китае в период первой опиумной войны (1839–1842)
(г. Старобельск, Украина)…… 204

CONTENTS

Foreword of chief editor 7

Troshchinskiy P. V. Evolution of legal system in the PRC: historical and legal analysis
(Moscow, Russia)..... 8

Wang Haijun, East China. On the issue of transnational anti-corruption activities of Chinese legal system
(Shanghai, PRC)..... 24

Kozhin P. M. State in China in historical perspective
(Moscow, Russia) 38

Bazina (Maksimova) O. O. Increased authorities of the chairman of the People's Republic of China due to the creation of the state security council of the People's Republic of China
(Moscow, Russia) 47

Farkhutdinov I. Z. Legal regulation of foreign investments in China: general and special
(Moscow, Russia)..... 56

Kolokolov N. A. Russia and China: The Supreme Court of the Russian Federation gave a systematic interpretation of norms of the Russian Federation Criminbal Code and provisions of international agreement
(Moscow, Russia)..... 92

Sivintceva O. V. Expansion of public participation in conditions of contemporary China development
(Perm, Russia)..... 99

Kondorskiy B. M. Main stages of historical development of China
(Donetsk, Ukraine)..... 109

Zhang Jianhua. China and Russia: the Chinese workers in Siberia and Far East (from the middle of the 19th century through October 1917)
(Beijing, PRC)..... 125

Tong Zhang. Newest developments in the European contract law and its impacts in East Asia
(Beijing, China)..... 141

Cao Yaxiong. Rule of law at reconstructing of political legitimacy in contemporary China
(Beijing, China)..... 154

Chen Xi. Short analysis of features and dynamics of the develoment of the Law of People's Republic of China "On patents"
(Beijing, PRC)..... 163

Zhang Yanlong. Empiric research on the illegal access to personal data of the PRC citizens
(Beijing, PRC)..... 169

Zhang Zhozhou. On resolution of contradictions between the Prosecutor's Office suing and prosecutorial citizens
(Beijing, PRC)..... 176

Liu Wenhua. Proper order to prevent erroneous criminal cases
(Beijing, PRC) 183

Tsya Shaosue. Analysis of the problems of legal regulation in the field of energy security in China
(Shanghai, PRC) 197

Naboka A. V. Washington policy in china during the First opium war (1839–1842)
(Starobelsk, Ukraine)..... 204

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Приглашенный научный редактор номера 5 «Право, государство и общество в Китае» — один из крупнейших специалистов КНР в области российского права и сравнительного правоведения, ученый, юрист, профессор Ван Чжихуа.

Начиная с этого номера редакция нашего журнала планирует привлекать в качестве приглашенного научного редактора выпускаемого номера ведущих ученых в исследуемых областях науки, как отечественных, так и зарубежных.

Поскольку Китай является стратегическим партнером нашего государства, именно представители научного сообщества этой страны, по нашему мнению, должны были заложить эту традицию и первыми выступить в статусе приглашенного научного редактора.

Исходя из данного посыла, редакция имеет честь представить Ван Чжихуа, доктора юридических наук, профессора политико-юридического университета Китая, с которым мы работаем давно и плодотворно. Ван Чжихуа является председателем Института сравнительного правоведения при политико-юридическом университете, заместителем председателя научно-исследовательского Центра российского права, Генеральным секретарем Ассоциации сравнительного правоведения Китая.

Научные интересы профессора Вана охватывают вопросы сравнительного правоведения, частного права, истории государства и права и российского права. Его перу принадлежат переводы книг «Мой отец — Лаврентий Берия (автор — Серго Берия); «Законы о хозяйственных обществах Российской Федерации»; «Гражданское право» (под редакцией Е. А. Суханова; том 2) и др., а также монографии «Компаративное право в России» и «Законодательство о ценных бумагах нового времени Китая».

Мы выражаем признательность профессору Ван Чжихуа за участие в нашем проекте и надеемся, что представленный вниманию читателя настоящий номер поможет в научных изысканиях и познании такой великой страны, как Китай.

Сайт: http://www.ruslaw.com.cn/ E-mail: imwang333@sina.com
Телефон: 13910259239

С уважением,
канд. полит. наук, главный редактор
ПАВЕЛ ДУДИН

ГОСТЬ НОМЕРА

УДК 343.2(510) © **П. В. Трощинский**

ЭВОЛЮЦИЯ ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ КНР: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Статья посвящена характеристике основных этапов становления и развития правовой системы Китайской Народной Республики в период с 1949 г. по настоящее время. Исследуются особенности китайского законодательства, правосознания и правовой культуры в рассматриваемые периоды. Проводится анализ роли закона в жизни общества. Подчеркивается, что происходящие внутри КНР политические процессы оказали глубокое влияние на формирование и эволюцию ее правовой системы.

***Ключевые слова**: Китай, правовая система, «культурная революция», законодательство, социалистическое право, юридическая наука, право Китая, традиция.*

P. V. Troshchinskiy

EVOLUTION OF LEGAL SYSTEM IN THE PRC: HISTORICAL AND LEGAL ANALYSIS

The article is devoted to analyzing the main stages in the formation of legal system of the modern legal system of the People's Republic of China since 1949 through nowadays. The features of the Chinese legislation, legal consciousness and legal culture are studied in the considered historical periods. The role of law in the life of society is analyzed. It is emphasized that the political processes that take place in the PRC had the deep impact on the formation and subsequent development of its legal system.

Keywords: China, legal system, «the cultural revolution», legislation, socialist law, jurisprudence, Chinese law, tradition.

Российская наука сравнительного правоведения в последнее время уделяет все больше внимания изучению правовых систем государств Азиатского региона. Азия отличается от других частей света не только характером населяющих ее жителей, их образом жизни, политическим и социально-экономическим строем, но и особенностями правового регулирования существующих общественных отношений. Одной из наиболее интересных с позиции юридической компаративистики представляется правовая система Китайской Народной Республики, эволюция которой насчитывает более 65 лет.

Исследование правовой системы КНР представляет значительный интерес для отечественной юридической и синологической наук. Российский ученый Е. В. Куманин констатирует, что этот интерес «начинает базироваться не только на желании лучше узнать политико-правовую жизнь

Китая. За время, прошедшее после начала реформ, в КНР накоплен определенный опыт использования права для стимулирования социальных преобразований, оживления социалистической экономики. Изучение этого опыта имеет практическое значение для проведения правовой реформы в нашей стране» [9, с. 5].

Правовая система КНР уникальна. Она представляет собой смешанный тип, включающий в себя древнее (традиционное) право, право стран социализма, англосаксонскую (правовая система Гонконга) и романо-германскую (правовая система Макао) правовую традицию, при оказанном на нее глубоком влиянии советской юридической науки, наследие которой проявляется в законодательстве КНР до сих пор. Эта «гремучая правовая смесь» настолько своеобразна, насколько неповторима вся история Поднебесной. Для российских исследователей права КНР его законодательство представляется чем-то знакомым, родным. Структура правовой нормы, характер закрепленных в китайских законах положений — все несет на себе отпечаток советской эпохи. В отличие от западных специалистов отечественным исследователям многим понятнее дух и сущность современного китайского права. Именно это позволяет нам более глубоко понимать китайскую терминологию и те сложности, с которыми сталкивается законодатель при разработке текстов актов правотворчества.

Правовая система КНР в своем развитии прошла несколько основных этапов, каждый из которых характеризуется особенностями и характерными для соответствующего периода ее развития принимаемыми актами правотворчества. Приводимая оригинальная авторская периодизация исходит из особенностей эволюции китайского законодательства в период с 1949 г. по настоящее время и учитывает основные вехи правотворческих процессов, происходящих в КНР в указанные периоды:

первый этап (1949–1957 гг.) связан с образованием в 1949 г. КНР и началом правотворческого процесса новой формации. В этот период появляются первые законы нового государства, включая Конституцию КНР и ряд органических актов правотворчества. Однако уже к 1958 г. законодательная деятельность в Китае была прекращена;

второй этап (1958–1977 гг.) характеризуется проведением в КНР целого ряда разрушительных политических кампаний, центральной из которых стала «культурная революция». В эти годы о китайском праве можно говорить лишь в историческом контексте: не было принято практически ни одного закона, исключением является лишь Конституция 1975 г., носившая исключительно декларативный характер. Произошло полное свертывание юридической политики. Смерть Мао Цзэдуна в 1976 г. явилась завершением «правового безвременья» указанного периода;

третий этап (1978–2001 гг.) начался с принятием в марте 1978 г. новой (третьей) Конституции КНР и развертыванием политики реформ и открытости, ознаменовавшей правовосстановительный процесс в масштабах всего Китая. Страна начинает выходить на путь модернизационного строительства. 2001 год — год вступления КНР в ВТО, законодательство

страны претерпело изменения по причине необходимости соответствия закрепленным данной международной организацией требованиям;

четвертый этап (**2002–2010 гг.**) свидетельствует о решимости властей в построении «социалистического правового государства» (конституционные поправки 2004 г.). 2010 год стал годом завершения первоначального этапа формирования «социалистической правовой системы с китайской спецификой», эта задача была поставлена правящей партией в 1997 г. Таким образом, к 2010 г. правовая система КНР оказалась сформированной;

пятый этап (**с 2011 г. по настоящее время**) характеризуется появлением в правовой системе новых уникальных актов правотворчества, а также внесением изменений в действующее законодательство. Отметим принятые в декабре 2015 г. законы КНР «О противодействии терроризму» и «О борьбе с насилием в семье».

На **первом этапе (1949–1957 гг.)** был заложен фундамент китайской государственности и, как следствие, правовой системы нового Китая.

Хотя не все районы страны к этому времени были освобождены от войск Гоминьдана, тем не менее новое руководство страны сразу приступило к формированию основ правовой системы Китая. Одним из первых китайские коммунистические власти отменили достаточно развитое для того времени гоминьдановское законодательство: «**Полная книга шести законов**» (или шести отраслей права) **(六法全书)**. Решение об его отмене в освобожденных советских районах официально было оформлено нормативной директивой ЦК КПК в феврале 1949 г. [21, с. 1–3].

До этого в своем воззвании о современной политической ситуации, сделанном 14 января 1949 г., Мао Цзэдун выдвинул лозунг «Отменить фальшивую Конституцию, отметить фальшивые законы» [23, с. 93], что предопределило судьбу гоминьдановского законодательства в зарождающейся правовой системе новообразованного китайского государства. Отметим, что после исхода противников коммунистической власти на Тайвань гоминьдановское законодательство продолжает действовать в измененном виде и до сего времени, выступая в качестве фундамента правовой системы Китайской Республики.

В основу формируемой правовой системы нового китайского государства легло так называемое **законодательство освобожденных советских районов Китая**, которое активно принималось коммунистами в период до образования КНР в районах, находящихся под их военным контролем [14]. К нему, например, относятся положения «О выборах в Китайской Советской Республике» (ноябрь 1931 г.), «О работе избирательных комиссий Китайской Советской Республики» (декабрь 1931 г.), закон «Об организации центральных органов Китайской Советской Республики» (февраль 1934 г.) и многие другие документы. Заложенные в них принципы плавно «перетекли» в акты правотворчества, принимаемые китайскими властями в первые годы после образования государства.

После официального провозглашения в октябре 1949 г. образования КНР руководство страны продолжило работу по созданию основ право-

вой системы страны. Первыми законодательными актами того времени стали законы «О браке» (13.04.1950), «О земельной реформе» (28.06.1950), положение «О наказаниях за контрреволюционную деятельность» (20.02.1951), Временное положение «Об охране государственной тайны» (01.06.1951), положение «О наказаниях за коррупцию» (18.04.1952) и др.

Характеризуя начальный период становления правовой системы нового Китая, выдающийся ученый Л. М. Гудошников пишет: «Правотворчество КНР в первые ее годы отличала и многосубъектность, которая выражалась в предоставлении нормотворческих прав широкому кругу органов. Кроме властей больших административных районов субъектами местного правотворчества выступали военно-контрольные комитеты НОАК. С образованием КНР законодательные права в национальном масштабе стали осуществлять Центральный народный правительственный совет (ЦНПС), Административный совет и его комитеты (в частности, большое количество нормативных актов издал Финансово-экономический комитет). Всего до «культурной революции» 1966–1976 гг., когда законодательная деятельность прекратилась, было издано 1500 законов и постановлений только на национальном уровне» [4, с. 412–413].

Первым документом конституционного характера стала **Общая программа Народного политического консультативного совета Китая**, принятая на его пленарной сессии 29 сентября 1949 г. Документ состоял из введения, 7 глав, 60 статей. Эта «временная китайская Конституция» провозглашала общие принципы образованного государства (глава 1), принципы организации государственной власти (глава 2), особенности военной системы (глава 3), основные направления экономической политики (глава 4), политики в области культуры и просвещения (глава 5), а также национальной (глава 6) и внешней политики (глава 7). Ст. 17 Общей программы НПКСК закрепляла: «ликвидируются все угнетающие народ законы, указы и судебная система гоминдановского реакционного правительства и будут выработаны законы и изданы указы, защищающие интересы народа, а также установлена система народного правосудия».

Лишь после пятилетнего существования КНР, 20 сентября 1954 г., была принята **первая Конституция**. Основной закон состоял из введения, 4 глав, 106 статей. Конституция 1954 г. своим содержанием походила на сталинскую Конституцию 1936 г. и устанавливала общие принципы деятельности государственных органов КНР (глава 2), содержала перечень основных прав и обязанностей китайских граждан (глава 3), закрепляла особенности государственной символики КНР (глава 4). В ее основу также легла рассмотренная выше Общая программа НПКСК. В первой Конституции КНР широко использовался опыт международного конституционного строительства, в частности, конституционного строительства социалистических стран [8, с. 29–53].

Конституция КНР 1954 г. явилась базой для последующего активного развития правовой системы страны. Вслед за ней появились пять важных

органических законов, устанавливающих принципы формирования и деятельности государственных органов КНР: «Об организации Всекитайского собрания народных представителей» (далее: ВСНП) (20.09.1954); «Об организации Государственного совета» (21.09.1954); «Об организации местных собраний народных представителей и местных народных комитетов» (21.09.1954); «Об организации народных судов» (21.09.1954); «Об организации народной прокуратуры» (21.09.1954) и «О выборах во Всекитайское собрание народных представителей и местные собрания народных представителей» (11.02.1954).

Правовая система китайского государства в рассматриваемый исторический период своего развития формировалась под влиянием советской юридической науки. Законодательство китайских советских районов, первая китайская Конституция, первые законы КНР — все разрабатывалось и принималось при непосредственном участии советских специалистов. «1 октября 1949 года Китай становится народной демократией. В нем тут же начинается систематическое перенесение советских институтов» [10, с. 241].

После официального установления дипломатических отношений между двумя странами последовало командирование советских ученых-юристов в Китай для оказания помощи в формировании правовой системы страны. Не только законодательство, но сам фундамент юридической науки КНР был заложен советскими специалистами:

Во-первых, советские ученые выступали в качестве юридических консультантов, читали лекции на юридических факультетах ведущих китайских институтов (Б. С. Быков, Л. Д. Воеводин, А. Е. Лунев, Н. Г. Сударикова, К. К. Яичков и др.) [18, с. 133–151]. Они закладывали основы правоведения в умы китайских студентов, зарождали в них интерес к юридической науке. Под их руководством в стенах юридических факультетов организовывались практические занятия, на которых разъяснялась сущность марксистско-ленинской общей теории права и государства.

Во-вторых, на стажировку в советские юридические институты были направлены лучшие китайские студенты и преподаватели, которые проходили обучение в МГУ, МГИМО, Казанском государственном университете (юридические факультеты). Они не только изучали русский язык и советское право, но знакомились с особенностями правоприменения в условиях восстановления разрушенной после великой Победы над фашистскими захватчиками экономики. Л. М. Гудошников вспоминает: «В 1955 г., например, большая группа работников юстиции КНР ознакомилась с опытом СССР и затем опубликовала серию книг, подробно освещавших работу органов юстиции в СССР, опыт подготовки юридических кадров и организацию научной работы в области юридических наук. В высших и средних политико-юридических учебных заведениях КНР преподавалось советское право. Значительную часть выпускавшейся в стране юридической литературы составляли переводы советских правовых работ» [3, с. 66].

В-третьих, на китайский язык переводились советские законы и научные труды по юриспруденции. В этом направлении проводилась огромная работа, затрачивались колоссальные людские и временные ресурсы. Однако благодаря ей китайские исследователи могли напрямую погружаться в мир советского социалистического права. Так, например, выдающиеся китайские ученые Цян Пин и Ван Цзяфу в 50-х гг. XX в. проходили обучение в СССР, во время которого перевели на китайский язык монографию «Советское гражданское право» [12, с. 16].

В-четвертых, система юридического образования была полностью скопирована со «старшего брата» Китая — СССР. Она включала в себя не только программы по обучению студентов юриспруденции, но и критерии оценки полученных знаний, подготовки профессорско-преподавательского состава.

Китайские ученые тщательно оберегают добрую память о вкладе советских юристов в дело становления и развития правовой системы КНР. В стенах Юридического института Народного университета Китая (г. Пекин) на его первом этаже открыт небольшой музей советского права, в котором собраны уникальные документы, материалы, фотографии того времени. Представлены редкие юридические книги советского периода на русском языке и их переводы на китайский.

Несмотря на активизацию правотворческого процесса после появления первой китайской Конституции 1954 г., до 1979 г. в стране так и не было принято ни одного кодифицированного акта правотворчества. Даже разработанный для опытного применения в 1957 г. Уголовный кодекс нигде не публиковался и был лишь закрытой инструкцией для судебных и прокурорских работников [15, с. 27]. В стране не существовало сколько-нибудь целостной системы права. Не было кодифицировано не только материальное, но и процессуальное право, что предоставляло широкие возможности китайскому правоприменителю по использованию действующего законодательства по своему усмотрению.

Ситуация с правом и законодательством резко ухудшилась в период проведения различных политических кампаний («по упорядочению стиля», «пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все ученые», «борьба с правыми буржуазными элементами», «большой скачок», «великая культурная революция»). Законодательная работа практически полностью была остановлена в конце 50-х гг. XX в. С этого момента можно говорить о **втором этапе** в истории правовой системы КНР **(1958–1977)**, когда в китайском государстве были попраны нормы закона, а право признано буржуазным пережитком. В этот период в Китае не было принято по сути ни одного законодательного акта (появившаяся в 1975 г. новая Конституция КНР носила исключительно декларативный характер), фактически ликвидированной оказалась конституционная система государственных органов, уставные органы КПК и общественные организации. Е. В. Куманин пишет: «"Великая культурная революция" привела к практически полному отказу от использования правовых форм социального регулирования, к нарушению элементарных принципов законности в от-

ношении политических противников и инакомыслящих. Она оказала дестабилизирующее воздействие на многие сферы жизни китайского общества. Наиболее разрушительное воздействие испытала на себе правовая система» [9, с. 37].

Выдающийся французский ученый Рене Давид отмечает: «Принцип законности, который и так не укрепился ни в общественном сознании, ни в практике, оказался вновь отброшен. Были прекращены кодификационные работы. Партийные директивы заменили законы. Была ограничена деятельность судов, поставленных под контроль исполнительных органов. Подчеркивалось подчинение права (как и экономики) политике. …Мао Цзэдун в речи, произнесенной в феврале 1957 г., говорил, что право создано не для всего мира…» [13, с. 254–255].

Наибольший удар по китайской государственности и правовой системе был нанесен «культурной революцией» (1966–1976). В результате «культурной революции» была практически уничтожена основанная на Конституции 1954 г. политическая система КНР, подвергнута чистке армия и правоохранительная система, репрессированы видные работники государственно-партийного аппарата Китая. В эти годы произвола и беззакония погибли сотни тысяч невинных граждан, а еще большее число было репрессировано. Как отмечал отечественный исследователь уголовного права КНР Э. З. Имамов, в этот период «...невозможно говорить о существовании и действии в Китае права» [5, с. 18].

Об этом свидетельствует и авторитетный исследователь китайского права профессор — японец Инако Цунэо, который писал: «…в период "культурной революции" из центра поступало множество указаний, уведомлений, сообщений, которые содержали выражения "карается законом", "строго карается законом государства", "строго карается законоположениями государства". Однако и в данный период право существовало лишь в этих узких пределах. Упоминаемый в документах "закон" относился лишь к сфере уголовного права, направленного на поддержание порядка. Ничего конкретного о том, какие это "законы", не говорилось. Более того, сам факт неоднократного издания директивных документов свидетельствовал о том, что подобное "право" не восполняло действия подлинного права» [6, с. 208].

Перед самым окончанием «культурной революции» была принята **вторая Конституция КНР** (17.01.1975), число статей которой в сравнении с первой Конституцией было значительно сокращено (со 106 до 30). «Конституцию КНР 1975 г. трудно было отнести к категории основных законов государства. Она представляла собой скорее декларацию определенных политических сил, причем сил не полностью однородных, а выступающих с различными установками относительно нынешнего положения и дальнейшего развития страны» [7, с. 238].

В период «культурной революции» было закрыто большинство учебных заведений, дискредитирован профессорско-преподавательский состав. Учителей водили с веревкой на шее с позорящими надписями на груди, изобличающими их «контрреволюционное мыш-

ление». Юридическая наука, правотворческая деятельность оказались разрушены. За годы «культурной революции» в Китае не вышло ни одной работы по юриспруденции, юридические факультеты были упразднены, интерес к праву был на нуле. Преподавателей юридических факультетов в массовом порядке отправляли в деревни на «перевоспитание» либо уничтожали как реакционный класс. Репрессиям подверглись видные ученые-юристы Чэнь Шэнцин, Чэнь Тицян, Хэ Цзисян и др. [19, с. 135]. «В годы «культурной революции» все лекции на факультете были прекращены, общество оказалось в состоянии полного разгула беззакония, чудовищные бедствия обрушились на государство, не миновала чаша сия и автора» [11, с. 6].

По окончании «культурной революции», смерти Мао Цзэдуна (1976 г.) и ареста основных ее руководителей («банда четырех») правовая система КНР вступила в **третий этап** своего развития **(1978–2001 гг.)**. Более точно можно сказать, что начался этап восстановления некогда порушенной в годы «культурной революции» правовой системы страны. В конце 70-х гг. прошлого столетия в КНР возобновилась правотворческая деятельность. Именно с этого времени принято говорить об уникальном опыте правового строительства китайского государства. На новом этапе перед руководством Китая стояла задача стабилизировать положение в стране, восстановить разрушенную систему управления.

На 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) было подчеркнуто, что «социалистическая модернизация нуждается в строгом соблюдении закона и дисциплины... Необходимо добиться, чтобы у нас были законы, на которые можно положиться; исполнение законов должно быть строгим, нарушение законов должно расследоваться и пресекаться» [16, 24 дек. 1978 г.]. Современный облик китайское право стало приобретать с конца 1978 г. [4, с. 420], когда Китай встал на путь широких экономических и политических преобразований.

Обращение к праву и законности как к основным регуляторам общественных отношений в новом Китае было утверждено на VIII съезде КПК еще в 1956 г. Лишь на 3-м пленуме ЦК КПК 11-го созыва, проходившего в Пекине с 18 по 22 декабря 1978 г., была «…торжественно выдвинута великая задача по оздоровлению социалистической законности, утвержден курс по строительству социалистической законности, состоящий из 16 иероглифов: при наличии закона опираться на него, при наличии закона обязательно исходить из него, обязательно строго исполнять закон, обязательно преследовать за нарушение закона» [20, 21 июня 2011 г.].

Восстановление правовой системы КНР после «культурной революции» связано, прежде всего, с принятием новой **Конституции КНР 1978 г.**, ставшей первоначальной базой этого процесса (принята 05.03.1978) [2, с. 119–129]. Объем 3-й китайской Конституции был в два раза больше предыдущей. Ее основу составляли главные положения Конституции 1975 г., с использованием некоторых положений и формулировок первой Конституции КНР 1954 г. В общем плане в Конституции 1978 г. была законодательно оформлена политика руководства страны,

направленная на восстановление страны после долгого разрушительного периода «культурной революции». И хотя данная Конституция просуществовала совсем недолго (до 1982 г.), однако она явилась основой зарождающегося правотворческого процесса в масштабах всего Китая.

Первыми после пятнадцатилетнего перерыва опубликованными правовыми актами явились положение «Об арестах и задержаниях» (23.02.1979) (основывалось на аналогичном акте 1954 г., восстанавливая роль уничтоженных в «культурную революцию» органов правопорядка) и экспериментальный (т. е. вводимый в опытном порядке) Лесной кодекс КНР (25.02.1979). Первый был направлен против распространившихся в период «культурной революции» явлений произвола и беззакония в уголовной и уголовно-процессуальной сферах. Второй пытался поставить преграду на пути хищнической вырубки лесов, которая оказывала влияние на климатические условия и сельскохозяйственное производство в ряде районов страны.

В масштабах всего Китая начинает бурлить юридическая жизнь. Открываются юридические факультеты в ведущих университетах страны, китайские студенты и преподаватели начинают выезжать за рубеж для получения юридического образования и повышения квалификации. На свет появляется юридическая литература, содержащая широкий плюрализм мнений по многим дискуссионным вопросам права. До 1978 г. в КНР не было выпущено ни одного официально изданного учебника по праву или посвященного исследованию вопросов юриспруденции монографического труда. Сразу после начала процесса восстановления китайской юридической науки стали появляться первые монографии по праву КНР (первые работы вышли в начале 1980-х гг. в Народном университете Китая).

Китайский правотворец приступает к принятию основополагающих правовых документов, без которых было невозможно успешное реформирование государства. Семьдесят процентов принимаемых законов и подзаконных нормативных правовых актов было направлено на регулирование экономической сферы. Появляются положение «О поощрении выпуска продукции высшего качества» (30.06.1979); закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (01.07.1979); положение «Об особых экономических зонах провинции Гуандун» (26.08.1980); временное положение «О постоянных представительствах иностранных предприятий в КНР» (30.10.1980); закон «О хозяйственном договоре» (13.12.1981); положение «О регистрации промышленных и торговых предприятий» (07.07.1982); закон «О товарных знаках» (23.08.1982) и многие другие акты.

Наряду с появлением актов правотворчества экономической направленности высший законодательный орган Китая впервые с момента образования в 1949 г. КНР принимает Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы (01.07.1979), а также законы «Об организации народных судов», «Об организации народной прокуратуры» (01.07.1979) и впервые времен-

ное положение «Об адвокатах» (26.08.1980). 13 апреля 1982 г. появляется закон «О нотариате».

После более чем двухлетней подготовки 4 декабря 1982 г. была принята **действующая** (четвертая по счету) **Конституция**. Действующая Конституция состоит из введения, 4 глав и 138 статей. Из нее китайским законодателем были изъяты все формулировки, свойственные периоду «культурной революции». По отношению к регулированию организации и деятельности государственных органов Основной закон почти полностью повторяет первую китайскую Конституцию 1954 г., при этом восстанавливается пост Председателя КНР.

По мере государственно-правового развития страны в действующую китайскую Конституцию вносились различные изменения и поправки, сыгравшие важную роль в деле успешного построения правовой системы КНР. В общей сложности действующая Конституция КНР подвергалась поправкам 4 раза [17].

После принятия в 1982 г. новой Конституции правовая система КНР продолжила поступательное развитие в направлении постепенного принятия необходимых для стимулирования экономического развития страны правовых документов. Основной упор в правотворческой деятельности был сделан на разработку нормативных правовых актов в экономической сфере, при этом достаточно активно развивалось процессуальное право Китая. С течением времени появлялись важные акты правотворчества, включая Общие положения гражданского права (1986 г., аналог первой части ГК РФ), Таможенный кодекс (1987 г.), Административно-процессуальный кодекс (1989 г.), законы «О регулировании налогообложения» (1992 г.), «О договоре» (1999 г.), «О правотворчестве» (2000 г.) и многие другие нормативные правовые акты.

Вступление в декабре 2001 г. КНР в ВТО ознаменовало собой новый этап в деле формирования социалистической правовой системы китайского государства (**четвертый этап (2001–2010 гг.)**), послужило толчком к глубоким изменениям не только в социально-экономической, но и в законодательной сфере страны. Не случайно, что руководством китайского государства вступление в ВТО было признано одним из главных событий за период осуществления политики реформ и открытости.

До официального провозглашения о вступлении КНР в ВТО китайский правотворец проделал комплексную работу по приведению своего национального законодательства в соответствие с требованиями международного права. Были изменены положения Таможенного кодекса, закона «О контроле качества импортируемой и экспортируемой продукции», законов КНР, касающиеся предприятий, основанных на иностранном капитале. В течение 10 лет с момента вступления в ВТО в правовой системе Китая появился целый ряд новых правовых актов, а многие ранее принятые законы подверглись существенным изменениям и/или дополнениям. В первую очередь это касается законов в сфере защиты прав интеллектуальной собственности, в инвестиционной и налоговой, банковской и предпринимательской сферах, в сфере борьбы с отмыванием денег и др.

Существенным изменениям подверглось не только материальное, но и процессуальное право Китая.

Сразу после вступления КНР в ВТО китайский законодатель продолжил активизацию усилий, направленных на принятие необходимых для страны нормативных правовых актов, но уже с учетом членства государства в этой значимой международной организации. Особый рост количества появившихся актов правотворчества пришелся на период с 2002 по 2005 г. За это время были приняты и внесены существенные изменения в десятки важнейших законов страны. В 2002 г. появился Водный кодекс КНР, законы «О правительственных закупках», «О содействии малым и средним предприятиям», внесены поправки в законы «О контроле за импортируемыми и экспортируемыми товарами», «О страховании». В 2003 г. появились законы «Об инвестиционных фондах», «О регулировании и контроле за банковской деятельностью», внесены изменения в законы «О Народном банке Китая», «О коммерческих банках».

В 2004 г. для поддержки китайских производителей сельскохозяйственной техники, модернизации сельского хозяйства и повышения конкурентоспособности в связи с выходом на рынки стран — членов ВТО был принят закон «О содействии механизации сельского хозяйства». С учетом взятых на себя Китаем обязательств по вступлению в ВТО внесены существенные изменения в закон «О внешней торговле». Изменениям подвергались законы «О компаниях» (исключена ч. 2 ст. 131, которая предусматривала необходимость получения разрешения ведомства Государственного совета КНР по контролю за ценными бумагами в случае, если цена выпускаемых акций превосходит номинальную стоимость) и «О ценных бумагах».

28 февраля 2005 г. впервые в правовой системе Китая был принят закон «О возобновляемой энергии» (вступил в силу 01.01.2006). На мартовской сессии ВСНП в 2005 г. был принят также целый ряд законов, к наиболее важным из которых следует отнести закон «О противодействии расколу страны», в апреле того же года закон «О государственных служащих», а в августе законы «О наказаниях в сфере управления общественным порядком» и «О нотариате».

В последующие годы (2006–2010) правовая система китайского государства пополнилась несколько десятком новых и чрезвычайно важных актов правотворчества. Так, в 2006 г. были приняты законы «О безопасности качества сельскохозяйственной продукции», «О банкротстве предприятий», «О борьбе с отмыванием денег», «О специализированных кооперативах сельских жителей» и др. К основным законодательным актам, принятым в 2007 г., следует, прежде всего, отнести закон «О вещных правах», который явился важным правовым документом для регулирования широкого круга гражданско-правовых отношений при отсутствии в стране Гражданского кодекса. В этом же году был принят и закон «О подоходном налоге с предприятий». Членство в ВТО потребовало от китайского законодателя принятия в 2007 г. закона «О борьбе с монополизмом», а также внесения изменений в ГПК КНР.

К основным актам правотворчества, принятым китайским законодателем в период с 2008 по 2010 г. следует отнести законы «О стимулировании экономического оборота» (2008); «О государственных активах предприятий» (2008), внесение изменений в законы «О патентах» (2008), «О безопасности пищевой продукции» (2009), внесение изменений в закон «О страховании» и в действующий Уголовный кодекс КНР (УК КНР) (2009), законы «Об урегулировании хозяйственных споров по земельным подрядам в деревнях» (2009), «Об ответственности за нарушение прав» (2009). В 2010 г. появились закон «Об оборонной мобилизации», новая редакция законов «Об авторском праве» и «Об охране государственной тайны». Были приняты законы «О социальном страховании» (вступил в силу 01.07.2011) и «О применении законодательства в гражданско-правовых отношениях с участием иностранных лиц» (вступил в силу с 01.04.2011).

Важным с точки зрения процесса эволюции правовой системы КНР стала поставленная на XV съезде КПК (сентябрь 1997 г.) задача ее формирования к 2010 г. Для этого китайский законодатель стал принимать «План правотворческой работы» на предстоящие годы с прицелом на 2010 г., в результате которого на свет ежегодно появлялись новые нормативные правовые акты [22, с. 11].

Согласно официальному заявлению Председателя Постоянного комитета ВСНП У Банго, сделанному им 10 марта 2011 г. в докладе перед делегатами 4-й сессии ВСНП 11-го созыва, «социалистическая правовая система с китайской спецификой уже сформирована» (中国特色社会主义法律体系) [20, 11 марта 2011 г.]. К концу 2010 г. в правовой системе Китая действовало 236 законов, 690 административных актов и более 8600 местных актов правотворчества. К 2016 г. общее число законов КНР составляет около 250.

В настоящее время правовая система китайского государства переживает **пятый этап** своего развития (**с 2011 г. по настоящее время**). Одной из приоритетных задач, стоящих перед законодателем, становится «превращение» подзаконных актов в законы, принятие единого кодифицированного акта правотворчества в гражданско-правовой сфере, а также внесение необходимых изменений в действующие нормативные правовые акты. Возрастает необходимость в разработке пакета правовых документов, направленных на развитие экономики в условиях углубляющегося мирового финансового кризиса, дестабилизации международной обстановки.

В течение 2011–2015 гг. появился целый ряд важных законов, существенно дополнивших содержание правовой системы КНР. В сфере государственно-правового строительства 1 ноября 2014 г. китайский парламент принял Закон КНР «О борьбе со шпионажем», который своим вступлением с силу отменил действовавший с 1993 г. закон «О государственной безопасности». В июле 2015 г. ПК ВСНП принимает закон «О государственной безопасности» в новой редакции. Закрепленные в

нем положения свидетельствуют об ужесточении законодательной политики Китая в сфере национальной безопасности.

15 марта 2015 г. внесены первые за 15 лет поправки в закон «О правотворчестве». Суть изменений состоит в исключении превышения законодательных полномочий органами власти на местах, устранения противоречий между центральными и региональными актами правотворчества. В декабре 2015 г. принимается закон «О противодействии терроризму», положения которого направлены на усиление борьбы с террористической деятельностью и ее финансированием.

В уголовно-правовой сфере китайский законодатель идет по пути существенной либерализации института смертной казни путем снижения составов преступлений, ее предусматривающих. 29 августа 2015 г. китайским парламентом приняты очередные поправки в УК КНР, которые своим вступлением в силу отменили высшую меру наказания по 9 составам преступлений. **Общее количество составов преступлений, предусматривающих смертную казнь, снизилось с 55 до 46**.

В административно-правовой сфере власти КНР продолжают проводить широкомасштабную административную реформу. Ее целью является оптимизация штатной структуры правительственных органов (сокращение государственного аппарата) и снижение количества разрешительных процедур (особый упор делается на сокращении административных барьеров в сфере малого и среднего бизнеса) [1, с. 59–65]. Приняты новые акты правотворчества: законы «Об административном принуждении» (2011 г.), «О порядке въезда в страну и выезда из страны» (2012 г.), постановление ПК ВСНП «Об усилении безопасности в сети» (2012 г.), законы «О туризме» (2013 г.), «О безопасности специального оборудования» (2013 г.) и др.

В сфере политики контроля за рождаемостью 28 декабря 2013 г. ПК ВСНП принял «революционное» по сути постановление «Об урегулировании и совершенствовании политики рождаемости», которое на законодательном уровне закрепило право китайских семей на рождение второго ребенка (если хотя бы один из супругов вырос единственным ребенком в своей семье). Такое существенное послабление в сфере демографической политики обусловлено резким старением населения и предполагаемым серьезным давлением из-за этого в будущем на пенсионную систему страны.

Законодательное решение китайского парламента не привело к демографическому взрыву. Серьезность проблемы старения населения заставила китайские власти уже через два года полностью отменить действующую с 1979 г. политику «Одна семья — один ребенок». На 5-м Пленуме ЦК КПК 18-го созыва (октябрь 2015 г.) «заводить» второго ребенка было разрешено всем китайским семьям без исключения. Партийное решение получило законодательное оформление 27 декабря 2015 г. в виде постановления ПК ВСНП «О внесении изменений в Закон КНР о народонаселении и планировании рождаемости»

и принятого 5 января 2016 г. совместно ЦК КПК и Государственным советом постановления о практической реализации новой политики.

В плане правотворческой работы китайского парламента на ближайшие годы стоит принятие нормативных правовых актов, подготовка текстов которых активно велась в течение нескольких лет. К наиболее важным из них следует отнести законы «О противодействии взяточничеству и коррупции», «Об иностранных инвестициях», «О ядерной безопасности», «Об управлении зарубежными неправительственными организациями» и др. Содержащиеся в них положения, несмотря на особую китайскую специфику, представляют значительный научный и практический интерес для отечественной компаративистской науки.

Завершая настоящее исследование, отметим, что правовая система КНР, по существу, начала комплексно формироваться лишь с 1980-х гг. XX в. Отказ от прогрессивного гоминьдановского законодательства, последующая затем разрушительная «культурная революция» отбросили право на «задворки» китайской государственности. Руководству КНР долгое время было не до принятия законов, которые воспринимались как связывающий по рукам и ногам действующую власть буржуазный пережиток. Первая Конституция в КНР появилась лишь после пятилетнего существования нового Китая, первые Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы — спустя 30 лет. Государство привыкло жить многие десятилетия без законов.

Пик активизации правотворческой деятельности пришелся в КНР на период начала «политики реформ и открытости». Именно в это время правовая система получает свой современный облик. Особый интерес вызывает опыт правового строительства КНР с учетом ее вступления в ВТО. Китайский законодатель пошел по особому пути, предполагающему имплементирование международных норм только с учетом собственной национальной специфики. В интересах государства руководство страны не спешит с привнесением зарубежных правовых институтов на свою «почву». Это позволило сохранить «китайскую специфику», обеспечить устойчивое динамичное развитие КНР в условиях проведения широкомасштабных социально-экономических преобразований.

Литература

1. Бородич В., Виноградов А., Трощинский П. 1-я сессия ВСНП 12-го созыва и новая административная реформа в Китае // Проблемы Дальнего Востока. — 2013. — № 3.

2. Гудошников Л. М. Конституция КНР 1978 г. и начало правовосстановительного процесса в Китае // Публично-правовые исследования. — 2008. — № 3.

3. Гудошников Л. М. Произвол и насилие — основа политики маоистов (О попрании права и законности в КНР в годы «большого скачка» и «культурной революции») // Проблемы Дальнего Востока. — 1974. — № 3.

4. Гудошников Л. М. Становление и модернизация правовых институтов // Китай на пути модернизации и реформ. 1949–1999: монография. — М.: Восточная литература, РАН, 1999.

5. Имамов Э. З. Уголовное право Китайской Народной Республики. Теоретические вопросы общей части. М.: Наука, 1990.

6. Инако Цунэо. Право и политика современного Китая. 1949–1975 гг. / под ред. Л. М. Гудошникова, В. И. Прокопова. — М.: Прогресс, 1978.

7. Китай после «культурной революции» (политическая система, внутриполитическое положение) / Л. М. Гудошников, Б. П. Барахта, В. Г. Карымов, Р. М. Неронов. — М.: Мысль, 1979.

8. Конституция и основные законодательные акты Китайской Народной Республики: пер. с кит. / под ред. и с предисл. Н. Г. Сударикова. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1955.

9. Куманин Е. В. Юридическая политика и правовая система Китайской Народной Республики. М.: Наука, 1990.

10. Леже Р. Великие правовые системы современности: сравнительно-правовой подход. — М.: Волтерс Клувер, 2009.

11. Ло Хаоцай. Очерки современного административного права Китая / пер. с кит. А. В. Островского, В. В. Жигулевой, Б. Я. Надточенко; под ред. А. А. Демина. М.: Книгодел, 2010.

12. Лю Цзюнь Пин. Кодификация гражданского законодательства в Китайской Народной Республике: автореф. дис. … канд. юр. наук. — М., 2010.

13. Рене Давид. Основные правовые системы современности / пер. с фр. В. А. Туманова. — М.: Прогресс, 1988.

14. Советские районы Китая. Законодательство Китайской Советской Республики. 1931–1934. — М.: Наука, 1977.

15. Современное право КНР / под ред. Л. М. Гудошникова, Л. Кржижковского. — М.: Наука, 1985.

16. 人民日报 (Жэньминь жибао) (народная газета) (на кит. яз.).

17. 新中国宪法发展60 年 (Синь Чжунго Сяньфа фачжань 60 нянь) (60 лет развития Конституции нового Китая) / под ред. Хань Даюаня. Гуанчжоу: Гуандунское народное издательство, 2009.

18. 唐仕春 (Тан Шичунь). 建国初期来华苏联法学专家的群体考察 (Цзяньго чуци лайхуа сулянь фасюе чжуаньцзя дэ цюньти каоча) (Изучение групп советских специалистов-юристов, посетивших Китай в начальный период его образования) // Цюаньцю фалюй пинлунь. — 2010. — № 5 (на кит. яз).

19. 何勤华 (Хэ Циньхуа). 新中国法学发展规律考 (Исследование закономерностей развития юридической науки нового Китая) // Чжунго фасюе (Юридическая наука Китая). — 2013. — № 3 (на кит.яз.).

20. 经济日报 (Цзинзи жибао) (Экономическая газета) (на кит. яз.).

21. 中国国家和法的历史参考资料 (Чжунго гоцзя хэ фадэ лиши цанькао цзиляо) (Справочные материалы по истории китайского государства и права). Пекин: Изд-во Народного университета Китая, 1956 (на кит. яз.).

22. 中国特色社会主义法律体系前沿问题研究 (Чжунго тесе шэхуэй чжуи фалюй тиси цяньянь вэньти яньцзю) (Исследование важных вопросов социалистической правовой системы с китайской спецификой) / под ред. Сунь Гохуа, Фэн Юйцзюня. Пекин: Чжунго миньчжу фачжи, 2005 (на кит. яз.).

23. 中国法制60年 (1949–2009) (Чжунго фачжи 60 нянь) (60 лет законодательной системе Китая) (1949–2009) / под ред. Чжан Цзиньфаня. Сиань: Шаньсинское народное издательство, 2009 (на кит. яз.).

Трощинский Павел Владимирович, кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук. Россия, 117997, г. Москва, Нахимовский пр-т, 32. E-mail: troshc@mail.ru

Troshchinskiy Pavel V., candidate of science (in law), leading research fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences of the Russian Federation, candidate of science (in law). 32 Nakhimovskiy Ave., Moscow, 117997, Russia.

УДК 34(091)(510)

© **Ван Хайцзюнь**

ПРАВОВАЯ СИСТЕМА КИТАЯ О ВОПРОСЕ ТРАНСНАЦИОНАЛЬНОГО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ

В правовой системе и юридической практике Китая существует несколько способов уголовного преследования коррумпированных чиновников за рубежом и возврата расхищенных средств из-за границы в рамках транснационального противодействия коррупции. Проведенный анализ данных способов преследования позволяет сделать вывод о том, что для достижения цели необходимым является осуществление международного правового сотрудничества.

Ключевые слова: *коррупция, транснациональное противодействие коррупции, преследование коррумпированных чиновников и расхищенных средств за рубежом, международное правовое сотрудничество.*

Wang Haijun

ON THE ISSUE OF TRANSNATIONAL ANTI-CORRUPTION ACTIVITIES OF CHINESE LEGAL SYSTEM

In the legal system and law practice of China there are several ways of prosecution of corrupt officials overseas and return of the plundered funds from abroad in the field of transnational anti-corruption activities. The analysis of these ways of prosecution allows to conclude that to attain this goal it is necessary to conduct the international legal cooperation.

Keywords: corruption, transnational anti-corruption activities, prosecution of corrupt officials and plundered funds overseas, international legal cooperation.

В то время как коррупция приобретает все более широкий размах, бегство чиновников за границу с незаконно присвоенными средствами постепенно становится основным способом ухода от наказания, а в условиях экономической глобализации в этом деле выявляется уже транснациональная тенденция. В последние годы информация о коррупционерах, прячущихся за границей с выведенными средствами, привела к негативным последствиям как в Китае, так в международном сообществе, это привлекает большое внимание, а также становится одной из проблем, на которой сфокусировано общественное мнение, о которой ведутся повсеместные горячие споры. Информация о суммах хищений и высоких чинах коррупционеров постоянно бьют по нервам людей, доходя до нижней планки принятия данного явления государством, обществом и народом. В настоящее время преследование коррумпированных чиновников и расхищенных ими средств уже стало «вторым полем боя» внутринациональной антикоррупционной деятельности, которую правительство Китая активно осуществляет. Тем не менее для выполнения этой задачи необходимым является глубокое и непрерывное международное сотрудничество в области уголовного судопроизводства, также нужно решить несколько важных институциональных правовых вопросов и создать ряд долгосрочных

механизмов для превентивной работы и международного сотрудничества [1, с. 3–11].

1. Транснациональное противодействие коррупции и преследование за рубежом коррумпированных чиновников и расхищенных средств

То, что коррумпированные чиновники выводят огромные денежные суммы за границу, не только приводит к утечке большого количества внутригосударственных активов и препятствует нормальному ходу экономической деятельности, но и подрывает общественное доверие к политической системе, и более того, данные действия наносят вред социальной справедливости, авторитету закона и имиджу государства.

Что касается Китая, то эта проблема всегда представляла собой актуальную антикоррупционную тему; преследование чиновников и возвращение из-за границы расхищенных средств всегда была в Китае одной из ключевых задач в рамках борьбы с коррупцией. Несмотря на то, что были достигнуты определенные успехи, положение дел в данной сфере выглядит более чем пессимистично.

Согласно докладу Китайской академии общественных наук (2011 г.), начиная с 90-х гг. XX в. количество китайских коррумпированных чиновников за рубежом, включая так называемых голых чиновников, составило от 4 000 до 18 000 человек, а суммы расхищенных средств, вывезенных ими за границу, превысили 800 миллиардов юаней [2]. ЕС, США, Канада и другие страны, которые не подписали с Китаем договор об экстрадиции, стали первыми в списке «убежищ», выбираемых китайскими коррупционерами, и особенно эти страны пользуются популярностью у чиновников высокого статуса с огромной суммой расхищенных средств [3, с. 66–67].

За последние 20 лет Китай активно продвигает работу по преследованию коррумпированных чиновников за рубежом и возврату расхищенных средств, которая, в свою очередь, непрерывно укрепляется на фоне усиления противодействия коррупции. Начиная с 2014 г. усилия, предпринимаемые в борьбе с коррупцией, являются беспрецедентными: в начале 2014 г. была развернута работа по контролю за «голыми чиновниками», в марте Комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК открыла управление международного сотрудничества, 22 июле Министерство общественной безопасности КНР развернуло специальную кампанию по преследованию коррумпированных чиновников за рубежом — «Охота на лис — 2014», 10 октября Верховный народный суд КНР, Верховная народная прокуратура КНР, Министерство общественной безопасности КНР, Министерство иностранных дел КНР совместно опубликовали «Уведомление об убеждении сбежавших за границу экономических преступников явиться с повинной», в ноябре на совещании АТЭС в Пекине была принята «Пекинская декларация по борьбе с коррупцией» [4, с. 71–78]. 1 апреля 2015 г. Китай развернул специальную кампанию «Охота на лис — 2015» и уже добился

значительных успехов во многих ключевых странах и регионах: в феврале европейские страны впервые утвердили экстрадицию в Китай подозреваемых в совершении экономических преступлений; в апреле китайская полиция впервые осуществила экстрадицию из Греции подозреваемых в совершении экономических преступлений; в июне китайская полиция впервые направилась в Индонезию с целью развернуть деятельность по централизованному аресту [5]. Согласно статистическим данным, по состоянию на 30 сентября 2015 г. в рамках реализации кампании «Охота на лис — 2015» было задержано 627 подозреваемых в 63 странах и регионах, среди них путем преследования — 365, 258 пришли с повинной в полицию, путем судебного преследования на чужбине — 4 [6].

Транснациональная борьба с коррупцией должна включать в себя не только «преследование бежавших за границу коррумпированных чиновников», но и «возвращение из-за границы расхищенных средств», два действия тесно взаимосвязаны, «преследование коррумпированных чиновников» относится к реализации антикоррупционной справедливости, а «возвращение из-за границы расхищенных средств» представляет собой воплощение эффективности антикоррупционной деятельности, только когда будут осуществлены и «преследование коррумпированных чиновников», и «возвращение расхищенных средств», только тогда возможно достижение цели транснационального противодействия коррупции. Транснациональная борьба с коррупцией — это не простой арест коррумпированных чиновников и возвращение расхищенных средств, это также важная часть международного сотрудничества и обмена в рамках борьбы с коррупцией, неотъемлемая часть в создании нового порядка международного противодействия коррупции.

Таким образом, преследование за рубежом коррумпированных чиновников и возврат расхищенных средств — это системный проект, необходимо бороться с данными преступлениями на основе упорядоченного антикоррупционного механизма и при помощи специализированного управления. Также следует проявлять нулевую терпимость к бежавшим за границу коррупционерам и в дальнейшем формировать антикоррупционный механизм, объединяющий в себе предотвращение, преследование и управление.

2. Плюралистический путь преследования бежавших за границу коррумпированных чиновников

В юридическом смысле под «коррумпированным чиновником» понимается чиновник, совершивший коррупционное преступление, в том числе государственные чиновники, управляющие и работники государственных предприятий и учреждений [2, с. 3–11]. Транснациональная борьба с коррупцией, прежде всего, заключается в преследовании бежавших за границу коррумпированных чиновников. Успех и поражение преследования коррумпированных чиновников могут отражать рабочее

состояние антикоррупционного механизма страны и динамику международного правового сотрудничества. В соответствии с действующим антикоррупционным механизмом Китая основными способами преследования являются экстрадиция, репатриация в рамках миграционного законодательства, уголовное преследование в чужой стране и возвращение посредством убеждения [3, с. 66–67].

2.1. Экстрадиция

Экстрадиция — основная форма правого сотрудничества в рамках уголовного судопроизводства между странами и международными сообществами, также она является официальным способом преследования коррумпированных чиновников за рубежом в настоящее время. Пять принципов экстрадиции могут быть обобщены следующим образом: принцип двойной подсудности, принцип специализации, принцип невыдачи собственных граждан, принцип исключения из оснований выдачи политических преступлений и принцип невыдачи в случаях возможности применения смертной казни. Подписанные между международными субъектами соглашения об экстрадиции предоставляют гарантии для преследования коррумпированных чиновников за рубежом.

В Китае практика экстрадиции сформировалась позже, чем в западных странах, но по мере развития международного сотрудничества в области правосудия продолжает расширяться и совершенствоваться, однако обладает недостатками и на практике, и в законодательстве. Между Китаем и некоторыми странами договоры об экстрадиции не вступили в силу, т. к. китайский уголовный закон не отменил смертной казни, что затруднило утверждение договоров.

В практике некоторых стран также существует система «упрощенной экстрадиции», т. е. в случае согласия истребуемого лица на экстрадицию сокращается процедура расследования, проводимая в общем порядке, и данное лицо быстро выдается запрашивающему государству. Такой способ не только ускоряет процесс международного сотрудничества, но также сокращает затраты на правовое сотрудничество, однако в действующем законодательстве Китая не существует такой системы.

Для Китая экстрадиция является самым трудным из правовых средств по преследованию коррумпированных чиновников за рубежом.

2.2. Репатриация в рамках миграционного законодательства

Репатриация в рамках миграционного законодательства означает высылку иностранного гражданина путем репатриации как нелегального иммигранта и выдворения за пределы страны в страну, которая может проводить уголовное преследование в отношении данного лица, данная мера применяется обычно в случаях сотрудничества без экстрадиции. Главным основанием применения данной меры является законодательство страны, где находится коррумпированный чиновник. Независимо от мотивов принятия данным государством решения о репатриации или выдворении, объективно данная мера способствует достижению одинаково-

го с экстрадицией результата, поэтому репатриация в рамках миграционного законодательства также называется «фактической экстрадицией». С помощью этого метода Китай успешно преследовал нескольких коррумпированных чиновников, в том числе Лай Чансина, Дэн Синьчжи, Цуй Цзили и Цзэн Ханьлиня. Следует отметить, что репатриация зависит от понимания и признания страной, осуществляющей репатриацию, китайского уголовного судопроизводства, здесь необходимо добиться того, чтобы страна, осуществляющая репатриацию, имела доверие к китайской системе уголовного правосудия и системе защиты прав человека [7, с. 142–149], что на практике не так легко осуществить [8, с. 119–129].

2.3. Уголовное преследование в чужой стране

Уголовное преследование в чужой стране означает, что, когда существуют препятствия для осуществления экстрадиции, репатриации в рамках миграционного законодательства, китайский компетентный орган представляет судебному органу страны, где преследуемый объект скрывается, доказательства совершения данным объектом преступления, предусмотренного законодательством данного иностранного государства, и на основании этого, используя силы судебных органов данной страны, в соответствии с законодательством данной страны осуществляется арест и уголовное преследование данного субъекта. С помощью этого метода Китай успешно преследовал Юй Чжэньдуна, Ли Хуабо. В делах, связанных с судебным преследованием в чужой стране, существуют различные возможности репатриации беглых преступников. Если в ходе возбуждения уголовного дела сбежавшее лицо готово признать себя виновным и выбрать добровольное возвращение на родину, можно непосредственно репатриировать его путем сделки обвинения с обвиняемым; если же сбежавшее лицо не желает вернуться в Китай, тогда после отбывания им наказания за рубежом оно должно быть выслано в Китай.

2.4. Возвращение посредством убеждения

Возвращение посредством убеждения представляет собой определенный опыт, который органы прокуратуры Китая извлекли из практики международного правоохранительного сотрудничества. Возвращение посредством убеждения заключается в том, что на основании предусмотренной китайским законодательством явки с повинной, смягчающей наказание, и уголовной политики «сочетание строгости наказания со снисходительностью», опираясь на международные механизмы правоохранительного сотрудничества, при активном содействии правоохранительных органов страны, куда сбежал объект, китайские правоохранительные органы убеждают сбежавших за границу коррумпированных чиновников по собственному желанию вернуться в Китай и принять соответствующую меру преследования, в этом во всем явно прослеживается «китайская специфика» [9, с. 78–82].

Возвращение посредством убеждения, являющееся замещающей экстрадицию мерой, позволяет одним действием добиться тройной выго-

ды в вопросе преследования коррумпированных чиновников за рубежом: 1) преследующая сторона более экономичным и эффективным способом достигнет цели преследования; 2) государство, в котором скрывается сбежавшее лицо, решает проблемы, вызванные иностранными беглыми преступниками, обеспечивает местный порядок; 3) сбежавшее лицо получает возможность признания его действий явкой с повинной и снисходительности при рассмотрении дела [1, с. 3–11].

В последние годы доля согласившихся на возвращение посредством убеждения среди возвращенных на родину беглых преступников непрерывно увеличивается: начиная с момента реализации специальной кампании по преследованию коррумпированных чиновников за рубежом «Охота на лис — 2014» 76 сбежавших за границу подозреваемых в совершении преступлений согласились на «возвращение посредством убеждения» со стороны органов общественной безопасности Китая, добровольно вернулись в Китай и явились с повинной, что составило примерно 42 % от числа лиц, возвращенных в Китай [10].

Факты свидетельствуют о том, что «возвращение посредством убеждения» также может играть сильную вдохновляющую роль и даже может привести к более отчетливому демонстративному эффекту и вызвать масштабную цепную реакцию.

В вышеуказанных способах в конкретной практике по преследованию коррумпированных чиновников не все так гладко, зачастую встречается разница между конструкцией системы и осуществляемой практикой; причины заключаются в том, что существует ограничение международной экстрадиции и политические барьеры, страна, осуществляющая репатриацию, не во всем соглашается с китайским процессуальным законодательством и идеями о правах человека, также существуют судебные препятствия для преследования в чужой стране, и кроме того, сбежавшие за границу преступники отказываются от возвращения посредством убеждения и т. д. Сопутствующие практические трудности ограничивают функционирование системы и реализацию функций механизмов, поэтому Китай начинает менять стратегию по преследованию коррумпированных чиновников, в которой теперь используется не какой-то единственный способ, преследование выполняется параллельно с помощью многосторонних мероприятий, формируются механизмы интеграции, комбинации и обмена, и преследование коррумпированных чиновников осуществляется уже в рамках взаимодействия механизмов.

3. Способы преследования расхищенных средств за рубежом

В транснациональной борьбе с коррупцией преследование расхищенных средств за рубежом важнее, чем преследование коррумпированных чиновников, потому что невозможность возвращения расхищенных средств означает утечку государственного имущества, это не только ведет к экономическим потерям, но и, более того, негативно влияет на государственную политику. Возвращение расхищенных средств обязательно от-

носится к таким гражданско-правовым отношениям и коммерческо-правовым отношениям, как передача имущества и его принадлежность, и приводит к конфликту интересов первоначального владельца имущества, нынешнего владельца имущества и третьих лиц, разрешение этих конфликтов зависит от правовых оснований. Несмотря на то, что Китай, возможно, занимает преимущественное положение в отношении вопросов нравственности, тем не менее ограничен гражданско-правовыми нормами и порядком страны, где находится имущество [11, с. 2], поэтому процедура возвращения расхищенных средств становится более сложной. Часто встречаются случаи, когда коррумпированные чиновники были пойманы, но деньги не возвращены или возвращена малая часть, таким образом, цели преследования расхищенных средств не достигаются, и также не достигается антикоррупционный эффект за рубежом.

В настоящее время в Китае основными способами преследования расхищенных средств за рубежом являются возвращение активов и распределение активов.

3.1. Возвращение активов

Возвращение включает в себя следующие четыре ситуации: 1) преследование коррумпированных чиновников с просьбой о возврате расхищенных денег; 2) страна, где находятся расхищенные средства, инициирует их изъятие в рамках внутреннего законодательства; 3) подача гражданского иска за рубежом; 4) специальная конфискация незаконно приобретенного имущества. В рамках осуществления международного правового сотрудничества в области преследования расхищенных средств Китай одновременно с представлением запроса об экстрадиции или репатриации для преследования коррумпированных чиновников представляет сопроводительный запрос о «передаче расхищенных средств», и это также является сравнительно распространенным способом. Законодательствами многих стран предусмотрены меры по изъятию расхищенных средств. В китайском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве также содержатся соответствующие положения, в процессе преследования расхищенных средств посредством предоставления взаимной правовой помощи инициируется процедура изъятия страной, где находятся расхищенные средства, имущества, полученного в результате совершения коррупционных преступлений, оно обнаруживается, замораживается и конфискуется, возможна подача организацией в суд страны, где находятся расхищенные средства, гражданского иска о признании права на незаконные выгоды или иска о возмещении вреда, после вынесения иностранным судом постановления имущество возвращается; также возможна подача гражданского иска в народный суд по месту обнаружения преступления; после вынесения и вступления в законную силу постановления о возвращении или компенсации посредством механизма правовой помощи ходатайствуют об исполнении соответствующей страной данного постановления. Специальная конфискация незаконно добытого имущества означает, что Народный суд Китая рассматривает дело в отношении незаконно до-

бытого имущества, находящегося за границей, после вынесения и вступления в силу решения о конфискации, стране или району, где находятся незаконно добытые деньги и имущество, направляется просьба о признании и исполнении данного постановления.

Использование этого метода на практике имеет свои трудности. Правоохранительные органы различных стран в отношении законов о возвращении расхищенных средств и правил конкретной практики имеют собственное мнение. Большинство стран часто не желают возвращать расхищенные деньги, которые способствуют развитию местной экономики [12]. Хотя любая страна не готова стать «убежищем» иностранных коррумпированных чиновников, но вряд ли какая-либо страна не исключает возможности притока иностранного капитала.

3.2. Распределение активов

Другой путь по преследованию расхищенных денег за рубежом — это распределение активов, что также входит в международную практику. «Конвенция ООН против коррупции» не содержит четкого урегулирования вопроса о распределение активов, а просто позволяет государствам-участникам в вопросе о распределении коррупционных доходов достичь взаимоприемлемого соглашения [13].

Руководствуясь направлением политики и экономическими интересами, многие страны подписали соглашения о распределении активов, что играет большую стимулирующую роль в преследовании коррупционеров за рубежом. Кроме того, в процессе преследования коррумпированных чиновников правительство Китая и правительства других государств также затрачивают большое количество человеческих, финансовых и материальных ресурсов, поэтому законодательство многих стран предусматривает систему распределения коррупционных активов. Действующее законодательство Китая не предусматривает такую систему, вместе с тем подобные механизмы уже функционируют, но многие дела о преследовании расхищенных средств продвигаются очень медленно из-за традиционных представлений о том, что «вывезенные за границу незаконные активы являются собственностью государства и не могут быть разделены с иностранным государством».

Вслед за изменением концепции и усилением транснационального противодействия коррупции китайское законодательство уже понемногу отступает и постепенно признает, что распределение активов есть компромиссное и соответствующее реальности решение, кроме того, уже были проведены обсуждения относительно конструкции системы и доли распределения. Для продвижения сотрудничества между заинтересованными странами, для максимального противодействия коррупции и изъятия коррупционных средств распределение активов является возможной и необходимой мерой [14, с. 50–54]. Стоит отметить, что в рамках системы распределения активов необходимо четко определить доли распределения в соответствии с положениями «Конвенции ООН против коррупции», не следует для достижения цели возвращения расхищенных средств приспо-

сабливаться к необоснованным требованиям других стран. В то же время необходимо заимствовать международную общепринятую практику и предоставлять странам, оказывающим помощь, определенную финансовую компенсацию.

По вопросу возвращения из-за границы расхищенных средств Китай должен придерживаться существующего системного пути, должен продолжить изучение частей механизма возвращения активов, требующих оптимизации и реформирования. В то же время необходимо расширить институциональное видение до международного кругозора, заимствовать международную концепцию, продолжать уделять внимание и преследованию сбежавших за границу коррумпированных чиновников, и возврату расхищенных средств, изъятие коррупционных средств должно иметь первостепенное значение, а также необходимо повышать реальную эффективность преследования расхищенных средств при помощи таких инновационных способов сотрудничества, как изъятие, возвращение и распределение активов.

4. Продвижение международного правового сотрудничества по транснациональному противодействию коррупции

Коррупция — это общий враг всего мира, а также национальная трудноизлечимая политическая болезнь, укрепление международного сотрудничества в области совместной борьбы с коррупцией стало своего рода международным консенсусом. Но из-за различий в правовых системах, концепциях прав человека и других вопросах еще существуют определенные препятствия для международного правового сотрудничества в области правового преследования коррумпированных чиновников и расхищенных средств, конфликты интересов, в частности по вопросам принадлежности коррупционных активов, влияют на уровень сотрудничества. В сущности, преследование за границей коррумпированных чиновников и расхищенных средств не только представляет собой международный антикоррупционный кооператив, но и ринг, на котором соревнуются государства. В реальности укрывательство коррумпированных чиновников за границей и утечка расхищенных средств уже стали главными объектами международной деятельности по борьбе с коррупцией; преследование беглых преступников и возвращение из-за границы расхищенных средств стали серьезной проблемой в сфере глобального противодействия коррупции; также назрела настоятельная необходимость продвижения международного правового сотрудничества в области преследования коррумпированных чиновников и расхищенных средств за рубежом.

4.1. Активное участие китайского правительства в международном правовом сотрудничестве

4-й пленум ЦК КПК 18-го созыва в 2014 г. принял «Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего продвижения управле-

ния государством на правовой основе», где четко сформулированы следующие основные направления политики: «углубление международного сотрудничества в области правосудия, совершенствование китайской системы правовой взаимопомощи, расширение сферы правовой взаимопомощи между странами, укрепление международного сотрудничества в области противодействия коррупции, усиление мер по преследованию коррумпированных чиновников и расхищенных средств за рубежом, экстрадиции и репатриации» [15]. Это означает, что Китай уже обратился к мировой общественности с громким призывом об «укреплении международного сотрудничества в области противодействия коррупции» и «усилении международного преследования беглых коррупционеров и расхищенных средств». В рамках продвижения Китаем механизмов международного правового сотрудничества принятая 8 ноября 2014 г. на совещании АТЭС на уровне министров «Пекинская декларация о борьбе с коррупцией» (далее — Декларация) имеет особую важность, она «создала крупнейшую государственную антикоррупционную платформу по преследованию за рубежом коррумпированных чиновников и расхищенных средств». Конкретные предложения по сотрудничеству, указанные в «Декларации», включают в себя создание «сети правоохранительного сотрудничества АТЭС по борьбе с коррупцией» (ACT-NET), а также секретариата, данная сеть станет механизмом неформального сотрудничества по обмену информацией, опытом и технологиями между органами по борьбе с коррупцией и правоохранительными органами в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Конкретный механизм работы заключается в том, чтобы посредством своевременного обмена информацией в рамках сотрудничества правоохранительных органов осуществлять реальное деловое сотрудничество по расследованию коррупционных дел, обвинению и возвращению активов, заимствовать различные опыты и практики и наряду с этим укреплять подготовку специалистов и повышать их способности. Антикоррупционный механизм сотрудничества, созданный Декларацией, по сравнению с прошлым представляет собой крупный прорыв в области предотвращения, расследования, экстрадиции. Кроме того, обмен информацией улучшил взаимопонимание между правоохранительными органами различных стран и в особенности увеличил представления о правовой системе и правоохранительных особенностях других стран.

Китай, продвигая создание ACT-NET, выступает с призывом об укреплении международного правового сотрудничества в области противодействия коррупции, что означает, что экономики Азиатско-Тихоокеанского региона стремятся к деловому сотрудничеству, что, в свою очередь, имеет значение для глобального предотвращения и борьбы с коррупцией. На этой основе уже сформировался в общих чертах механизм глобального сотрудничества по преследованию за границей коррумпированных чиновников и возврату расхищенных средств, но для лучшего воплощение в жизнь этих договоренностей необходимо дальнейшее обсуждение и усиление сотрудничества; что касается Китая, то он должен взять на себя большую ответственность в этом процессе и тем самым

расширить возможности по борьбе с коррупцией и возможности государственного управления.

По состоянию на март 2015 г. Китай уже заключил с 68 странами и регионами 122 соглашения об экстрадиции, соглашения о правовой помощи и о передаче осужденных [5], с 93 странами подписал соглашения о сотрудничестве органов прокуратуры, или меморандумы о взаимопонимании, с 189 странами наладил сотрудничество органов полиции, аккредитовал 62 офицера связи полиции в 36 посольствах и консульствах в 30 странах [16], создал механизмы правового и правоохранительного сотрудничества с США, Канадой и другими странами, предпринял первые шаги по созданию сети международного сотрудничества по преследованию за рубежом коррумпированных чиновников и расхищенных средств.

Вышеуказанные мероприятия дали сигнал о том, что китайская решимость в деле преследования коррумпированных чиновников и возврата расхищенных денег за рубежом крепнет все больше и больше. Это стало одной из важных стратегий по обеспечению законности в госуправлении, одной из основных стратегий по совершению системы наказания и предотвращения коррупции.

4.2. Ускорение процесса специализированной законодательной деятельности в Китае

С целью содействия международному сотрудничеству в области преследования коррумпированных чиновников и расхищенных средств за рубежом Китай проводит активную законодательную деятельность. В мае 2015 г. Постоянный комитет ВСНП опубликовал свой ежегодный план законодательной работы, «Закон о международной правовой помощи по уголовным делам» в качестве важного и основного закона, стимулирующего преследование Китаем коррумпированных чиновников и возврат расхищенных средств за рубежом, был включен в законодательный план 2015 г.

«Закон о международной правовой взаимопомощи по уголовным делам» охватывает все сферы сотрудничества в области уголовного судопроизводства, его содержание включает в себя уголовную правовую взаимопомощь, взаимное признание и исполнение судебных решений, передачу уголовного судопроизводства и т. д. [17].

«Закон о международной правовой взаимопомощи по уголовным делам» представляет собой основной нормативно-правовой акт о сотрудничестве между Китаем и другими странами в уголовно-правовой сфере. С точки зрения конкретного содержания правовая помощь по уголовным делам главным образом касается регламентации порядка оказания правовой помощи и четкого определения стандартов рассмотрения дел.

Несмотря на то, что по форме закон о правовой помощи разрешает вопросы, связанные с предоставлением правовой помощи Китаем другим странам, с точки зрения принципа международного паритета и взаимной выгоды появление данного закона является необходимой правовой гаран-

тией дальнейшего проведения Китаем деятельности по преследованию коррумпированных чиновников и возврату расхищенных средств за рубежом.

«Закон о международной правовой взаимопомощи по уголовным делам» выступает правовой основой для международного сотрудничества в области уголовного судопроизводства, возлагая на государство ответственность в рамках международного сотрудничества по борьбе с транснациональной организованной преступностью, террористическими преступлениями, коррупционными преступлениями, также, возможно, приведет к развитию сотрудничества между Китаем и развитыми странами в вопросах преследования коррумпированных чиновников и расхищенных средств за границей в сторону взаимной выгоды.

Выводы

Мы живем в эпоху глобализации, между странами становится все меньше коммуникативных барьеров, однако в вопросах преследования коррумпированных чиновников, бежавших за границу, все еще существуют преграды. Китай должен осознать серьезность данной проблемы и посредством непрерывного совершенствования законодательства, совершенствования системы международного правового сотрудничества создавать механизмы сотрудничества, основанные на взаимном доверии, только таким образом станут возможными эффективное сотрудничество с иностранными судебными органами, успешная реализация преследования коррумпированных чиновников и возврата расхищенных средств и защита законных интересов страны. В то же время мы должны смотреть правде в глаза: преследование коррумпированных чиновников и возврат расхищенных средств за рубежом обязательно затронут политические, экономические, культурные, правовые и другие проблемы, касающиеся двух и более стран, — трудности очевидны. Осуществляемые Китаем действия по преследованию коррумпированных чиновников и возврату расхищенных средств за рубежом, ограниченные международной антикоррупционной системой, сталкиваются с многочисленными институциональными барьерами; в ситуации, когда международные правила игры «установлены другими странами», деятельность по преследованию коррумпированных чиновников и возврату расхищенных средств потребует от Китая решения соответствующих вопросов в рамках глобального кругозора и международных представлений, одновременно с этим необходимо посредством местного опыта и эффективного функционирования системы способствовать оптимизации и обновлению международных правил, и тем самым дальнейшему совершенствованию внутригосударственной антикоррупционной системы.

Литература

1. Хуан Фэн. Правовые вопросы создания эффективного механизма преследования коррумпированных чиновников и незаконно приобретенных денежных средств за рубежом // Правоведение. — 2015. — № 3.

2. Почему преследование коррумпированных чиновников сложнее, чем поиск незаконно приобретенных денежных средств? // Пекинская молодежная газета. — 2014. — 8 дек.

3. Хуан Фэн. Международное сотрудничество по преследованию коррумпированных чиновников в антикоррупционной области: трудности, проблемы и контрмеры // Народная трибуна. — 2015. — № 25.

4. Чжан Лэй. Анализ ситуации и предложения по преследованию коррумпированных чиновников и поиску незаконно приобретенных денежных средств за рубежом в рамках общей коррупционной преступности // Современное правоведение. — 2015. — № 3.

5. Организаторы кампании «Охота на лис — 2015» издают документы к преследованию коррумпированных чиновников за рубежом // Свет: ежедневная газета. — 2015. — 12 окт.

6. В результате кампании «Охота на лис — 2015» арестовано 627 подозреваемых // Китайская молодежная газета. 2015. 5 нояб.

7. Чэнь Цзэсянь, Чжоу Вэймин. Преследование коррумпированных чиновников и незаконно приобретенных денежных средств за рубежом и совершенствование системы уголовной правовой взаимопомощи // Вестник Пекинского педагогического университета. Вып. Социальные науки. — 2015. — № 5.

8. Юй Хэвэй. Рассуждение о создании и совершенствовании механизма по преследованию коррумпированных чиновников и незаконно приобретенных денежных средств за рубежом в антикоррупционной области // Государственное управление и право. — 2015. — № 9.

9. Ван Лян. Несколько подходов и методов по преследованию коррумпированных чиновников и незаконно приобретенных денежных средств за рубежом // Бюллетень Высшей школы Китайской академии социальных наук. — 2015. — № 4.

10. За 100 дней осуществления кампании «Охота на лис — 2014» более 180 подозреваемых были арестованы и возвращены посредством убеждения [Электронный ресурс]. URL: http://news.youth.cn/sz/201410/t20141031_5950127.htm (дата обращения: 13.11.2015).

11. Хуан Фэн. Проблемы, связанные с возвращением активов: сравнительное исследование. Пекин: Изд-во Пекинского педагогического университета, 2010.

12. «Ноша тяжела, а путь далек»: о преследовании коррумпированных чиновников и незаконно приобретенных денежных средствах за рубежом // Юридическая ежедневная газета. — 2015. — 19 мая.

13. Конвенция ООН против коррупции.

14. Юй Хэвэй. Анализ необходимости распределения активов в рамках антикоррупционного международного преследования незаконно приобретенных денежных средств // Вестник Института железнодорожной полиции. — 2015. — № 3.

15. Решение ЦК КПК о некоторых важных вопросах всестороннего продвижении управления государством на правовой основе [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/ziliao/2014-10/30/c_127159908_7.htm (дата обращения: 13.11.2015).

16. В этом году, возможно, будет издан новый закон по преследованию коррумпированных чиновников за рубежом // Юридическая вечерняя газета. — 2015. — 7 сент.

Ван Хайцзюнь, доктор юридических наук, преподаватель Восточно-китайского университета политики и права, научный сотрудник Академии иностранного права и сравнительного правоведения Восточно-китайского университета политики и права, Исследовательский центр «БРИКС» Университета Фудань. E-mail: nivi2006@163.com

Wang Haijun, D.Sc. (in law), lecturer, East China University of Political Science and Law, researcher, Academy of Foreign Law and Comparative Jurisprudence, researer, Research Center "BRICS" of Fudan University

УДК 342(510)

© П. М. Кожин

ГОСУДАРСТВО В КИТАЕ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Посредством анализа сохранившихся до нашего времени письменных памятников, в которых отражались различные сферы государственной и общественной жизни, автор делает попытку проследить трансформацию государственной системы Древнего Китая, начиная с эпохи Инь и Чжоу. Опираясь на различные источники, автор характеризует понимание сущности государственной власти и организации государственного аппарата.

Ключевые слова: *китайская государственность, государственное устройство, государственное управление, правовые памятники, летописные тексты.*

P. M. Kozhin

STATE IN CHINA IN HISTORICAL PERSPECTIVE

The author makes an attempt to trace the transformation of state system of the ancient China since the epoch of Yin and Zhou by analyzing of the written manuscripts remained through nowadays that describe various spheres of state and public life. Based on various sources, the understanding of the essence of state power and organization of state system is characterized.

Keywords: Chinese statehood, state structure, state governance, legal sites, chronicle texts.

В каких бы формах ни протекало преобразование древней земледельческой среды в раннюю государственную структуру, этот процесс не был отделен значительным хронологическим разрывом от периода функционирования центрального оракула на Иньском городище (*Иньсюй*). Видимо, все эти события были размещены в хронологических рамках II тыс. до н. э. Кроме некоторого числа «городских» центров на правобережье Хуанхэ, давших, несмотря на мощь своих оборонительных стен, весьма скудный материал для реконструкций процессов социальных и политических перемен, утвердивших здесь государственное устройство, отсутствуют основания для выбора конкретной модели этих преобразований. По-прежнему поражает их внезапность, единонаправленность процессов, быстрота утверждения новых традиций (взять хотя бы крестообразный план могил, принятый для группы «царских захоронений»). Следствием данной ситуации, подкрепляемой единством, сходством, тождеством комплексов материальной культуры из доступного набора захоронений, выбор возможного пути изначального эволюционного развития может быть не менее, чем трояким.

А. Так, на базе быстрого накопления «земледельческих богатств» (здесь необходимо иметь в виду не только накопление общественного «зернового фонда», но и «прибыли» от разных «подсобных промыслов и ремесел») столь же быстро и уверенно формируется стойкая элита, которая из своего состава выдвигает сакрально-профанного лидера и, утвер-

ждая какой-то жесткий идеологический распорядок, склоняет популяцию к подчинению «дарованному Небом монарху».

Б. Выдвижение аналогичной стратегии было возможно, если по каким-то причинам (завоевание, договорные отношения) свою элиту замещала чужая. Не стану обсуждать эту проблему всесторонне — существует обширная литература по этой теме. Дополню обсуждение лишь одним аргументом: китайская государственность начинается в полном объеме своих установлений лишь на уровне уездной власти. Ниже, на уровне земледельческих структур, действует уровень **семейно-соседско-родственно-кланового самоуправления.**

В. По каким-то причинам аборигенная элита разрушается, а затем восстанавливается с участием пришлых элементов. Далее следует кодификация «письменной традиции» (традиции — это значительная часть именно устной культуры, но в Китае письменная культура рано начинает подавлять устную).

Проблемы государства, его утверждения, функционирования, значения в жизни общества привлекают внимание китайских мудрецов с наступлением эпохи Чжоу. Прямое выражение это нашло уже в наиболее ранних нарративных сочинениях той эпохи. В связи с этим необходимо оговориться, что о начальных шагах китайской нарративной литературы достаточно трудно судить объективно. В иньских гадательных текстах уже ощущается склонность к повествовательной распространенной форме записей, а огромное количество этих записей, достаточно стандартные иероглифические идеограммы, значительный их набор, отчетливая структура фраз, — все это позволяет допускать наличие уже в иньское время разновидностей письменных текстов, отличных от узкофункциональных записей, посвященных очень жестко определенным целям. Это обозначение темы гадания, его результата и оценка последнего вначале жрецами – скрибами, а затем и самим иньским *ваном* [27]. Строгое соблюдение календаря, размеренный по дням и декадам порядок гаданий, не позволяет исключить наличие каких-то подсобных, нормативных текстов и памятных записей, выполнявшихся на бамбуковых планках и иных подручных материалах.

Однако возникает очень интригующий вопрос. Как при столь высоком уровне развития письменной культуры от раннего Западного Чжоу сохранились только бронзовые сосуды с надписями. Эти сосуды сохранили указы разных *ванов* по очень разнообразной тематике, касающейся награждений, пожалований рангов и инвеституры и т. п. Понятно, что все эти вопросы должны были иметь какое-то бюрократическое оформление, которое, к сожалению, до нас не дошло. И вообще, представить себе состояние административной и письменной культуры конца II и начала I тыс. до н. э. в чжоуском государстве практически мы на сегодняшний день не можем.

Конечно, отсутствие документов не позволяет глубоко заглянуть в период раннего правления чжоуской династии (XI–VIII вв. до н. э.) Однако характерным оказывается то, что в период Восточного Чжоу сразу же

начинается подготовка и исполнение целого ряда крупных нарративных сочинений. Большинство из них дошло до нас в далеко не аутентичной форме. О многих приходится говорить, что это позднейшие вариации на тему первоначальных более древних текстов. Но даже если и так, то следует отметить, какого рода письменные документы начали появляться уже в эпоху Весны и Осени, фактически с середины VIII в. до н. э.

Первое из традиционно отмечаемых сочинений — это всемирно известная Книга Песен (*Шицзин*). Несмотря на такое простое заглавие, это документ необычайной политической важности. Дело в том, что в нем собраны напевы основных ранних уделов, расположенных в бассейне Хуанхэ, которые в определенные периоды времени если не обладали полностью независимым управлением, то во всяком случае представляли собой самобытные части чжоуского царства, управлявшиеся местными династиями. Документы, входящие в Шицзин (1957), распределяются следующим образом. Вначале идут так называемые Напевы царств (*Го фэн*) — это как раз вышеуказанные владения, за ними следуют большие и малые оды. Это очень своеобразные документы отражают специфику, черты народной жизни все тех же государств. Это не панегирики правителям, не описания каких-то подвигов, и большинство этих сочинений имеет эмоциональную окраску, подчеркивающую особенности того удела, в котором они созданы, и интересы народонаселения данного удела. Показательна роль таких песен в ритуалах, связанных со взаимоотношениями удельных князей, т. е. с международной жизнью эпохи. Недаром каждый самостоятельный удел этой эпохи имел в своем обиходе, помимо храма предков правящей династии, храмов небесных покровителей владения, богов земледелия, Земли и т. д. со всем подобающим ритуальным антуражем, позволяющим совершать все виды государственных ритуалов и сезонных празднеств, еще и специальный государственный оркестр, состоящий их десятков, а то и сотен музыкальных инструментов, ударных, струнных, духовых, сопровождающих своими мелодиями все ритуальные акции. Специальные трактаты рассматривали проблемы музыкального искусства, которое должно было быть гармонично и созвучно музыке неба, без чего ни один ритуал не мог быть успешным и полезным Стране [19; 20, с. 74–95].

Особо выделяется раздел гимнов. И это раздел, характеризующий чжоуское царство и чжоускую династию как формы высокоорганизованного священного управления. Управления, получившего «благословение» от самого Великого Неба. То есть в конце концов Шицзин — весь этот громадный документ, состоящий из более чем трехсот текстов, а их было еще больше, но не все сохранились, — представляет собою как бы эскизы фрагментов народной жизни в условиях определенной государственной системы. То есть даже это поэтическое творение проникнуто идеями об организации государственной власти. И значение государства в последующих текстах только возрастает.

Книга Шуцзин (а более узко и целенаправленно также книга Чжоули [23] — собрание документов из династийной истории чжоуского цар-

ства и краткий очерк более ранней истории Китая — вся так или иначе посвящена проблемам управления. Каждая история *ванов* раннего Чжоу характеризует какую-то определенную проблематику государственного устройства и управления. Так, разъясняется вопрос о подборе штата чиновников, о необходимых профессиональных качествах этих чиновников, описываются ритуалы, связанные с проведением каких-то общегосударственных мероприятий, имеющих своей целью утверждение определенных законов, выполнение определенных священных обрядов, которые укрепляют само правление чжоуской династии и многое другое.

Характерно, что эти документы Шицзин, Шуцзин в названии своем имеют обозначение *цзин*. Об этом обозначении довольно много писали, подчеркивая как бы ритуальный, священный смысл такого названия этих книг. Но, пожалуй, важнее всего подчеркнуть то, что набор таких книг — *цзинов*, с одной стороны, входил в инструктивно-законодательную литературу того времени, а с другой стороны, что подчеркивало священный характер этих сочинений, каждая из таких книг практически не подлежала изменениям и исправлениям. Поэтому книги, касающиеся практических сторон управления, могли носить названия *цзи* — записки. Эти документы, которые имели практическое значение в самом процессе управления (*Лицзи, Каогунцзи, Чжоули, Шицзи*), могли подвергаться исправлениям, дополнениям. В конце концов оказывается, что уже к середине I тыс. до н. э., можно сказать, к началу Века Конфуция, чжоуское государство обладало огромным письменным наследием, в которое входили тщательные описания и самого процесса управления и всех связанных с ним вопросов.

Последние десятилетия наших дней были особо «урожайны» на археологические находки древних аутентичных документов, относящихся к периоду V–II вв. до н. э. Эти документы обнаруживаются обычно в могилах различных чиновников, которые по роду своей службы должны были многими из этих сборников и книг пользоваться в своей практической деятельности. Среди таких документов имеются различного рода описания уголовных процессов, решений по административным и уголовным делам и тому подобные материалы. Практически каждый из этих документов является окончательным заключением по тому или иному административно-бюрократическому вопросу. Изучая их, можно понять, насколько разработана была в этот период административно-бюрократическая система страны. Затрагивались буквально все проблемы, касающиеся управления, распорядительных и карательных функций определенных представителей власти и целых управлений этой власти [14; 16].

Наиболее ярким выражением достоинств и торжества административно-бюрократического аппарата становится гигантский летописный текст, созданный отцом и сыном Сыма. Сыма Тан и Сыма Цянь были официальными имперскими историографами ханьского государства в период правления одного из наиболее ярких правителей страны в этот период — императора У-ди (141–87 до н. э.). Это уникальное сочинение [10, с. 160–167] — *Шицзи* — не просто летописный рассказ, это гигант-

ский учебник государственного строительства, правоведения, практических проблем управления, охватывающий все основные области страны и все основные вопросы, связанные с деятельностью государственных чиновников. Деятельностью, которая приобрела к этому времени абсолютно стандартный, нормативный характер. Это было достигнуто благодаря той системе управления, которая сложилась вначале в отдельных уделах, а потом и на имперском уровне, вначале циньской, а затем и ханьской империи [17; 29; 11; с. 63–69; 12, с. 184–191). В ханьское время фактически были заложены в окончательном виде основные структурные особенности государственного управления традиционного Китая. Основными моментами этого управления было единовластие, которому подчинялись абсолютно однородно организованная масса чиновного люда [10, с. 160–167). Вся ханьская империя делилась на крупные провинции, которые, в свою очередь, могли делиться на области и уезды. Основным структурным центром управления становился уезд, небольшое географическое пространство в несколько сот квадратных километров, с центральным поселением городского типа, в центре которого находилась уездная управа — ямынь. Основную часть территории уезда занимали сельские поселения с окружающими их полями. Очень рано среди видов культурной растительности начинают доминировать тутовые деревья, пригодные для разведения шелкопряда, положившего начало организованной полуремесленной шелкоткацкой промышленности. Она на многие века становится одной из характерных черт традиционного китайского народного хозяйства, поддерживаемой и поощряемой властями.

В каждом структурном подразделении властной вертикали, от уезда и выше, находилось положенное количество чиновников, возглавляемых, опять же, единоличным начальником. Законоприменение, уголовный процесс, административные нарушения, проблемы социальных отношений, права собственности и владения — все это было сосредоточено в одном центральном учреждении соответствующего уровня (уезда, области, провинции). Решение принималось единолично начальником данного управления. И так было во всех частях империи. Такой порядок сохранялся начиная с ханьской эпохи веками [15; 18; 6]. И даже в период распада имперской власти в отдельных удельных царствах (Вэй, Шу, У, III в. н. э.), он сохранялся практически неизменным, что позволяло при восстановлении имперского правления практически не менять принципы управленческой деятельности. Весьма оригинально решался вопрос о подготовке чиновников. Далеко не все периоды функционирования административного аппарата, как удельных, так и имперских уровней в равной мере могут быть изучены документально. Однако в целом следует отметить, что первое правило подготовки чиновников подразумевало серьезное знание (наизусть!) ими всего набора классических сочинений, связанных с государственным управлением. В ханьское время устанавливается достаточно жесткая система экзаменов на должности и на определенные научные звания, которые подразумевали со стороны соискателей этих званий глубочайшие познания своего предмета. Фактически каждый

«свободный» житель империи мог претендовать на состязание за право стать государственным чиновником. В отдельные периоды особенно при перемене власти, эти состязательные правила нарушались, особенно в области военных чинов. Но в основном они сохраняются от раннего имперского периода до конца традиционного Китая, до конца китайской императорской власти, завершившейся династией Цин в 1911 г. [13; 1; 25; 3; 5].

Традиционный порядок в организации государственной власти в Китае установился очень рано [28]. Во всяком случае один из интереснейших разделов «Книги истории» (Шуцзин) — глава Хунфань [26, p. 29–35; 4, с. 5–14] — повествует о разных сторонах организации государственной власти с древнейших времен. Название главы обычно переводится как «Великий закон», хотя точный перевод — «Законы о потопе». Собственно это опять же память о постледниковом «плювиальном» периоде. Он отражен также и в Библии в истории Ноя. Глава эта интересна прежде всего тем, как в ней обосновывают вопрос об организации государственной, т. е. царской власти. Когда наступил Великий Потоп, на борьбу с ним Небом был выделен вельможа Гунь. Но его действия привели к тому, что воды, покрывшие большую часть поверхности земли, не сходили с почвы, и в конце концов рассерженное Небо лишило его власти, и он был заключен в темницу. А дело борьбы с потопом было передано его сыну Юю — одному из первых китайских мифологических императоров. Юй справился с задачей ликвидации потопа, и в награду за этот подвиг ему были дарованы эти самые законы потопа. Один из разделов этой главы касается непосредственно практической организации власти.

Это восемь направлений, в которых, как считалось в традиционной древности, необходимо развивать государственную мысль [22, с. 104–111]. Первым обозначена забота о продовольствии. Второе — насущная область задач — производство товаров, собственно, здесь речь идет обо всем антураже, какой составлял хозяйственную утварь древнего человека*. Третий момент, требовавший особого внимания правителя, был вопрос жертвоприношений. А далее шли вопросы организации государством различных общественных работ, следовал вопрос воспитания, образования, обучения. На шестом месте находилась проблематика суда и наказаний. Седьмым важным государственным делом были правила приема гостей, то есть представителей чужих стран и народов. И, наконец,

* С. Куврэр переводит как «предмет определенной ценности» [24, p. 813], С. Кучера смело выбирает современное значение — «товар». И оказывается, несомненно, правым. Такое решение подсказывает сам рисунок современного знака *хо* [7, № 8044, с. 766] — «товар, богатство» и т. д. Нижняя его часть изображает раковину — условно *каури* (денежная единица), тогда как верхняя — иероглиф *хуа* [7, № 6 982, с. 662] «превращаться, изменяться». Тогда общий смысл *фоноидеограммы* достаточно правдоподобно может быть передан понятием «*превращаться в деньги*». Конечно, графика знака достойна дальнейшего анализа, но как предварительное наблюдение такой вывод возможно принять.

восьмое ответственное дело — вопросы войны и организации армии и т. п. Практически получается, что вся общественная жизнь была подчинена интересам государства и государством же организовывалась и регламентировалась. Это изначально утверждало в стране устойчивые формы индивидуального правления, собственно монархию. Эти правила с некоторыми вариациями формулировок сохранились фактически на весь период традиционного существования китайской империи. И, по всей видимости, еще до ее формирования существовали в относительно небольших локальных коллективах [2, с. 156–173], населявших регион бассейна Хуанхэ, где на лессовых землях были заняты полеводством, отчасти, как уже говорилось, шелководством, садоводством и т. д. Первоначальное состояние таких коллективов — это родовые поселения, располагавшиеся на лессовых пространствах, которые и становились предметом регулярной обработки выращивания зерновых, прежде всего, различных видов проса, затем пшеницы, а впоследствии — риса. Обеспечение пищевых потребностей, значительно превышавшее те возможности, которое создавало собирательство и охота, позволяло делать достаточно большие запасы зерновых хлебов, использовать их в случаях стихийных бедствий, недорода и т. п. Но само по себе наличие таких запасов расширяло возможности творческой деятельности первобытного человека. Помимо занятия аграрным трудом он начинал производить домашний скарб, сооружал дома, создавал различные оросительные системы. Эти виды деятельности обретали постепенно достаточно профессиональные формы, превращаясь в разновидности раннего ремесленного труда. Целые группы жителей благодаря сохраняемым общественным пищевым запасам получали возможность, не принимая активного участия непосредственно в ведении полеводства, интенсивно развивать свои производственные профессии. Естественно, появление различий в трудовом процессе требовало определенных организационных действий. Эти функции брали на себя вначале руководители мелких земледельческих коллективов, а потом, по мере усложнения хозяйственной, общественной и семейной жизни, к ним подключался определенный контингент лиц, ответственных за различные области хозяйственной и общественной деятельности. Так возникал первоначальный управленческий аппарат земледельческой, родовой, а затем и соседской общины. Демографический рост в благоприятных жизненных условиях усиливался многократно. Постепенно в коллективах нарастала перенаселенность. Возможности контроля общинных дел требовали все большего внимания и усилий со стороны ответственных за это дело лиц, становившихся древнейшей государственной администрацией [9, с. 19–27, 35–48; 8, с. 318–323; 90–15].

Конечно, в подобных построениях присутствует масса гипотетических моментов, но здесь они попросту необходимы, способствуя объяснению эволюционного развития семейно-общественных институтов и показывая обширные возможности вариативного разнообразия самих переходных звеньев, обеспечивающих переход к более высоким ступеням семейных отношений, быта, общественного устройства, производственной

и хозяйственной деятельности на пути от кровно-родственной «предчеловеческой» группы к классовому обществу. Без подобного разнообразия эволюционных сдвигов невозможно было бы освоение резко различающихся по своим природным свойствам регионов.

Литература

1. Бубенцов Е. В. Духовный мир и традиции китайского крестьянства // ИДВ РАН. Информационный бюллетень № 7. — М., 1998. — 101 с.

2. Бунак В. В. Род Homo: его возникновение и последующая эволюция. — М., 1980.

3. Васильев К. В. Планы сражающихся царств: исследование и переводы. — М., 1968.

4. Васильев К. В. «Хун фань» («Всеобъемлющий образец») об идеальном правителе и его месте в мире // 6 науч. конф. Общество и государство в Китае: доклады и тезисы. — М., 1975. — Ч. 1.

5. Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. — М., 1998.

6. Законы Великой династии Мин со сводным комментарием и приложением постановлений (Да Мин люй цзи цзе фу ли) / пер. с кит. Н. П. Свистуновой. — М., 1997. — Ч. 1.

7. Китайско-русский словарь / под ред. И. М. Ошанина. — М., 1952.

8. Кожин П. М. Этнокультурные контакты населения Евразии в энеолите — раннем железном веке (палеокультурология и колесный транспорт). — Владивосток, 2007.

9. Кожин П. М. Китай и Центральная Азия до эпохи Чингисхана: проблемы палеокультурологии. — М., 2011.

10. Кожин П. М. Обзор: Сыма Цянь. Исторические записки (*Ши цзи*): в 9 т. — М., 1972–2010 // Восток (Oriens). — 2012. — № 3.

11. Кожин П. М. Совершенствование экономики как стимул территориального роста древних государств (на примере древнего Китая) // Общество и государство в Китае: XLII науч. конф. — М., 2012. — Ч. 1.

12. Кожин П. М. Производственные стандарты — средство и показатель государственно-политической консолидации // Общество и государство в Китае. — М.: ИВ РАН, 2013. — Т. XLIII, ч. 1.

13. Кожин П. М. Исторические традиции китайской цивилизации // Китайская Народная Республика. Политика. Экономика. Культура. — М., 2014.

14. Корольков М. В. Земельное законодательство и контроль государства над землей в эпоху Чжаньго и в начале раннеимперской эпохи (по данным вновь обнаруженных законодательных текстов). АКД. История. — М., 2010.

15. Кычанов Е. И. Основы средневекового китайского права (VII–XIII вв.). — М., 1986.

16. Цзоуяньшу («Сборник судебных запросов»): палеографические документы Древнего Китая / пер. с кит. М. В. Королькова. — М., 2013.

17. Крил Х. Г. Становление государственной власти в Китае. Империя Западная Чжоу / пер. с англ. Р. В. Котенко. — СПб., 2001. — 480 с.

18. Рыбаков В. М. Танская бюрократия. Ч. 1: Генезис и структура. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2009.

19. Ткаченко Г. А. Космос, музыка, ритуал: Миф и эстетика в «Люйши чуньцю». — М., 1990.

20. Хань Фан, Ван Цзичао. Ритуал и церемониальная музыка в Китае: бронзовые изделия эпох Шан и Чжоу из провинции Хубэй и уникальность китайской

культуры // Общество и государство в Китае: науч. конф. — М., 2014. — Т. 44, ч. 1.

21. Шицзин / изд. подгот. А. А. Штукин, Н. Т. Федоренко. — М., 1957. — 611 с.

22. «Шу цзин». Глава «Великий закон» / пер. с кит. С. Р. Кучеры // Древнекитайская философия. — М., 1972. — Т. 1.

23. Biot E. Le «Tcheou — Li» ou «Rites de Tcheou» traduit… du chinois. Paris, 1851. Vol. 1–2.

24. Couvreur S. Li Ki ou memoires sur les bienceances et les ceremonies. Ho Kien Fou, 1899. T. 2, p. 813)

25. Doolittle J. Social Life of the Chinese. — New York, 1867. — Vol. 1–2.

26. Karlgren B. The Book of Documents. «Hung fan» // Museum of Far Eastern Antiquities. Bulletin № 22. — Stockholm, 1950. — P. 29–35.

27. Keightley D. N. Sources of Shang History. — Berckeley, 1978.

28. Li Liu, Xingcan Chen. State Formation in Early China. — L., 2003.

29. Statecraft and Classical Learning. The Rituals of Zhou in East Asian History. Edited by Benjamin A. Elman, Martin Kern. Brill. Leiden. — Boston, 2010. — 444 p.

Кожин Павел Михайлович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института Дальнего Востока Российской академии наук. E-mail: pmkozhin@gmail.com

Kozhin Pavel Mikhailovich, D.Sc. (in historical sciences), Professor, chief research fellow, Institute of Far Eastern Studies, Russian Academy of Sciences

УДК 342.1(510)

© **О. О. Базина**

УВЕЛИЧЕНИЕ ОБЪЕМА ПОЛНОМОЧИЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ ВВИДУ СОЗДАНИЯ СОВЕТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Статья посвящена анализу полномочий Председателя КНР, приведена классификация рассматриваемых полномочий с учетом последних нововведений, принятых на 3-м Пленуме ЦК КПК 18-го съезда. Прежде всего в рамках рассматриваемой статьи нас интересует Совет государственной безопасности, который возглавляет Председатель КНР. Автор предполагает, что подобный институт — Верховное государственное совещание — существовал в КНР и был включен в структуру государственных органов.

***Ключевые слова**: глава государства, Председатель КНР, Председатель ЦВС КНР, Председатель ЦВС КПК, полномочия, компетенция, Совет государственной безопасности.*

O. O. Bazina

INCREASED AUTHORITIES OF THE CHAIRMAN OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA DUE TO THE CREATION OF THE STATE SECURITY COUNCIL OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

The article analyzes the authorities of the Chairman of China, the classification of authorities is considered taking into account the latest innovations adopted at the 3rd Plenum of the 18th Congress of the CPC Central Committee. Especially in the framework of this article we are interested in the National Security Council which is headed by the Chairman of the PRC. The author suggests that such an institution was in the PRC and it was included in the structure of state bodies — the Supreme State Conference.

Keywords: head of state, Chairman of the PRC, Chairman of the Central Military Commission of the PRC, Chairman of the CMC CPC, authorities, competence, the National Security Council.

Глава государства как высшее должностное лицо обладает значительным объемом полномочий, устанавливаемых как конституцией, так и традицией и практикой применения в государственной жизни. Объем выполняемых главой государства полномочий может оказать существенное влияние на такой институт, как государственный режим, благодаря которому можно определить, какая из форм правления присуща тому или иному государству. В свете сказанного необходимо уделять внимание юридически закрепленным полномочиям главы государства, а также их фактическому осуществлению в условиях той или иной формы правления.

В Китайской Народной Республике многие правовые институты обладают особой спецификой, которая проявляется во всем: социализм «с китайской спецификой», партийный плюрализм, правовая система с

китайской спецификой [1, с. 125–135], атак же специфичный институт главы государства [2].

По итогам 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва был принято решение создать Совет государственной безопасности, данный орган займется пресечением нарушений и контролем в сфере обеспечения государственной безопасности. Представитель министерства иностранных дел Цинь Ган объяснил цель создания новой структуры: «усовершенствовать механизм и стратегию обеспечения национальной безопасности в Китае. Без сомнения, в задачи этого органа войдет борьба с терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом. Кроме того, Совет будет определять, какие силы угрожают национальной безопасности Китая» [3]. Возглавил Совет Председатель КНР Си Цзянпин. То, что глава государства возглавил данный орган, не является исключением, в странах, где существуют подобный орган, его также возглавляет глава государства, но ввиду китайской специфики формирования подобных структур не должен ли Совет государственной безопасности стать закамуфлированным рычагом давления на государственные органы и в целом на правовую систему КНР. Рассмотрим, какими полномочиями наделен Председатель КНР.

Рассматривать, анализировать и классифицировать полномочия будем на основе статей 80 и 81 Конституции КНР 1982 г., в которых указаны полномочия председателя КНР, разделив при этом все осуществляемые им полномочия на две группы [4]. При этом такие полномочия, как военные и представительство внутри государства, будут отнесены к полномочиям, осуществляемым внутри государства. Чтобы наиболее полно раскрыть полномочия председателя, имеет смысл провести параллель с Конституцией 1954 г., учредившей институт Председателя КНР.

К первой группе полномочий председателя принадлежат полномочия внутригосударственные. Это, прежде всего, полномочия Председателя КНР в отношении ВСНП и его Постоянного комитета.

Указанные полномочия в большинстве случаев совпадают с теми, которые закрепляются за главой государства в большинстве конституций мира. Вместе с тем в регулировании некоторых из этих полномочий в Китае есть существенные особенности. Еще большее своеобразие связано с реальным осуществлением отдельных полномочий.

Высшим органом власти в КНР является ВСНП, оно же высший законодательный орган. Законодательный процесс в ВСНП состоит из четырех стадий: внесение законопроекта, предварительное рассмотрение закона ПК ВСНП, обсуждение законопроекта, принятие и опубликование закона [5]. Наибольший интерес из перечисленных стадий представляет та, в которой принимает участие Председатель КНР.

В Конституции КНР специально не закрепляется порядок внесения законопроекта в ВСНП. Исчерпывающий перечень органов и лиц, обладающих таким правом, дан в ст. 12 закона КНР «О правотворчестве»[1]. К ним относятся: Постоянный комитет Всекитайского собрания народных

[1] Русскоязычный перевод закона КНР «О правотворчестве» в [6, с. 213–241].

представителей, Государственный совет, Центральный военный совет, Верховный народный суд, Верховная народная прокуратура; специальные комитеты Всекитайского собрания народных представителей могут вносить в ВСНП законопроекты, которые по решению президиума включаются в повестку сессии.

Лишение Председателя КНР законодательной инициативы продиктовано, на наш взгляд, стремлением привести дух Конституции в соответствие с ее содержанием и провести грань между государственным и партийным аппаратами, ввиду чего Председатель КНР (без учета того, что на практике он же является Генсеком ЦК КПК) всего лишь «подписчик» закона, что, безусловно, превращает данную должность (Председателя КНР) в декоративную относительно законодательного органа. Таким образом, в условиях сложившейся практики, когда Председатель КНР традиционно является генсеком ЦК КПК, а de facto право законодательной инициативы принадлежит политбюро ЦК КПК, ошибочно думать, что политика законодательного органа будет противоречить общеполитическому курсу, разработанному КПК.

Если Председателя КНР лишить права законодательной инициативы, то его участие в заключительной стадии законодательного процесса является обязательным, а не альтернативным. Председатель принимает участие в заключительной стадии — санкционировании и опубликовании закона. В обсуждении законопроекта и его принятии Председатель КНР не участвует. Санкционирование закона осуществляется главой государства путем подписания его официального текста и его опубликования. Опубликование принятых законов осуществляется Председателем КНР (ст. 80). Председатель издает указы (приказы[1]) об опубликовании законов. Указ об опубликовании — это, скорее, акт провозглашения, а не утверждения закона[2].

Важно отметить, что указы, которые издает Председатель КНР, не являются самостоятельными правовыми актами; они приобретают характер источника права лишь в совокупности с теми решениями ВСНП или

[1] Конституция КНР четко разграничила по характеру и наименованию правовые акты, издаваемые органами государства: а) Всекитайское собрание народных представителей принимает законы (фалюй), а также постановления (цзюеи); б) Постоянный комитет ВСНП издает указы (фалин), а также в соответствии с постановлением Всекитайского собрания народных представителей от 30 июля 1955 г. принимает законы по частным вопросам (даньсин фагуй); в) местные Собрания народных представителей принимают постановления (цзюеи); г) Председатель Китайской Народной Республики издает указы (минлин); д) Государственный совет принимает постановления (цзюеи) и распоряжения (минлин); е) местные народные комитеты принимают постановления (цзюеи) и распоряжения (минлин).

[2] Например, Указ Председателя Китайской Народной Республики: «По решению 10-й сессии Всекитайского собрания народных представителей 11-го созыва назначить на должность Председателя Государственного совета Вэнь Цзябао. Председатель КНР Ху Цзинтао 16.03.2008» [16].

его Постоянного комитета, на основании которых они изданы[1]. Так, Председатель КНР издает указы о мобилизации, об амнистии, об объявлении войны, о военном и чрезвычайном положении, о помиловании. Председатель КНР издает указ, назначая или смещая премьера и других лиц, входящих в состав Государственного совета. Самое важное заключается в том, что все эти указы Председатель КНР издает на основании решений ВСНП или его Постоянного комитета.

Объявление войны или о начале военных действий и введение чрезвычайного положения тоже входят в компетенцию Председателя КНР. В результате того, что начало войны влечет за собой крупномасштабные вооруженные действия не одного государства, а нескольких государств (хотя это совсем не обязательно), составляется акт, в котором глава государства сообщает о том, кто участвует в войне и в результате чего произошёл конфликт, какие цели преследуют воюющие стороны. После объявления о начале войны в государстве вводится военное положение на всей территории страны, одновременно проводится всеобщая либо частичная мобилизация. Она проводится на основе указа Председателя КНР для полной готовности к ведению военных действий, в которых задействуются человеческие силы, материальные ресурсы, разрабатываются стратегия и тактика ведения военных действий.

В марте 2004 г. ВСНП 10-го созыва на 2-й сессии внесло изменения в Конституцию КНР 1982 г., и, в частности, в ст. 80 полномочие Председателя КНР «издавать указ о военном положении» было заменено на «издавать указ о чрезвычайном положении» [7, с. 78–79]. Китайские юристы объясняют данное изменение тем, что словосочетание «военное положение» может сильно подорвать безопасность общества регулярными бунтами, мятежами, которые чаще всего сказываются отрицательно на функционировании государства и его экономике, ввиду чего и было введено словосочетание «чрезвычайное положение» [8, с. 175], которое, по мнению тех же юристов, влияет менее отрицательно на сознание людей, их мобилизацию. В докладе специально отмечалось, что чрезвычайные меры в период таких ситуаций должны быть в той или иной степени связаны с ограничением прав и свобод граждан. Но это международная практика, и термин «чрезвычайное положение» присутствует в конституциях большинства стран мира.

Следующее полномочие Председателя КНР — назначение и смещение лиц, входящих в состав Государственного совета КНР: премьера, его заместителя и членов, министров, главного ревизора, начальника секретариата. При этом назначение или смещение премьера и других лиц из состава Государственного совета должно, как отмечено, проводиться на основании решений ВСНП или его Постоянного комитета.

[1] Отметим, что указы Председателя КНР, как правило, не включаются в «Сборник законов и постановлений КНР». Указы Председателя помещаются перед принятым законом, см., например [17].

Процедура наделения полномочиями премьера Государственного совета заключается в следующем: премьер утверждается ВСНП по представлению Председателя КНР, которое является его юридически исключительным полномочием. В любом из остальных случаев назначения лиц в состав Государственного совета акту Председателя КНР о совершении какого-либо действия предшествует акт верховного представительного органа или его Постоянного комитета, определяющий содержание этого действия[1].

Председатель КНР по решению ВСНП или его Постоянного комитета издает указы о награждении государственными наградами[2] и о присвоении почетного звания. Председатель КНР награждает наивысшими наградами и почетными званиями. Назначать награды и присваивать почетные звания может достаточно широкий перечень организаций, но только Председатель КНР обладает правом награждать органы государственной власти. Особенности действующей наградной системы КНР как инструмента реализации политики и идеологии обусловлены содержанием и особенностями курса, проводимого руководством страны [9, с. 252]. В числе первых официальных наград, учрежденных правительством КНР, была медаль китайско-советской дружбы. Она предназначалась для награждения советских специалистов, помогавших восстанавливать хозяйство и строить новые заводы.

Наиболее важные полномочия данной группы — военные полномочия. В Китайской Народной Республике функционируют следующие органы военно-политического управления: Центральный военный совет КНР (далее — ЦВС) и совпадающий с ним по персональному составу Центральный военный совет Коммунистической партии Китая. Вооружённые силы КНР включают войска Народно-освободительной армии Китая (далее — НОАК), войска вооруженной полиции и народное ополчение. ЦВС КНР руководит всеми вооружёнными силами страны. Он состоит из председателя, заместителей председателя и членов. Срок пребывания конкретного лица на посту председателя не ограничивается.

Немаловажным является представительство государства внутри страны. Председатель КНР регулярно посещает различные регионы страны, большей частью «в глубинке». При этом большей частью места для визитов выбираются таким образом, чтобы сделать политическую символику визитов предельно акцентированной и общепонятной.

[1] Указ Председателя № 1: «На основании решения Всекитайского собрания народных представителей и Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 11-го съезда 2-го заседания назначить премьером Государственного совета Вэнь Цзябао». ВСНП и Председатель КНР Ху Цзиньтао. 16.03. 2008.

[2] Существуют достаточно универсальные наградные знаки, такие как «Отличник труда», «Ударник нового Великого похода», «Герой НОАК», «За заслуги», «Четвёртое мая», а также государственные награды со статусом орденов — Почётный знак Красной звезды, Почетный знак Независимости, Победы и др.

При осуществлении полномочий, связанных с внешней политикой государства, Председатель КНР, основываясь на ст. 81 Конституции КНР, представляет Китайскую Народную Республику, в интересах КНР решает государственные дела; принимает иностранных дипломатических представителей и делегации; на основании решения Постоянного комитета ВСНП ратифицирует либо денонсирует международные договоры и важные соглашения с иностранными государствами; направляет и отзывает полномочных представителей в иностранных государствах.

Что касается порядка заключения и расторжения международных договоров, то в соответствии с п. 9 ст. 89 Конституции КНР Государственный совет заключает международный договор или соглашение, Постоянный комитет ВСНП принимает решение о необходимости ратифицировать либо отменить договор или соглашение, после чего Председатель КНР издает приказ об их ратификации или денонсации.

Следующее полномочие в рамках внешнеполитической деятельности Председателя КНР — решение государственных дел, включая представительство интересов государства на международной арене.

15 марта 2004 г. в действующую Конституцию КНР была внесена четвертая серия поправок. Ей предшествовали поправки 1988, 1993 и 1999 гг. Но именно поправки 2004 г. коснулись полномочий Председателя КНР [10, с. 52]. Если ранее его полномочия ограничивались представительскими и приемно-дипломатическими функциями, то сейчас это расширение пока выражено одной фразой: «Осуществление деятельности по делам государства». В частности, несомненно сейчас должен быть поднят вопрос об опубликовании Председателем КНР законов.

Последняя функция Председателя КНР, относящаяся к внешнеполитической деятельности, — поддержание дипломатических отношений с другими государствами и международными организациями. В соответствии со сложившейся международной практикой глава государства принимает дипломатов и дипломатические делегации, принимает верительные и отзывные грамоты иностранных и международных дипломатических представителей. В Китае эти обязанности выполняет Председатель КНР. Кроме того, на основе решений Постоянного комитета ВСНП председатель направляет и отзывает полномочных представителей КНР в других государствах, подписывает верительные грамоты дипломатам.

Важно подчеркнуть, что руководство партией и руководство вооруженными силами государства, находящимися под полным контролем партии, в Китае разграничены настолько, что практически можно говорить о двух центрах власти — внутрипартийной и военной. При этом военная власть — это высшая власть как внутри КПК, так и в китайском государстве, т. е. военная власть партии — это и есть военная власть в государстве. Председатель Военного совета ЦК КПК — реальный высший руководитель не только партии, но и китайского государства. Необходимо упомянуть о том, что председатель Военного совета ЦК КПК одновременно занимает пост Председателя ЦВС КНР. Иначе говоря, являясь, прежде всего, высшим военным руководителем внутри правящей в КНР

КПК, он обладает и полномочиями высшего государственного руководителя вооруженными силами КНР. Партия в КНР полностью сосредоточила в своих руках руководство армией, осуществляя его через Военный совет ЦК КПК; в то же время партия использует вывеску ЦВС КНР, состав которого идентичен составу Военного совета ЦК КПК [11, с. 589], с той целью, чтобы иметь возможность выступать в качестве легального руководителя вооруженными силами китайского государства.

Итак, по сути дела в КПК существует несколько центров власти: реальная высшая власть в лице председателя Военного совета ЦК КПК, которая одновременно представляет собой военную власть, или власть над вооружёнными силами, в том числе над всеми силовыми ведомствами; формальная высшая власть над партией в лице генерального секретаря ЦК КПК; власть над сферой организационной и идеологической, пропагандистской работы в партии в лице руководителя секретариата ЦК КПК; руководство государственными органами.

Придя к власти, «пятое поколение» руководителей видит необходимость в подобном органе. По результатам 3-го Пленума ЦК КПК 18-го созыва Пленума были приняты два основополагающих партийных документа, которые будут положены в основу развития китайского законодательства и укрепления «фасада» власти в КНР на ближайшее время:

1) Коммюнике ЦК КПК (中国共产党第十八届中央委员会第三次全体会议公报) [12];

2) Постановление ЦК КПК «О некоторых важных вопросах всестороннего углубления реформ» (中共中央关于全面深化改革若干重大问题的 决定) [13].

Особый интерес вызывает введение в структуру государственных органов института, аналогичного по предварительным характеристикам Верховному государственному совещанию. Совет государственной безопасности[1] (国家安全委员会) — единый орган координации и обеспечения в сфере национальной безопасности КНР, создание данного органа является своевременным и необходимым. На сегодняшний день подобные советы существуют в Соединенных Штатах Америки (Совет по национальной безопасности), в Российской Федерации (Совет безопасности Российской Федерации), ЮАР (Государственный совет безопасности), но в КНР Совет государственной безопасности будет, безусловно, с китайской спецификой.

Целью создания Совета государственной безопасности КНР является контроль за постоянно меняющейся региональной ситуацией, контроль за

[1] В средствах массовой информации данный термин именуется по-разному: комитет государственной безопасности [14] совет государственной безопасности [15]. Для соблюдения единообразия в научной сфере в наименовании государственно-партийных органов КНР, на наш взгляд, данный термин с китайского языка «国家安全委员会» необходимо переводить как «Совет государственной безопасности».

географией горячих точек. Китайское правительство очень быстро отреагировало на терроризм как на признак нарастающей угрозы для существующего в стране политического строя и национального единства Китая. Имеется огромное количество внутренних и внешних факторов, требующих усовершенствования механизма и стратегии обеспечения безопасности в Китае. Основная функция данного органа в Китае затрагивает такие сферы, как общественная стабильность, оборона и финансовая безопасность, внешняя политика. Вторая функция — руководящая. Совет государственной безопасности будет совершенствовать работу по государственной безопасности под центральным руководством. Третья функция заключается в борьбе с серьезными кризисами и вызовами, которые угрожают Китаю.

В Совет государственной безопасности КНР входят главы министерства иностранных дел, министерства обороны, министерства общественной безопасности, министерства государственной безопасности, управления пропаганды Компартии, комитета по вопросам Гонконга, Аомыни и Тайваня, а также представители других ведомств. Возглавит данную структура, как и в аналогичных органах в других государствах, глава государства — Председатель КНР Си Цзиньпин. Более точно и подробно о деятельности, функциях, членах Совета государственной безопасности можно будет говорить после его юридического оформления, а также после его первого заседания.

Определенные Конституцией 1982 г. полномочия Председателя КНР позволяют ему быть скорее не реальным главой государства, а номинальным и большей частью не самостоятельно выполнять свои конституционные задачи. С другой стороны, ориентируясь на вышеизложенный материал, можно сформулировать вывод о том, что существующие в КНР три центра власти (партийная, правительственная, военная) были дополнены новым институтом — Советом государственной безопасности и на сегодняшний день находятся под властью одного человека — лидера КПК, высшего должностного лица государства и главнокомандующего вооруженными силами Си Циньпина. Как будет функционировать данный институт, какие полномочия предоставит председателю, все это представляет значительный теоретический и практический интерес для российской синологической и юридической науки.

Литература

1. Трощинский П. В. Особенности социалистической правовой системы с китайской спецификой // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. — 2012. — № 6.

2. Максимова О. О. Конституционно правовой статус главы государства в Китае (история и современность): дис. ... канд. юр. наук: 12.00.02. — М., 2012.

3. URL: http://www.cntv.ru/2013/11/14/ARTI1384392958282431.shtml

4. 中华人民共和国政府与政治 / 王劲松. 北京，1995。第70页。(Ван Цзинсун. Китайское народное правительство и политики. ― Пекин, 1995. ― С. 70); 宪法比较研究 /李步云主编。北京，1998。第744页。Ли Буюань. Сравнительное

конституционное исследование. Пекин, 1998. С. 744); 中华人民共和国政治制度/浦兴祖主编。 上海，1999。第278–289 页。(Политическая система Китайской Народной Республики / Пу Синцзу. Шанхай. 1999. — С. 278–289).

5.中华人民共和国立法法（2000年3月15日第九届全国人民代表大会第三次会议通过 2000年3月15日中华人民共和国主席令第三十一号公布 自2000 年7月1日起施行）URL: http://www.gov.cn/test/2005-08/13/content_ 22423. htm

6. Трощинский П. В. Юридическая ответственность в праве Китайской Народной Республики. — М.: ИДВ РАН, 2011.

7. 中华人民共和国想法注释本 / 北京。2005。第78–79页。第80条。 (Комментарий к Конституции Китайской Народной Республики). — Пекин, 2005.

8. 中国政治 / 李寿初著. 北京，2005。 175页. (Государственный политический строй / Ли Шоучу). ─ Пекин, 2005.

9. Розанов О. Н. Наградные системы в политике и идеологии стран Северо-Восточной Азии. — М., 2008.

10. Гудошников Л. М., Поляков В. П. Развитие конституционного права Китайской Народной Республики (1988–2004 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. — 2004. — № 4. — С. 52.

11. Политические системы и политические культуры Востока (авт. раздела Л. М. Гудошников) / под ред. А. Д. Воскресенского. — М., 2007. — С. 589.

12. URL: http://news.xinhuanet.com/politics/2013-11/12/c_118113455.htm (дата обращения: 01.03.2016).

13. Жэньминь жибао. — 2013. — 16 нояб.

14. URL: http://russian.people.com.cn/31521/8463822.html

15. URL: http://www.cntv.ru/2013/11/15/ARTI1384478881839754.shtml

16. URL: www.gov.cn

17. URL: http://www.gov.cn/flfg/2012-04/27/content_2127629.htm (дата обращения: 27.08.2012).

Базина (Максимова) Ольга Олеговна, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры конституционного права Московского государственного института международных отношений (Университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации. Россия, 119454, г. Москва, проспект Вернадского, д. 76. E-mail: maksimova_o@mail.ru

Bazina (Maksimova) Olga Olegovna, candidate of science (in law), senior lecturer of the department of constitutional law, Moscow State Institute of International Relations (University), Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, 76 Vernadskogo Ave., Moscow, Russia, 119454.

УДК 347.1(510)

© И. З. Фархутдинов

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТИЦИЙ В КИТАЕ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

Взаимные капиталовложения России и Китая на территории друг друга, которые регулируются на двух уровнях — национально-правовом и международно-правовом, подпадают под международно-правовую регламентацию в соответствии с Соглашением между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом) от 9 ноября 2006 г. В Китае образовался институт права об иностранных инвестициях, который охватывает нормы китайского экономического права, гражданского и коммерческого, а также административного права. Право об иностранных инвестициях в КНР находится в процессе совершенствования. Этот процесс ускоряется и направляется международным правом.

Ключевые слова: *современная китайская правовая система, международное инвестиционное право, двусторонние инвестиционные договоры, иностранный инвестор, закон КНР «О предприятиях с иностранным капиталом».*

I. Z. Farkhutdinov

LEGAL REGULATION OF FOREIGN INVESTMENTS IN CHINA: GENERAL AND SPECIAL

Mutual investment between Russia and China in the territory of each other, which are regulated at two levels — national legal and international law, they are subjected to international legal regulation according to the Agreement between the Government of the Russian Federation and the Government of the People's Republic of China on encouragement and mutual protection of investments (together with the Protocol), dated on November 9, 2006. China has formed the institution of law on foreign investment, that covers the rules of the Chinese economic, civil and commercial law as well as administrative law. The law on foreign investment in the PRC is in the process of improvement. This process is accelerated and controlled by international law.

Keywords: Chinese modern legal system, international investment law, bilateral investment treaties, foreign investor, the PRC Law "On enterprises with foreign capital".

Инвестиции — это канат, который нельзя толкать,
его можно только тянуть.

Всестороннее изучение бесценного инвестиционного опыта Китая — одного из мировых лидеров по привлечению иностранных инвестиций и нашего главного экономического партнера в условиях новой глобальной экономики — является очень своевременным для Российской Федерации. Сегодня привлекательность нашего великого соседа как реципиента иностранного капитала определяется поддержанием высокого уровня социально-экономической и политической стабильности, наличием емкого

внутреннего рынка и дешевой рабочей силы, а также активной национальной инвестиционной политикой [16; 65].

С самого начала «политики внешней открытости» установлен и по сей день фактически сохраняется льготный инвестиционный режим для иностранного капитала. Широкомасштабное привлечение прямых иностранных инвестиций и эволюционное формирование инвестиционного климата осуществляются в Китае на базе долгосрочной инвестиционной стратегии, совершенствуются с ходом реформ и с долгосрочными целями развития экономики страны [75].

За последние годы произошла трансформация прямых иностранных инвестиций транснациональных компаний в Китай. Это проявляется в увеличении доли новейших технологий, передаваемых ТНК предприятиям с участием иностранного капитала, расширении сети научно-исследовательских центров, создаваемых крупнейшими ТНК на территории Китая, активном участии ТНК в переподготовке национальных кадров КНР, росте капиталовложений ТНК прежде всего в высокотехнологичные отрасли Китая. Го Шоукан и Чжао Сювэнь характеризуют «прямые» инвестиции как инвестиции, по которым частное лицо одной страны вкладывает средства в предприятие за границей, и непосредственно или косвенно контролирует деятельность данного предприятия [14, с. 230].

Сегодня для абсолютного большинства стран центральной проблемой их экономического развития в условиях санкционной войны является именно обеспечение доступа к мировым финансовым, научно-техническим и научно-технологическим ресурсам, которые преимущественно оказались под контролем транснациональных корпораций (ТНК) и транснациональных банков (ТНБ) США и нескольких ведущих стран ЕС, а также Японии. В условиях нового глобального противостояния между Западом и Востоком резко возрастает значение и роль формирования инвестиционного климата для привлечения внешних источников финансирования национальных экономик.

Китай и Россия всегда были заинтересованы в развитии торговых связей. История становления отношений России с Китаем показала обоюдную полезность приграничной торговли. Приграничные территории являются мощным фактором для развития российско-китайских отношений в новейших геополитических условиях. 20 лет назад правительства КНР и РФ подписали соглашение о торгово-экономических отношениях, после чего страны прошли эффективный и плодотворный общий путь развития, области двустороннего торгово-экономического сотрудничества постоянно расширялись, страны добились плодотворных результатов.

Движущей силой инвестиционной политики наших государств, направленной на поощрение иностранного капитала путем создания благоприятного инвестиционного климата, выступает реальное обеспечение законодательно закрепленных гарантий в ходе осуществления инвестиционного проекта [78, p. 231–246]. Источники регулирования иностранных инвестиций на территории Российской Федерации и Китайской Народной

Республики содержатся как на национальном, так и международно-правовом уровнях.

К числу привлекательных, стимулирующих факторов инвестиционного климата для прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в Китае следует отнести: стратегическое положение Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе (АТР), прогрессирующее расширение внутреннего рынка страны, наличие многих инвестиционных ресурсов (сырья, рабочий силы и др.), политическую стабильность, возможности реэкспорта, быстрое развитие инфраструктуры, низкую подоходную ставку, наличие крупных финансовых ресурсов в международном финансовом центре Сянган (Гонконг) и ряд других [13, с. 26].

Проблемы правового регулирования иностранных инвестиций являются ключевыми для достижения экономической интеграции между государствами, в том числе и между Россией и Китаем [30].

Китай XXI века мы рассматриваем как государство с развивающейся динамичной экономикой и стабильной жестко функционирующей внутриполитической и социальной системой [59, с. 2].

Роль России и Китая в новейшей евразийской геополитике обусловливается их географическим положением — они являются крупнейшими евразийскими государствами, а также сложившейся мировой обстановкой, связанной с экспансивной политикой Запада с целью установления однополярного мира. Геоэкономические интересы Китая и России актуализирует то, что они имеют общие границы с центральноазиатскими государствами. У них много общих забот и интересов в регионе. Наибольшим стимулом особых отношений между государствами является торгово-экономическое и инвестиционное сотрудничество, которое приобретает теперь беспрецедентный характер.

Россия и КНР, как и другие государства, принимая национальные законодательные и другие нормативно-правовые акты, а также заключая международные договоры (или присоединяясь к ним), создают юридический комплекс из двухуровневых юридических норм и правил, регулирующих на их территориях иностранную инвестиционную деятельность. Но при этом следует иметь в виду, что существующая взаимозависимость международно-договорных и внутригосударственных юридических норм не говорит о приоритете одного правопорядка над другим [10, с. 175]. В процессе этого взаимодействия первичным, по мнению Г. И. Тункина, является влияние национального права на международное [60, с. 9]. Первичность внутреннего права и вытекает из первичности внутренней политики над внешней [60, с. 10]. Но государства должны выполнять свои международные обязательства, независимо от того, отвечает такое выполнение нормам национального права или нет [39, с. 29].

Государства были и остаются главными действующими лицами в мировом экономическом процессе. Более того, с усложнением экономики роль государства будет не сужаться, а расширяться [62, с. 10].

Сочетание международно-правового и национально-правового регулирования иностранных инвестиций — это механизм, действующий в

общественных интересах, так как его цель состоит в поощрении национальной инвестиционной политики. Он способствует учреждению инвестиций юридическими и физическими лицами государства — экспортера капитала в принимающем государстве [18, с. 415].

Одним из главных вопросов применительно к иностранным инвестициям является вопрос о соотношении публично-правового и частноправового начал в их регламентации. Проблема эта достаточно сложная и не предполагает однозначного решения, тем более что она имеет отношение не только к иностранным инвестициям, но и к международному частному праву в целом [5, с. 28].

А. Г. Богатырев считает, что инвестиционный процесс выступает как совокупность юридических норм, регламентирующих отношения, складывающиеся между различными участниками инвестиционной деятельности. Из единства предмета регулирования инвестиционного процесса, в условиях единого и взаимозависимого мира, и формируется инвестиционное право, состоящее из двух видов и сфер правового регулирования — национально-правового и международно-правового [8, с. 119].

Взаимозависимость международно-правового и национально-правового регулирования иностранных инвестиций основывается на принципах соотношения международного и внутригосударственного права, представляющих собой независимые и самостоятельные системы права, которые в то же время находятся в тесной связи между собой и взаимно влияют друг на друга [36, с. 70]. Да и как иначе, если в целом международное публичное право — такое социальное образование, которое занимает равное положение с любой национальной системой [2, с. 207].

Двухстороннему инвестиционному сотрудничеству России и Китая способствует взаимовыгодное стремление закреплять свои правоотношения на договорной основе. Если взглянуть на эволюцию международного инвестиционного права, международное инвестиционное сотрудничество развивалось постепенно от международно-правовой защиты к международно-правовому регулированию зарубежных капиталовложений, от двусторонних к многосторонним договорам в сфере правового обеспечения иностранной инвестиционной деятельности [17, с. 109–110].

Основой для торгово-экономического и инвестиционного сотрудничества между РФ и КНР являются:

1. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О торгово-экономических отношениях» (Пекин, от 5 марта 1992 г.).

2. Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой от 16 июля 2001 г.

3. Меморандум между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики «О сотрудничестве в области модернизации экономики» (октябрь 2011 г., Пекин).

4. Соглашение между Правительством Российской Федерации и Правительством Китайской Народной Республики о поощрении и взаимной защите капиталовложений (вместе с Протоколом) от 9 ноября 2006 г.

Соглашение о поощрении и взаимной защите капиталовложений, или, как его общепринято называть, двусторонний инвестиционный договор (ДИД) между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой, является профильным международно-правовым актом в сфере международно-правового регулирования взаимных инвестиций.

Этот двусторонний инвестиционный договор между Россией и Китаем, как и все аналогичные соглашения, направлен на создание международно-правовых условий и гарантий для предпринимательской и инвестиционной деятельности инвесторов Российской Федерации и Китайской Народной Республики. При этом не допускается применение дискриминационных мер. Также определяются рамочные условия привлечения иностранных инвестиций, порядок допуска к капиталовложениям одной стороны на территории государства другой стороны. Кроме того, устанавливается обязанность сторон обеспечивать полную защиту капиталовложений, в частности, не допускается применение мер принудительного изъятия.

Соглашения о поощрении и взаимной защите капиталовложений являются центральными элементами правового регулирования частноправовых и публично-правовых отношений в рассматриваемой сфере [63, с. 23–24].

ДИД между Россией и Китаем предназначен для обеспечения международно-правовой защиты частных инвестиций на территории друг друга, в первую очередь от политических (некоммерческих) рисков. Установление ясных, доступных и реализуемых правил, улучшающих инвестиционный климат и тем самым укрепляющих доверие между Россией и Китаем, выступает важным стимулятором взаимных инвестиций. В поощрении частного иностранного капитала важны не только обязанность сторон стимулировать свои компании инвестировать финансовые ресурсы в другую страну, но и задачи привлечения технологий, ноу-хау, современного менеджмента и т. д.

Правовое регулирование иностранных частных инвестиций является более сложным по сравнению с регулированием государственного иностранного инвестирования, так как осуществляется путем сочетания национально-правового и международно-правового регулирования. Особую сложность, в свою очередь, представляет регулирование прямых инвестиций, когда инвесторы осуществляют их путем создания совместных и смешанных компаний или иностранных компаний и их филиалов на территории принимающих их государств.

Кстати, китайские ученые разделяют инвестиции на «прямые» и «косвенные» [14, с. 230]. По мнению некоторых китайских ученых (Ян Зихэн [76, с. 260], Люй Яньфэн, Хэ Чйпэн и Сунь Лу [33, с. 32]), МИП регламентирует только международные прямые инвестиции. Косвен-

ные инвестиционные отношения регулирует международное финансовое право.

Главным содержанием двустороннего договора между Россией и Китаем является правовой режим инвестирования. Китайские ученые Чжэн Ан, Цзэн Хуа Цюнь подчеркивают: «Режим для иностранной инвестиции означает правовой статус, которым обладает иностранный инвестор, то есть их права и обязанности. На самом деле все содержания договоров обобщают в вопросе режима. Режим является ядром договоров» [71, с. 426]. Режим закрепляется в специальных статьях, а также положениях о материальных[1] и процессуальных[2] правах инвесторов, а также в преамбулах некоторых договоров (например, со Швецией, Данией).

Статья 3 (Режим капиталовложений) ДИД предусматривает:

1. Каждая Договаривающаяся Сторона обеспечивает на территории своего государства справедливый режим капиталовложениям инвесторов государства другой Договаривающейся Стороны и деятельности, связанной с капиталовложениями.

В соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами своего государства ни одна из Договаривающихся Сторон не должна применять какие-либо дискриминационные меры, которые могут препятствовать деятельности, связанной с капиталовложениями.

2. В соответствии с законами и иными нормативными правовыми актами своего государства каждая Договаривающаяся Сторона предоставляет капиталовложениям и деятельности инвесторов государства другой Договаривающейся Стороны, связанной с капиталовложениями, не менее благоприятный режим, чем режим, который предоставляется капиталовложениям, а также деятельности инвесторов своего государства, связанной с капиталовложениями.

Итак, Китайская Народная Республика является одним из наиболее успешных примеров экономической модернизации при помощи иностранных инвестиций. Опыт Китая наглядно показывает, как динамично развивающаяся национальная экономика может достичь высоких темпов роста за счет разумного администрирования частного бизнеса в сочетании с хорошо продуманной долгосрочной политикой привлечения иностранных инвестиций [37, с. 21–23].

Созданный в КНР благоприятный инвестиционный климат способствует как привлечению ПИИ в экономику страны, так и, что не менее важно, превращению Китая в глобального игрока, без которого невозможно представить эффективное развитие международного экономического сотрудничества, особенно в АТР. Между прочим, формированию благоприятного инвестиционного климата в КНР во многом способствовало создание зон совместного предпринимательства. Эти зоны характеризуются разнообразием форм, гибкой адаптацией к местным условиям,

[1] В частности, по поводу экспроприации и возмещения смотри п. 3 ст. 4 договоров с ФРГ, Францией и Италией.

[2] См., например, пункт 1.2 ст. 3 Договора с Японией.

что позволяет добиваться увеличения темпов экономического роста в зонах эффективного освоения иностранных инвестиций с учетом приоритетных направлений развития экономики КНР [27].

С самого начала политики реформ Пекин делал ставку на использование своего основного сравнительного преимущества — гигантских ресурсов дешевой рабочей силы для производства дешевых товаров на экспорт. Такие товары поставляют прежде всего предприятия с иностранным капиталом. Для его привлечения Пекин многие годы создавал путем предоставления различных льгот и привилегий чрезвычайно благоприятный инвестиционный климат, намного более выгодный для иностранцев, чем для отечественных предпринимателей [35].

Сегодня важнейшим фактором привлечения прямых иностранных инвестиций в Китай является эффективная деятельность по формированию и улучшению инвестиционного климата в стране. КНР планирует в дальнейшем усовершенствовать систему рыночной экономики, усилить работу по созданию законодательной базы и защите интеллектуальной собственности и таким образом создать более справедливый, прозрачный и стабильный климат для инвесторов.

Китай остается привлекательным для иностранных инвесторов благодаря своей растущей экономике, наличию сравнительно большого количества капиталов и постоянно улучшающемуся инвестиционному климату [74]. Не последнюю, особо подчеркнем, беспрецедентную роль в массовом привлечении зарубежных капиталовложений в национальную экономику играют исторически сложившееся упорное трудолюбие, традиционные навыки, что можно выразить одним словом — китайский дух.

Действительно, массированному привлечению иностранных инвестиций в национальную экономику способствуют активно продолжающиеся экономические и законодательные реформы. В Китае делается очень многое для дальнейшего развития конкурентного инвестиционного климата. Они создают современную рыночную инфраструктуру, активно работают над строительством автодорог, железнодорожных путей, развитием энергетики. В стране идет настоящий строительный бум, бурно развиваются города. Имеются серьезные планы по развитию атомной энергетики. В Китае уже давно используют привлечение частных инвестиций для строительства платных дорог и инфраструктуры. Имеются амбициозные планы по строительству аэропортов, региональному развитию. По общей протяженности скоростных автострад Китай занимает 2-е место в мире — 41 тыс. км. В 1999 г. была создана система кредитования частного жилищного строительства, призванная решить жилищную проблему путем использования сбережений населения [43].

В Китае все более активно развивается многоукладная экономика, повышается самостоятельность предприятий. Проводимые реформы требует крупных законодательных работ. За последние годы приняты Общие положения гражданского права, Гражданско-процессуальный кодекс, законы о предприятиях, основанных на капитале иностранных фирм, о хозяйственном договоре, а также серия актов о совместных предприятиях и

т. д., обновлено уголовное и уголовно-процессуальное законодательство [9].

Китайская политика государственного регулирования иностранных инвестиций включает в себя мероприятия по обеспечению доступа иностранных инвесторов на внутренний рынок, упорядочению объемов вложений иностранных инвесторов в уставный капитал совместных предприятий, установлению льготных режимов и упрощению административных препятствий [40, с. 93–105].

С момента присоединения к ВТО Китай провел значительную либерализацию законодательства, регламентирующего деятельность иностранных инвесторов на внутреннем уровне капитала. В частности, еще в 2003 г. Министерство торговли КНР выпустило Положение «О слияниях и поглощениях между зарегистрированными в КНР компаниями с участием иностранного капитала и китайскими предпринимателями любой формы собственности». Правила устанавливают, что компании, принадлежащие иностранным инвесторам, имеют возможность осуществить слияние с китайским предприятием любой формы собственности, полностью или частично выкупив его акционерный капитал, либо активы [11].

Со времени вступления Китая в ВТО в стране проводится активное изменение законодательной системы в области привлечения инвестиций в страну, защиты прав инвесторов в соответствии с требованиями ВТО. К таким положительным моментам можно отнести: открытие доступа для зарубежных инвестиций, которые ранее были полностью запрещены, в такие отрасли, как телекоммуникации, городское газоснабжение, теплоснабжение, водоснабжение; отмена положения, обязывающего иностранные предприятия отдавать приоритет китайскому сырью при производстве готовой продукции; расширены возможности для иностранных предпринимателей в розничной и оптовой торговле; развитие инвестиционных зон, предоставляющих значительные налоговые льготы.

Положение содержит и ряд статей, связанных с опасениями китайской стороны относительно получения компаниями, возникающими в КНР на основе трансграничных сделок слияния — поглощения, избыточной власти на рынке. Дело в том, что ряд крупных иностранных компаний уже сегодня занимает, по сути дела, монопольное положение в отдельных секторах внутреннего рынка КНР.

В 2000 и 2001 гг. с целью гармонизации с положениями ТРИМС правительство КНР внесло ряд изменений в законодательство. Так, до изменений, в соответствии с положениями, вытекающими из статьи 10 закона «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (далее закон «О смешанных предприятиях на капитале»), ст. 51 Положения Госсовета «Об осуществлении закона "Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале"», ст. 15 закона «О предприятиях иностранного капитала», ст. 42 Положения «Об осуществлении закона «О предприятиях иностранного капитала».

Но тем не менее современная китайская правовая система, несмотря на существенное реформирование, остается по своей сути социалистической правовой системой [28]. Правовая система КНР создавалась в подражание советской, однако в начале шестидесятых годов между КНР и СССР прекратились все отношения. В Китае началась «культурная революция». Право КНР перестало развиваться, как и право об иностранных инвестициях, правовая система в Китае вообще не была сформирована к тому времени [31, с. 40–43].

Китайская Народная Республика была создана 1 октября 1949 г.[1] В 1979 г., после смерти Мао Цзэдуна, начались коренные преобразования. До 1978 г. национально-правое регулирование иностранных инвестиций отсутствовало. Дэн Сяопин с этого времени начал проводить кардинальные экономические реформы. Возникла острая потребность в правовых реформах. В Конституцию КНР 1982 г. существенные изменения вносились четыре раза — в 1988, 1993, 1999, 2004 гг. Были приняты сотни законов и тысячи подзаконных актов.

В начале реформ из-за того, что правительство не имело опыта в регулировании иностранных инвестиций и относилось к ним с осторожностью, Китай не выработал единого закона об иностранных инвестициях, а исходил из принципа «целенаправленного законодательства» [29]. Издавались специальные законы или подзаконные акты, применяющиеся к определенной группе инвестиционных отношений [31, с. 40–42]. При этом законы об иностранных инвестициях принимались на заседаниях ВСНП. Основным назначением этих законов была регламентация конкретного вида предприятий с ПИИ. Затем Госсовет КНР принимал акт обеспечивающего характера.

Коммунистическая партия Китая, которая до сих пор остается безраздельно правящей силой в государстве, отказалась от идей обострения классовой борьбы и полного огосударствления экономической жизни. В сельском хозяйстве крестьянам была предоставлена большая свобода; им стали больше платить за обязательные поставки государству, разрешили продавать часть продукции на свободном рынке. Сходные реформы были проведены и в промышленности, где допустили деятельность малых и средних частных предприятий. Для развития экономики были приняты меры по привлечению иностранных инвестиций, в частности, в 1979 г. издан Закон о совместных предприятиях, образованы четыре свободные

[1] Китай — одно из древнейших государств мира. До 1911 г. — империя. В феврале 1912 г. провозглашена Китайская Республика. С 1925 по 1949 г. (с перерывами) в стране шла гражданская война между различными военно-политическими группировками. В 1931 г. на части территории провозглашена Китайская Советская Республика. В октябре 1949 г., после поражения правительства Чан Кайши (партия Гоминьдан) в гражданской войне, провозглашена Китайская Народная Республика (КНР). Остатки гоминьдановских войск и правительство прежней Китайской Республики эвакуировались на остров Тайвань. До 1971 г. представитель Тайваня занимал место в ООН, после чего это место перешло к представителю КНР.

экономические зоны. Начали восстанавливаться режим законности и нормальная деятельность судебно-правоохранительной системы [3].

Китай — одна из немногих стран, не отвергнувших в настоящий момент, во всяком случае официально, социалистическую ориентацию, что накладывает определенный отпечаток на его законодательство. Традиционная китайская концепция не отрицает право, но полагает, что оно необходимо для тех, кто не заботится о морали, для преступников, наконец, для иностранцев, которым чужда китайская цивилизация. Сами же китайцы спокойно обходятся без права. Обычно они не интересуются содержанием законов, не обращаются в суд и регулируют свои отношения на основе соглашения и гармонии. Законы, по их мнению, — ненормальное средство решения конфликтов. Китайцы лишь предлагают образцы поведения и предостерегают потенциальных нарушителей. Как и в Японии, в Китае считается идеальным, чтобы законы вообще не применялись, а судебные решения не выносились. Традиционно стремление китайцев обходить суды и решать споры внесудебными методами.

Современная правовая система Китая носит смешанный характер, представляя собой сплав древних правовых традиций и современного законодательства, основанного на идеях «социализма с китайской спецификой» и некоторых принципах романо-германского права. Для правовой культуры Китая характерно традиционное преобладание норм морали над нормами права в регулировании любых вопросов общественной жизни, включая самые важные. Такое отношение к праву вытекает из конфуцианского учения, составлявшего основу государственной идеологии Китайской империи вплоть до революции 1911 г. Согласно идеям конфуцианства на переднем плане должны находиться воспитание и убеждение, а не власть и принуждение.

Для политической системы характерно тесное переплетение партийных и государственных функций, КПК и государства. Помимо КПК в Китае существует еще 8 «демократических» партий, имеющих декоративный характер.

В общем, современная правовая система КНР развивается в русле общей концепции построения в стране социализма с «китайской спецификой». Первый этап развития нового китайского права (1949–1957 гг.) — это его становление. Принятые временные конституционные акты определили правовые основы государства. Но, как правильно отмечается в литературе, в этот период в Китае отсутствовала целостная правовая система, что определялось низкой правовой культурой общества, а также засильем военно-командных методов руководства.

Второй этап (1957–1976 гг.) — период «культурной революции». Он характеризуется углублением правового нигилизма, игнорированием закона в регулировании жизни общества. Значительно снизилась роль, а затем и прекратилась деятельность представительных органов, произошел отказ от соблюдения законности. В период «культурной революции», по существу, были разрушены начавшие складываться правовые основы государства. Третий этап (с конца 1970-х годов) связан со значительным

оживлением законодательной деятельности. Большим событием стало принятие в 1982 г. Конституции Китая. После смерти Мао были приняты Избирательный закон, Органический закон о судах, законы о совместных предприятиях, об иностранных инвестициях, о браке [19].

С начала реформ в 1979 г. были заново или даже впервые в истории КНР кодифицированы основные отрасли права (в частности, в 1979 г. принят первый в КНР единый Уголовный кодекс и УПК, в 1986 г. «Общие положения гражданского права», в 1994 г. кодифицировано трудовое законодательство). По мере накопления правоприменительного опыта и формирования новых общественных потребностей происходит постепенная замена ранее принятых законов новыми, более соответствующими международным стандартам редакциями (в 1996 г. — новая редакция УПК, в 1997 г. — УК). В результате почти 20-летнего периода реформ в КНР сложилась система законодательства, сочетающая в себе как марксистские принципы советского (социалистического) права, так и некоторые начала романо-германской правовой семьи (в экономической сфере).

Иерархию основных источников права в КНР образуют Конституция, законы, постановления Постоянного комитета ВСНП, постановления и распоряжения Государственного совета, подзаконные акты других органов государственной власти и управления, в том числе местных. В Китайской Народной Республике конституционные основы регулирования иностранных инвестиций заложены в действующей с 1982 г. Конституции (до этого в КНР действовали конституции 1954, 1975 и 1978 гг.).

Высшую государственную власть в КНР осуществляет Всекитайское собрание народных представителей (ВСНП) в лице Постоянного комитета ВСНП. Оба эти органа осуществляют законодательную власть в стране. Глава государства — Председатель КНР, избираемый ВСНП. Центральным исполнительным органом государства является Государственный совет КНР, который характеризуется в ст. 85 Конституции как «Центральное народное правительство, исполнительный орган государственной власти, высший государственный административный орган». Госсовет возглавляет премьер.

В соответствии с действующей Конституцией Китайская Народная Республика относительно государственного устройства является унитарным государством с пятью автономными территориальными образованиями в своем составе. Китай состоит из 23 провинций, являющихся основными административно-территориальными образованиями. В КНР применяется административная форма автономии. Компактно проживающие национальные меньшинства могут создавать 3 вида автономных образований: автономный район, автономный округ и автономный уезд. Кроме пяти автономных районов в КНР 30 автономных областей, 124 автономных уезда, а также свыше тысячи автономных волостей, а также четыре города центрального подчинения — Пекин, Шанхай, Чунцин и Тяньцзинь. В 1997 г. бывшая английская колония Гонконг, возвращенная под суверенитет Китая, вошла в состав КНР в качестве специального административного района Сянган.

Сегодня в КНР по-прежнему нет четкой границы между правовым актом и политической директивой. Это приводит к всевластию инструкций и решений административных органов.

Правосудие в КНР осуществляется общими и специальными судебными органами. К общим относятся Верховный народный суд и местные народные суды (народные суды высшей ступени, средней ступени и низовые). Специальными считаются военные суды (в соответствии с законом могут быть учреждены и другие специальные суды). В КНР не существует специальных административных судов; их функции выполняют действующие в общих судах палаты (коллегии) по административным делам. В 1993 г. созданы также арбитражные комиссии и арбитражные суды по трудовым спорам (от уезда и ниже), решения которых могут быть обжалованы в народном суде. На практике, в соответствии с традициями, население редко обращается в суд, предпочитая негосударственные, неформальные методы разрешения споров.

Надзор за законностью в КНР возложен на органы народной прокуратуры, к которым относятся Верховная, местные народные прокуратуры, военные и другие специализированные прокуратуры.

Как показывает практика, несколько правовых систем могут быть не только в федеративном, но и в унитарном государстве. Например, как вытекает из Конституции КНР [26], Китайская Народная Республика является унитарным государством, а его территория состоит из административно-территориальных единиц (ст. 30), в том числе особых административных районов (ст. 31). После возвращения Гонконга в 1997 г. в состав Китая можно говорить о том, что Китай стал государством с множественностью правовых систем. Основанием для такого утверждения является то, что Гонконгу, Макао в качестве административных районов предоставлено право принимать законы независимого судопроизводства с вынесением окончательных решений [34, с. 433–434]. На этих территориях по-прежнему действуют нормативно-правовые акты, принятые до их возвращения КНР [73, с. 29–30].

Каждый из регионов КНР, имеющих самостоятельную правовую систему, пользуется полной самостоятельностью в сфере принятия и применения норм гражданского и коммерческого права. Это приводит к тому, что гражданское и коммерческое законодательство континентального Китая не имеет приоритета над соответствующим законодательством особых административных районов. Поэтому гражданское и коммерческое законодательство континентального Китая и особых административных районов одинаково по юридической силе. Каждому рассматриваемому региону Китая принадлежит право независимого судопроизводства и право высшей судебной инстанции. Такая ситуация в мире встречается крайне редко.

Завершая краткое ознакомление с китайской правовой системой, отметим, что формируется и семейное право (которое в КНР не входит в систему гражданского) в период реформ был принят Закон о браке 1980 г. Он отменил Закон 1950 г., закреплявший старый, феодальный строй се-

мейных отношений. В новом законе отчетливо прослеживается стремление поощрять поздние браки, что должно способствовать решению демографических проблем страны; ст. 2 Закона предписывает супругам обязанность «планирования семьи». Подтвержден принцип свободы брака, оба супруга должны выразить согласие на вступление в него. В ст. 9 провозглашен принцип равенства супругов. Если оба согласны на развод и при этом договорились о судьбе и содержании детей, то такой развод осуществляется с минимальными формальностями: достаточно обратиться к чиновнику, ведающему актами гражданского состояния, и заполнить соответствующий формуляр. Чиновник выдает супругам свидетельство о разводе, но при условии, если он найдет соглашение справедливым, а согласие на развод — действительно соответствующим намерениям сторон. В противном случае дело о разводе передается в суд.

В 1991 г. был принят новый Гражданский процессуальный кодекс, сменивший аналогичный акт 1982 г.

Помимо конституционного права в КНР имеются следующие отрасли права: гражданское (основной источник — «Общие положения о гражданском праве» 1986 г.) и коммерческое право (например, закон «О морской коммерции» 1992 г.), административное право (закон «Об административном наказании» 1996 г.), экономическое право (закон «О патенте» 1984 г.), социальное право (закон «О труде» 1994 г.), уголовное право (закон «Об уголовном праве» 1979 г.), судебное (закон «Об уголовном процессе» 1979 г., закон «О гражданском процессе» 1991 г.) и несудебное процессуальное право (закон «Об арбитраже» 1994 г.).

В целом гражданское право КНР, являющееся основой регулирования любых инвестиционных отношений, находится в стадии формирования, многие его институты до сих пор законодательно не закреплены. В КНР пока нет собственного Гражданского кодекса.

До 1978 г. национально-правое регулирование иностранных инвестиций в Китае отсутствовало. В сфере регулирования иностранных инвестиций 1 июля 1979 г. был принят первый правовой акт — закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (далее закон «О смешанных предприятиях на капитале»). Согласно этому закону иностранные инвесторы получили право открывать предприятия в КНР самостоятельно. В соответствии со ст. 2 данного закона предприятие иностранного капитала — это предприятие, созданное в Китае полностью на основе капитала иностранного инвестора. Этот закон регулирует учреждение, регистрацию, прекращение, формы организации и деятельность смешанных предприятий на капитале. Данный закон не только является первым законом об иностранных инвестициях, но и первым законом о компаниях общего характера. В соответствии с законом «О смешанных предприятиях на капитале» иностранные инвесторы получили право вкладывать средства совместного предприятия в КНР. В целях обеспечения осуществления закона «О смешанных пред-

приятиях на капитале» в 1983 г. Госсовет принял положение «Об осуществлении закона "О смешанных предприятиях на капитале"».

В настоящее время право КНР состоит из семи отраслей. Главным из них является конституционное право. Его образуют Конституция 1982 г. и связанные с ней законы (например, закон «О выборах Всекитайского Собрания Народных Представителей и местных собраний народных представителей разных инстанций» 1979 г., далее ВСНП).

В начале реформ, из-за того что правительство не имело опыта в регулировании иностранных инвестиций и относилось к ним с осторожностью, Китай не выработал единого закона об иностранных инвестициях, а исходил из принципа «целенаправленного законодательства» [29]. Издавались специальные законы или подзаконные акты, применяющиеся к определенной группе инвестиционных отношений [31]. При этом законы об иностранных инвестициях принимались на заседаниях ВСНП. Основным назначением этих законов была регламентация конкретного вида предприятий с ПИИ. Затем Госсовет КНР принимал акт обеспечивающего характера.

Китайские ученые Го Шоукан и Чжао Сювэнь характеризуют «прямые» инвестиции как те инвестиции, по которым частное лицо одной страны вкладывает средства в предприятие за границей и непосредственно или косвенно контролирует деятельность данного предприятия [14, с. 230].

В сфере регулирования иностранных инвестиций 1 июля 1979 г. был принят первый правовой акт — закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» (далее — закон «О смешанных предприятиях, основанных на капитале»). Этот закон регулирует учреждение, регистрацию, прекращение, формы организации и деятельность смешанных предприятий на капитале. Данный закон является не только первым законом об иностранных инвестициях, но и первым законом о компаниях общего характера. В соответствии с законом «О смешанных предприятиях на капитале» иностранные инвесторы получили право вкладывать средства совместного предприятия в КНР. В целях обеспечения осуществления закона «О смешанных предприятиях на капитале» в 1983 г. Госсовет принял положение «Об осуществлении закона "О смешанных предприятиях, основанных на капитале"».

12 апреля 1986 г. ВСНП приняло закон «О предприятиях иностранного капитала». Согласно этому закону иностранные инвесторы получили право открывать предприятия в КНР самостоятельно. В соответствии со ст. 2 данного закона предприятие иностранного капитала — это предприятие, созданное в Китае полностью на основе капитала иностранного инвестора.

12 апреля 1986 г. (то есть в один день с принятием закона «О предприятиях иностранного капитала») ВСНП приняло «Общее положение о гражданском праве», которое можно назвать Гражданским кодексом КНР. Пункт 1 ст. 41 Общего положения предусматривает, что смешанные

предприятия, основанных на капитале, смешанные предприятия, основанные на сотрудничестве и предприятия иностранного капитала, учрежденные в пределах КНР, приобретают статус юридического лица после регистрации в Департаменте по промышленности и торговле. Таким образом, статус ПИИ как китайского предприятия с иностранным участием определяется гражданским правом КНР.

В «Общем положении о гражданском праве» 1986 г. была предусмотрена возможность создания смешанных предприятий, основанных на сотрудничестве. Закон «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном сотрудничестве» (далее — закон «О смешанных предприятиях, основанных на сотрудничестве») был принят ВСНП 13 апреля 1988 г.

В 1995 г. в целях привлечения иностранных инвестиций в нужные для страны отрасли Государственный плановый комитет, Государственный экономический и торговый совет и министерство по внешней торговле и экономическому сотрудничеству официально опубликовали переработанное временное постановление «Об инструкции по направлению иностранных инвестиций» (далее — «Инструкция»).

«Инструкция» разделила экономические отрасли на четыре группы:

1) отрасли с поощрением иностранных инвестиций (например, новые сельскохозяйственные технологии, транспорт);

2) отрасли с разрешением иностранных инвестиций (все отрасли, которые не предусматриваются в остальных трех группах);

3) отрасли с ограничением иностранных инвестиций (разведка и разработка редких благородных металлов);

4) отрасли с запретом иностранных инвестиций (например, создающие угрозу государственной безопасности или общественному интересу).

В дополнение к «Инструкции» Государственный плановый совет, Государственный экономический и торговый совет и министерство по внешней торговле и экономическому сотрудничеству разработали «Инструктированный каталог отраслей для иностранных инвестиций». В этом документе устанавливается, какие конкретно отрасли считаются отраслями «с поощрением», какие — отраслями «с ограничением», а какие — «с запретом». Каталог часто изменяется в связи с ситуацией в конкретной отрасли. Действующий в настоящее время «Каталог» был утвержден в 2004 г.

Лишь через 14 лет после специального нормотворчества 29 декабря 1993 г. был принят закон «О компаниях». Он разделил предприятия на виды по организационно-правовой форме. Данный закон действует как в отношении ПИИ, так и в отношении предприятий отечественного капитала. Однако сфера применения закона «О компаниях» совпадает со сферой действия законов о предприятиях с иностранными инвестициями. Во-первых, в соответствии с законами о предприятиях с иностранными инвестициями ими могут быть компании с ограниченной ответственностью или акционерные компании; во-вторых, все эти законы регулируют учреждение, регистрацию, прекращение, форму организации и деятельность

предприятий. Отличие между ними заключается в том, что закон «О компаниях» регламентирует компании с ограниченной ответственностью и акционерные компании, а законы о ПИИ регламентируют предприятия именно с иностранными инвестициями.

Рассматривая китайское законодательство об иностранных инвестициях, можно отметить две специфические черты [61]:

Первая. В КНР, в отличие от РФ и многих других стран, отсутствует специальный закон об иностранных инвестициях. Иностранные инвестиционные отношения регулирует ряд специальных законов и подзаконных актов. Кроме того, в отношении инвестиций действуют нормативные акты общего характера (законы «О компаниях», «О торговых марках», «О векселе», «О внешней торговле» и др.). Таким образом, в целом отношения с иностранными инвестициями в КНР регулируются общегражданским законодательством.

Вторая. К отечественным и иностранным инвестициям применяют разные законы («модель двухрельсового пути» [38]). Например, закон «О предприятиях на паях» 1997 г. регулирует деятельность предприятий отечественного капитала, законы «О совместных предприятиях на капитале» и «О предприятиях иностранного капитала» регулируют деятельность предприятий с иностранными инвестициями.

Деятельность инвесторов в Китае регулируется такими основными законодательными актами, как законы «О совместных предприятиях с китайским и иностранным капиталом», «О предприятиях с иностранным капиталом» и др. А также значительным количеством подзаконных нормативных документов (указаний, инструкций и др.) по тематике учреждения, производственной и коммерческой деятельности предприятий с участием иностранного капитала. Указанные документы постоянно совершенствуются и обновляются.

Анализ нормативно-правовой базы правового регулирования иностранных инвестиций в КНР показывает, что Китай достиг значительных успехов в сфере регулирования инвестиционной сферы, проводит всестороннюю реформу законодательной базы в области инвестиционной деятельности для улучшения благосостояния народа страны и развития экономики государства. Развитие инвестиционного законодательства Китая послужил основой для выявления следующей закономерности динамики правового регулирования иностранных инвестиций в этом государстве с развивающейся экономикой: от максимального поощрения иностранных инвестиций, через льготирование только «качественных» инвестиций, к предоставлению иностранным инвесторам национального режима и усилению контроля в сфере иностранных инвестиций.

Характерная особенность китайского законодательства состоит в том, что законодательные акты разрабатываются неспешно, основательно и редко подвергаются пересмотру. Положения, разрабатываемые в развитие законов, утверждаются обычно спустя четыре с лишним года после самих законов. Следует отметить тщательную проработку деталей в китайском законодательстве, особенно в подзаконных актах, что способствует реа-

лизации установлений на практике. В китайском законодательстве об иностранных инвестициях имеются четкие и недвусмысленные указания о роли центральной исполнительной власти, в том числе министерства внешнеэкономических связей и внешней торговли страны.

Создание нового гражданского законодательства, являющегося правовой основой предпринимательства, в том числе с участием иностранного капитала, чрезвычайно осложняется тем фактом, что руководство КНР не имеет четкого представления об окончательной общественной модели, которая должна утвердиться в результате длительных экономических реформ. Поскольку эта модель в конечном итоге должна воплощать «социализм с китайской спецификой», законодатель лишен возможности заимствовать «готовые» гражданские законы капиталистических стран, как это было сделано в конце XIX в. в Японии и в 1920-е гг. в гоминьдановском Китае.

Помимо конституционного права в КНР имеются следующие отрасли права: гражданское (основной источник — «Общие положения о гражданском праве» 1986 г.) и коммерческое право (например, закон «О морской коммерции» 1992 г.), административное право (закон «Об административном наказании» 1996 г.), экономическое право (закон «О патенте» 1984 г.), социальное право (закон «О труде» 1994 г.), уголовное право (закон «Об уголовном праве» 1979 г.), судебное (законы «Об уголовном процессе» 1979 г., «О гражданском процессе» 1991 г.) и несудебное процессуальное право (закон «Об арбитраже» 1994 г.).

В отношении иностранных инвестиций в разных отраслях осуществляется политика поощрения, разрешения, ограничения и запрета. Такая дифференциация в настоящее время не отвечает интересам экономического развития страны, поскольку различия в правовых условиях нарушают основной принцип рыночной экономики — равенство участников рыночных отношений как основы справедливой конкуренции. Исходя из объективной оценки современного состояния экономики Китая, необходимо признать, что оптимальным правовым режимом, отвечающим потребностям дальнейшего динамичного экономического развития страны, является национальный режим [70, с. 81–93].

В целом гражданское право КНР, являющееся основой регулирования любых инвестиционных отношений, находится в стадии формирования, многие его институты до сих пор законодательно не закреплены. В КНР пока нет собственного Гражданского кодекса. Задача разработки ГК ставилась еще в 1950-е гг., работа в этом направлении активно велась в начале 1980-х гг. (было подготовлено несколько проектов ГК). Однако китайский законодатель в итоге отказался от Гражданского кодекса. Вместо ГК в 1986 г. были приняты и в 1987 г. вступили в силу Общие положения гражданского права (ОПГП). Они закрепляют основы систематизации этой отрасли, ее роль и место в системе современного китайского права.

В ОПГП урегулированы лишь те вопросы гражданского права, которые не вызывали резких разногласий у китайских законодателей. В этом акте определено, в частности, какая область общественных отношений

регулируется гражданским правом (ст. 2); каков метод его регулирования (ст. 2, 3); кто является субъектами гражданского права и каково их правовое положение (ст. 1, 2, разделы II, III); за какими образованиями может признаваться статус юридического лица (ст. 36–53); каково содержание права собственности — важнейшего цивилистического института (ст. 71); в каких правовых формах предполагается реализация права государственной и коллективной собственности (ст. 80–82); что такое обязательства, как они возникают и каким образом должны исполняться (ст. 84–93).

Общие положения гражданского права КНР также закрепили единый институт интеллектуальной собственности, не раскрыв, правда, ее понятия (ст. 94–97); в специальный институт выделили гражданскую ответственность, разделив ее на договорную и внедоговорную (ст. 106–133); установили способы защиты гражданских прав (ст.134), правила исковой давности (ст. 135–141); закрепили институт представительства (ст. 63–70). Наконец, были включены в Общие положения гражданского права 1987 г. важные нормы международного частного права, регулирующие гражданско-правовые и семейные отношения с «иностранным элементом» (ст. 142–150).

В то же время многие важные методы гражданско-правового регулирования, имеющего важное значение и для инвестиционной деятельности, в ОПГП не отражены. Например, там отсутствуют нормы, позволяющие провести классификацию юридических лиц, закрепляющие порядок их образования. Не наблюдается сколь-нибудь значительного (по сравнению с Конституцией) развития положений о видах собственности — государственной, коллективной, частной собственности, об их режимах и т. п. То же самое можно сказать и об индивидуальной (личной) собственности граждан. В Конституции эта собственность никак не характеризуется, а в ОПГП любая собственность граждан именуется нейтрально-индивидуальное имущество (ст. 75). Не содержат ОПГП и основы для регламентации основных видов гражданских договоров, для регулирования совместной деятельности. Неполно обрисован правовой статус индивидуальных хозяйств в промышленности и торговле, а также артелей. Немало вопросов возникает по поводу ответственности при отсутствии вины, правил возмещения убытков и т. д.

Вместе с ОПГП была принята серия законов и положений, которыми регулируется правовой статус различных субъектов хозяйственной и предпринимательской деятельности и в которых одновременно содержится определенная регламентация отношений собственности. Еще в 1981 г. принят Закон КНР о хозяйственном договоре — основной акт, регулирующий отношения хозяйственного оборота (помимо этого закона в КНР действует ряд положений об отдельных видах хозяйственных договоров). Отношения, связанные с объектами исключительных прав, регламентируются законами о техническом договоре (1987), авторском праве (1990), о патентах (1984) и товарных знаках (1982). Наследственным отношениям посвящен отдельный закон 1985 г. Регулирование экономических отношений с иностранным участием основывается на Положении об особых

экономических зонах провинции Гуандун (1980) и на законе КНР о внешнеэкономическом договоре (1985) [69, с. 129–134].

Гражданское законодательство КНР предусматривает следующие виды субъектов хозяйственной деятельности: государственные предприятия, коллективные предприятия (городские, волостные, деревенские предприятия коллективной собственности), частные предприятия, совместные предприятия с китайским и иностранным капиталом, предприятия иностранного капитала, крестьянские паевые и кооперативные предприятия. Частные предприятия (по Закону о частных предприятиях 1988 г.) делятся на 3 вида: самостоятельные, артельные предприятия и компании с ограниченной ответственностью. В 1993 г. был принят Закон о компаниях, которым предусмотрены также акционерные компании с ограниченной ответственностью. В 1997 г. принят Закон о хозяйственных товариществах [15].

Нормативно-правовая база, регулирующая инвестиционную деятельность в КНР, определена следующими документами: законом КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» от 12 апреля 1986 г. [41]; законом Китая «О совместных предприятиях с иностранным капиталом» от 1 июля 1979 г. [48]; положением Китайской Народной Республики «О применении Закона о предприятиях с иностранным капиталом» от 28 октября 1990 г. [42]; законом КНР «О совместных акционерных предприятиях» от 1 июля 1979 г. [46]. В этой системе действуют «Временные правила создания совместных внешнеторговых компаний в КНР» от 2003 г., законы КНР «О компаниях», «О предприятиях со 100%-ным иностранным капиталом» от 12 апреля 1986 г., «Правила деятельности представительств зарубежных юридических фирм в КНР», положение «О порядке регистрации в КНР инвестиционных проектов» [45] и др. Указанные документы постоянно совершенствуются и обновляются [4].

Закон КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» определяет, что Китайская Народная Республика разрешает иностранным предприятиям и другим хозяйственным организациям или отдельным лицам (иностранным инвесторам) создавать в Китае предприятия иностранного капитала и осуществляет охрану законных прав и интересов таких предприятий для расширения внешнеэкономического сотрудничества и технического обмена. Под предприятием иностранного капитала понимается предприятие, созданное в Китае полностью на основе капитала иностранного инвестора согласно соответствующим законам Китая. К данным предприятиям не относятся филиалы иностранных предприятий и других хозяйственных организаций в Китае.

Инвестиции, сделанные в КНР зарубежным инвестором, заработанная им прибыль и другие законные права и интересы находятся под защитой законов КНР. Предприятия со 100%-ным иностранным капиталом должны соблюдать законы КНР и не должны предпринимать каких-либо действий, наносящих ущерб общественным интересам КНР.

Но тем не менее действующее в Китае законодательство об иностранных инвестициях чрезмерно громоздко, соответствующие нормы

содержатся в нормативных правовых актах различных уровней. Это создает определенные препятствия для привлечения новых иностранных инвестиций в экономику страны [67, с. 168–172].

В соответствии с законом «О совместных предприятиях с иностранным капиталом» [47] иностранным компаниям, предприятиям и прочим хозяйственным организациям или отдельным лица (сокращенно именуемым как иностранные партнеры) в соответствии с принципом равноправия и взаимной выгоды и с согласия Правительства Китая разрешается организовывать совместные предприятия с китайскими компаниями, предприятиями и прочими хозяйственными организациями (так называемые китайские партнеры).

Действующее в соответствии с законом КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» предприятие, если оно соответствует требованиям китайских законов относительно юридического лица, приобретает на законных основаниях права китайского юридического лица (ст. 8). В главе II данного закона подробно описан порядок создания предприятия иностранного капитала (ст. 8–18). Зарубежный инвестор может доверить китайским организациям, оказывающим услуги предприятиям с участием иностранного капитала, или иной китайской хозяйственной организации выполнение требований, установленных в положении, однако в таком случае необходимо заключить договор поручения (ст. 14).

Заявки о создании предприятия иностранного капитала не утверждаются при наличии одного из следующих обстоятельств (ст. 6):

1) ущемление суверенитета Китая либо угроза общественным интересам;

2) угроза государственной безопасности Китая;

3) нарушение китайского законодательства;

4) несоответствие требованиям развития китайской национальной экономики;

5) возможность загрязнения окружающей среды.

Китайские законы защищают иностранные инвестиции, получаемую прибыль и иные законные права и интересы иностранного инвестора. Но и предприятие с иностранным капиталом обязано соблюдать китайские законы и постановления.

При полном слиянии (приобретение акционерного капитала) речь может идти о выкупе зарегистрированного акционерного капитала либо о подписке на дополнительную эмиссию акций китайского предприятия. В случае приобретения активов также возможны два варианта: приобретение иностранной компанией активов китайского предприятия в интересах расширения своего бизнеса либо приобретение иностранным инвестором активов действующего китайского предприятия с последующим созданием на этой основе новой иностранной или совместной компании. Предусматривается, что оценка бизнеса и активов китайских компаний должна быть предварительно произведена профессиональными оценщиками, передача активов китайской компании иностранному инвестору по цене «существенно ниже» оценочной стоимости не допускается, а доля

участия иностранного инвестора в капитале нового иностранного (совместного) предприятия, создаваемого на основе сделки по слиянию — поглощению, как правило, не должна быть ниже 25 % [75].

Согласно закону КНР «О предприятиях с иностранным капиталом», предприятия со 100%-ным иностранным капиталом — это предприятия, основанные в КНР зарубежными инвесторами полностью на свои собственные средства в соответствии с действующими китайскими законами. Данный термин не включает в себя филиалы, созданные в КНР зарубежными инвесторами (ст. 2).

Статья 4 гласит, что формой совместного предприятия является компания с ограниченной ответственностью. В зарегистрированном капитале совместного предприятия доля инвестиций иностранного партнера, как правило, не может быть ниже 25 %. Партнеры по совместному предприятию получают прибыль, несут риск и убытки согласно доле в зарегистрированном капитале. Если зарегистрированный капитал партнера передается, необходимо получить согласия всех партнеров по совместному предприятию. Статья 5 определяет, что партнеры по совместному предприятию могут осуществлять инвестиции наличными деньгами, материальными средствами, правами промышленной собственности.

Статья 6 закона КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» гласит, что заявка на создание предприятия иностранного капитала рассматривается и утверждается компетентным органом по внешнеэкономическим связям и внешней торговле. Орган по рассмотрению и утверждению заявок должен в течение 90 дней с момента получения заявки принять решение о разрешении или об отказе. Иностранный инвестор в течение 30 дней с момента получения свидетельства о разрешении на создание предприятия иностранного капитала должен обратиться в Главное управление торгово-промышленной администрации с просьбой о регистрации и выдаче разрешения на ведение хозяйственной деятельности. Дата выдачи разрешения на хозяйственную деятельность предприятия иностранного капитала и является датой создания данного предприятия.

Главное управление торгово-промышленной администрации производит проверки и осуществляет контроль за предприятием иностранного капитала. Тем не менее, согласно ст. 11, предприятие с иностранным капиталом осуществляет хозяйственно-управленческую деятельность согласно утвержденному уставу и без вмешательства извне.

По данному закону предприятие иностранного капитала в Китае обязано вести бухгалтерские книги, осуществлять самостоятельный хозяйственный расчет, представлять требуемую бухгалтерскую отчетность и подчиняться контролю финансовых и налоговых органов. Если предприятие иностранного капитала в Китае отказывается вести бухгалтерские книги, то финансовые и налоговые органы могут наложить штраф, а то и прекратить хозяйственную деятельность.

В ст. 15 закона КНР «О предприятиях с иностранным капиталом» особо отмечается, что сырье, топливо и другие материальные ресурсы, которые необходимы предприятию в пределах, разрешенных для осу-

ществления хозяйственной деятельности, могут закупаться в Китае и на мировом рынке.

Так же законом отмечено, что все виды страхования предприятия иностранного капитала должны осуществляться страховыми компаниями, находящимися в Китае. Статья 16 определяет, что предприятие с полным иностранным капиталом должно обращаться за нужными ему страховыми услугами в страховые компании Китая.

Предприятия со 100%-ным иностранным капиталом должны использовать современную технологию и оборудование или сбывать всю или большую часть своей продукции за пределами КНР. В законе отмечается, что положения, касающиеся видов деятельности, которой не могут заниматься предприятия со 100%-ным иностранным капиталом, или налагающие определенные ограничения, будут разработаны Госсоветом.

Процедура подачи заявления на создание предприятия со 100%-ным иностранным капиталом совпадает с процедурой, указанной в законе «О предприятиях с иностранным капиталом». Предприятие со 100%-ным иностранным капиталом, соответствующее условиям, для того чтобы согласно китайским законам считаться юридическим лицом, следует рассматривать в качестве такового.

Статья 11 гласит, что о производственных и деловых программах предприятия со 100%-ным иностранным капиталом докладывают для регистрации компетентным властям. Предприятие со 100%-ным иностранным капиталом свободно от вмешательства в его дела и управление до тех пор, пока оно работает в соответствии с принятым уставом.

Предприятие со 100%-ным иностранным капиталом также должно завести в Китае свои бухгалтерские книги, проводить независимый аудит, предоставлять для проверки свои финансовые отчеты и ведомости, иначе ему могут приказать приостановить свою деятельность или отозвать лицензию на ведение деятельности.

Статья 15 подтверждает, что предприятие со 100%-ным иностранным капиталом, действуя в пределах установленных для него рамок деятельности, может покупать в Китае или на мировом рынке сырье и полуфабрикаты, горючее и другие необходимые ему материалы. В случае, если вышеуказанное может быть получено как в Китае, так и за рубежом, предпочтение должно оказываться китайским источникам.

Согласно ст. 18 предприятие со 100%-ным иностранным капиталом должно вести дела с иностранной валютой в соответствии с действующими государственными положениями, должно открыть счет в Центральном банке КНР или в банке, указанном китайскими органами, ведающими вопросами контроля зарубежной валюты. Также должно заботиться о балансе поступлений и выплат в иностранной валюте. Если предприятие с разрешения полномочных властей продает свою продукцию в Китае и в этой связи испытывает дисбаланс в иностранной валюте, то эти власти отвечают за оказание помощи предприятию в целях ликвидации дисбаланса.

Подписанные партнерами по совместным предприятиям соглашения, договоры, уставы надлежит представлять для рассмотрения и утверждения компетентным государственным органам по вопросам внешнеэкономических связей и внешней торговли. Органы по рассмотрению и утверждению обязаны в течение трех месяцев принять решение об утверждении или отказе в нем. Совместное предприятие после получения разрешения обращается в компетентный орган Государственной торгово-промышленной администрации для регистрации, получает «Удостоверение о хозяйствовании» и начинает функционировать.

Техника и оборудование, выступающие в качестве инвестиций иностранного партнера, должны быть действительно передовыми, отвечающими потребностям Китая. Если умышленно поставляемые отсталые техника и оборудование причиняют убытки, то убытки подлежат возмещению.

Инвестиции китайского партнера могут включать право пользования земельными участками, предоставляемыми на период деятельности совместного предприятия. Если право пользования земельным участком не выступает в качестве части инвестиций китайского партнера, совместное предприятие обязано уплатить Правительству КНР за пользование участком.

Упомянутые выше инвестиции должны быть определены в договоре о совместном предприятии и в его уставе, стоимость инвестиций (за исключением земельных участков) устанавливается партнерами путем консультаций.

Согласно соответствующим государственным налоговым и административным установлениям совместное предприятие может пользоваться налоговыми льготами в виде снижения налоговых ставок или освобождения от уплаты налогов. Иностранный партнер в случае реинвестиции своей доли чистой прибыли в пределах Китая может ходатайствовать о возвращении уже внесенной части подоходного налога.

В соответствующих валютных делах совместное предприятие должно действовать строго в соответствии с положением КНР о контроле за иностранной валютой (ст. 8).

Статья 9 устанавливает, что производственно-хозяйственные планы совместных предприятий должны доводиться до сведения компетентных ведомств и исполняться посредством хозяйственных договоров.

Необходимые совместному предприятию сырье, топливо, комплектующие следует закупать преимущественно в Китае, также можно закупать их непосредственно на международном рынке за счет собственных валютных средств.

Совместные предприятия поощряются к сбыту продукции за пределами Китая. Экспортная продукция может сбываться на внешнем рынке непосредственно совместными предприятиями либо соответствующими организациями по их поручению, также разрешается сбыт через китайские внешнеторговые организации. Продукция совместных предприятий

может сбываться и на китайском рынке. При необходимости совместное предприятие может создать филиал за пределами Китая.

В случае спора между партнерами, который совет директоров не может разрешить путем консультаций, спор регулируется китайскими арбитражными органами либо другими арбитражными органами, о которых договорятся партнеры (ст. 14).

Более подробно установленные процедуры и правила рассматриваются в положении Китайской Народной Республики «О применении Закона о предприятиях с иностранным капиталом» [42].

Положение состоит из XIII глав: Глава I. Общие положения; Глава II. Порядок создания; Глава III. Организационная форма и зарегистрированный капитал; Глава IV. Способы инвестиций и сроки; Глава V. Пользование землей и связанные с этим расходы; Глава VI. Закупка и сбыт; Глава VII. Налоги; Глава VIII. Валютный контроль; Глава IX. Финансы и отчетность; Глава X. Рабочие и служащие; Глава XI. Профсоюз; Глава XII. Срок деятельности, прекращение деятельности и ликвидация; Глава XIII. Дополнительные установления.

Согласно положению о применении Закона о предприятиях с иностранным капиталом создание предприятий иностранного капитала должно не только способствовать экономическому развитию китайской нации, вести к достижению экономической эффективности, но и соответствовать, по меньшей мере, одному из следующих условий:

1) предприятие должно использовать передовую технологию и оборудование, развивать производство новой продукции, экономить энергоносители и сырье, производить высококлассную продукцию, которая может замещать импортируемую;

2) стоимость экспортируемой продукции за год должна превышать 50 % от стоимости всей годовой продукции, должен осуществляться баланс доходов и расходов в иностранной валюте или валютные доходы должны превышать расходы.

Статья 4 запрещает создание предприятий иностранного капитала в следующих областях: 1) периодическая печать, издательства, радио, телевидение, кино; 2) внутренняя и внешняя торговля, страхование; 3) почтово-телеграфная связь; 4) иные области деятельности, в которых правительством Китая запрещается создание предприятий иностранного капитала.

Статья 5 ограничивает создание предприятий иностранного капитала в следующих областях: 1) общественные дела; 2) транспорт; 3) недвижимость; 4) кредиты и инвестиции; 5) аренда.

Согласно ст. 6 заявки о создании предприятий иностранного капитала в одной из вышеуказанных областей подлежат рассмотрению Министерством внешних экономических связей и внешней торговли КНР, если иное не установлено китайским законодательством.

В этой связи в положении установлено, что трансграничные сделки слияний — поглощений подлежат специальному административному контролю, если: а) годовой оборот какой-либо из сторон сделки на китай-

ском рынке превышает 1,5 млрд юаней; б) какая-либо из сторон сделки в течение года поглотила более 10 предприятий аналогичного профиля; в) доля какой-либо из сторон на китайском рынке достигает 20 %; г) совершение сделки ведет к появлению новой компании, контролирующей по меньшей мере 25 % соответствующего рынка в КНР.

Процесс трансграничного слияния активов в китайской экономике быстро набирает обороты. Регулярно поступают сообщения о весьма крупных операциях такого рода в различных секторах экономики. Так, в июне 2003 г. японский автомобилестроительный гигант «Ниссан Мотор К°» на основе приобретения активов китайского государственного автозавода «Дунфан» создал совместное предприятие с зарегистрированным капиталом в 16,7 млрд юаней (2 млрд дол.) и 74 тыс. занятых [75].

Составной частью инвестиционного сотрудничества является научно-технологическое сотрудничество двух стран. Одним из условий эффективной коммерческой реализации научно-технической продукции является ее правовая защищенность.

В Китае защита прав на интеллектуальную собственность регулируется такими законодательными актами, как Патентный закон, закон «О товарных знаках», Авторский закон, закон «О недобросовестной конкуренции», а также положения, запрещающие действия, имеющие следствием распространение производственных тайн, положения о регулировании экспорта и импорта технологий. Однако если говорить о реально действующей правовой системе, обеспечивающей защиту прав на интеллектуальную собственность, то в целом правовая система КНР приведена в соответствие с требованиями Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (ТРИПС), хотя вопрос о совершенствовании системы относительно некоторых проблем остается актуальным. Так, например, в течение длительного времени не решается, а скорее усугубляется такая проблема, как изобилие поддельных и других контрафактных товаров, произведенных на территории Китая [68].

В ежегодном докладе 2006 г. министерства внешней торговли и промышленности Японии «О несоответствии торговой политики ведущих торговых партнеров системе ВТО» говорится о том, что для того чтобы исправить ситуацию в лучшую сторону, необходимо не только совершенствовать правовую систему, но и применять радикальные меры для осуществления законодательных актов. Еще одной проблемой в данной области является проводимая в Китае политика протекционизма. В частности, в указанном выше докладе Японии в качестве доказательства протекционистской политики приводится неосведомленность официальных должностных лиц, ответственных за региональные административные органы, в области защиты прав на интеллектуальную собственность. Отмечены случаи, когда местные власти неофициально уведомляли производителей контрафактной продукции о возможности применения по отношению к ним суровых мер, так как понимали, что такие производители приносят значительную прибыль местному району [77].

Для китайского законодательства характерны серьезные недостатки:

– отсутствие четкого указания о том, каким именно является применяемый режим иностранного инвестирования (национальный режим и/или режим наибольшего благоприятствования);

– отсутствие четко прописанных гарантий для иностранных инвесторов. По существу нет гарантий, что экономические условия инвестирования, существовавшие в момент заключения договора или соглашения, будут стабильными на весь период сотрудничества или, по крайней мере, на длительный срок (пять — десять лет). В большинстве случаев законодательством предписывается, что сотрудничество в инвестиционной области имеет ограниченные сроки. Видимо, китайское руководство считает такое сотрудничество вынужденной, временной мерой;

– для инвестиционного сотрудничества в рамках совместного предпринимательства поставлено ограничение минимальной доли иностранных инвестиций (не ниже 25 %) [50];

– для решения вопроса о регистрации предприятий с иностранными инвестициями в большинстве случаев (кроме кооперационных предприятий с китайским и иностранным участием) требуется не менее трех месяцев;

– китайское законодательство содержит весьма жесткие предписания относительно закупок товаров на китайском внутреннем рынке;

– китайское законодательство содержит строгие предписания в части объемов продаж товаров отечественного производства на международном рынке;

– требования к иностранным инвесторам до мелочей зарегулированы по срокам, графикам и последовательности формирования уставных фондов предприятий с иностранными инвестициями, а также по качеству и техническому уровню оборудования и других материальных ресурсов, ввозимых в качестве товарного наполнения уставных фондов;

– иностранные инвесторы поставлены в чрезмерно строгие рамки ведения бухгалтерского учета, осуществления валютных и финансовых расчетов [50].

При этом остается ряд проблем, затрудняющих свободный доступ прямых иностранных инвестиций в страну. Среди таких проблем инвесторы выделяют следующие: сложный порядок взимания налогов, отсутствие урегулированной системы разрешения споров, а главное — отсутствие защищенности прав инвесторов, прежде всего, недостаточная защита прав на интеллектуальную собственность.

Таким образом, исследуя нормативно-правовую базу регулирования иностранных инвестиций в КНР, можно сказать, что Китай достиг огромных успехов в сфере регулирования инвестиционной сферы, проводит всестороннюю реформу законодательной базы в области инвестиционной деятельности для улучшения благосостояния народа страны и развития экономики государства.

Имущественные права и вещные права выступают в Китае различными формами инвестиций.

Категория имущественных прав в соответствии со ст. 71 «Общего положения» представляется как «право собственника на владение, использование, доходы и распоряжение имуществом». В китайской доктрине гражданского права имеются два подхода к определению имущественных прав: узкий и широкий. Сторонники узкого понимания (Лян Хуэй Син, Чжэн Хуа Бин и другие) считают имущественные права «правом владельца вещи, которое исключает других субъектов права от вещи» [32]. При таком подходе имущественные права практически отождествляются с вещными. «Вещные права, — подчеркивает профессор Пекинского университета Цянь Мин Син, — это гражданские имущественные права, владелец которых может непосредственно распоряжаться вещью и исключает других субъектов права от вещи» [64].

Другие исследователи (например, профессор Китайского народного университета Ван Ли Мин, член Китайской академии социальных наук Чжэн Чэнсы) придерживаются широкой трактовки термина «имущественные права». К ним относятся «гражданские права, имеющие экономическую ценность. Они включают в себя вещные права, обязательственные права, права на наследство, права интеллектуальной собственности и т. д.» [12].

Пу Фа Жэн считает имущество совокупностью денег, вещей, гражданских прав и обязанностей [49]. По словам профессора Китайского университета политики и права Чжан Цзюньхау, вещь — «материал или естественная сила, которые объективно существуют» [66]. Иными словами, имущество делится на материальное благо — вещь, и нематериальное благо — права. Статья 2 закона «О наследстве» от 10 апреля 1985 г. тоже относит к имуществу движимое имущество, недвижимое имущество, обязательственное право и право на интеллектуальную собственность. Поэтому вещь является частью имущества.

Понятие вещных прав в пункте 3 ст. 1 закона «О вещных правах» 2007 г. [20] рассматривается как право на непосредственное распоряжение и исключительное право над определенными вещами, включая права собственности лица, вещные права лиц, не являющихся собственником, и права залогодержателя. То есть в китайском законодательстве категория вещных прав шире, чем категория имущественных прав.

Однако при внимательном исследовании ст. 71 «Общего положения» обнаруживается, что категория имущественных прав в законодательстве КНР не раскрыта. На самом деле данная статья расшифровывает лишь правомочия собственника, что не раскрывает всю их суть.

Таким образом, имущественные права нельзя отождествлять с вещными правами. Категория «вещные права» являются частью категории «имущественные права».

Двусторонние инвестиционные договоры Китая с Россией формами инвестиций считают и различные имущественные права. В их число входят вещные права, права интеллектуальной собственности, обязатель-

ственные права и права особого разрешения. В договорах Китая с Россией, Аргентиной, Украиной, Испанией, Арменией 1993 г. [55], Новой Зеландией 1989 г. [52], Великобританией, Финляндией говорится об «имущественных правах», в соглашениях с Италией, Францией, Экономическим союзом Люксембурга и Бельгии, ОАЭ, Республикой Корея, ФРГ, Данией, Швецией, Швейцарией — о «вещных правах». При этом понятия «имущественное право» и «вещное право» используются в соглашениях как синонимы.

Права на интеллектуальную собственность. В «Общих положениях гражданского права» 1986 г. интеллектуальной собственности посвящается глава 3 (в разделе 5). Однако определения права интеллектуальной собственности не дается, перечисляются лишь объекты интеллектуальной собственности: авторское право, право на авторство, опубликование, выпуск в свет произведения, получение вознаграждения, патенты, товарные знаки и право на приобретение. В плане защиты интеллектуальной собственности договоры КНР об инвестициях более широко и детально, чем национальное право, регулируют вопросы интеллектуальной собственности.

В договорах КНР говорится практически обо всех объектах интеллектуальной собственности. При этом их перечень не является исчерпывающим. Например, соглашения с Великобританией, Республикой Корея, Украиной, Россией, ОАЭ оперируют термином «объекты авторского права». Договоры с ФРГ и Кувейтом специально указывают «право на издания».

«Право на объекты промышленной собственности» закреплено во всех соглашениях. Большое внимание уделяется в документах ноу-хау (соглашения с Великобританией, Данией, ФРГ, Россией, Кувейтом, Аргентиной), технологиям (соглашения с Республикой Корея, Данией, ФРГ, Аргентиной), патентам (соглашения с Южной Кореей, Японией, Украиной, Кувейтом, Аргентиной, ОАЭ), образцам (соглашение с Украиной), промышленному проектированию (соглашения с Республикой Корея, Украиной, Аргентиной, ОАЭ), товарным знакам (соглашения с Данией, Россией, Украиной, Кувейтом, Аргентиной), знакам обслуживания (соглашениям с Японией, Украиной), товарам (соглашения с Украиной, Аргентиной), название места производства (соглашение с Украиной), фирменными наименованиями (соглашения с Россией, ФРГ, Японией, Кувейтом), коммерческой тайне (соглашения с Республикой Корея, ОАЭ), коммерческой репутации (соглашения с Великобританией, Республикой Корея, Данией, Украиной, Кувейтом, Аргентиной).

Например, на основании Соглашения с Англией 1986 г. гражданин Китая Сун Си Лин создал совместную с английской фирмой «Simcom» компанию с ограниченной ответственностью «Чяо Бо электронной технологии». Компания «Simcom» предоставляла только ноу-хау — процессор Simcom, за который она получила 30 % пая совместной компании [79].

Обязательственные права. В договорах указывается, что требования по денежным средствам и любым обязательствам, имеющим экономиче-

скую ценность, являются «формой инвестиции». Иными словами, инвестор может инвестировать в предприятие свое обязательственное право. Пункт 1 ст. 1 соглашения с Норвегией предусматривает право требования по денежным средствам и любым обязательствам по договорам, имеющим экономическую ценность. Соглашение с Россией (пунктом 1 ст. 1) охватывает «право требования по денежным средствам или по договорам, имеющим экономическую ценность и связанным с капиталовложениями».

Однако в практике КНР этот вид не встречается. В соответствии со ст. 5 закона «Об эксплуатации смешанных предприятий, основанных на китайском и иностранном капитале» 1979 г. [21] стороны, участвующие в совместных предприятиях, могут делать свои инвестиции наличными средствами, натурой или правом промышленной собственности и т. д. Таким образом, опять возникает коллизия между международным правом и национальным.

Право особого разрешения. Оно является особым объектом инвестиций в КНР и закреплено во всех договорах (в том числе с Россией), кроме соглашений с Польшей и Болгарией. Это право имеет монопольный характер и выдается министерствами КНР юридическим лицам на разработку природных ресурсов и развитие инфраструктуры, строительство предприятий, заводов, а также на их эксплуатацию. Положение Госсовета «О разработке морских нефтяных ресурсов совместно с иностранными фирмами» [22] от 12 января 1982 г. и положение Госсовета «О разработке земельных нефтяных ресурсов совместно с иностранными фирмами» [24] от 7 октября 1993 г. разрешают участие иностранных инвесторов в нефтяной промышленности. В соответствии с временным положением Госсовета «О контроле иностранных инвестиций в освоении и эксплуатации земельных участков» [23] от 19 мая 1990 г. иностранные инвесторы имеют право на деятельность в развитии инфраструктуры, строительстве предприятий, заводов, а также на их эксплуатацию. Так, на основе соглашений с Японией и Англией японская компания «Mitsubishi Corporation» [80] и английская компания «Anglian Water Group (AWG)» [81] выиграли проект пекинского десятого водного завода по системе BOT (build – operate – transfer = строительство – хозяйство – передача).

В большинстве соглашений используется полное название данного объекта инвестиций — «право особого разрешения». В некоторых документах оно сформулировано либо как «право, которое уполномочено законом или контрактом» (соглашение с Австралией, Узбекистаном, Киргизией, Казахстаном, Республикой Корея, Украиной, Албанией, Оманом, Россией), либо как «право, которое уполномочено контрактом на экономическую деятельность на основе закона» (соглашение с Австралией, Узбекистаном, Киргизией [54], Казахстаном, Республикой Корея, Украиной, Албанией, Оманом).

«Право, которое уполномочено контрактом на экономическую деятельность на основе закона», предусматривается китайским законодательством для определенной деятельности. Например, Госсовет КНР принял положение «О контроле прямой продажи» от 10 августа 2005 г. [25].

В соответствии с пунктом 2 ст. 3 данного положения под предприятиями с прямой продажей подразумеваются предприятия, которым разрешено в соответствии с настоящим положением реализовывать продукцию путем прямой продажи. Так, на основе соглашения с США 1980 г. министерство коммерции КНР 1 декабря 2006 г. выдало «Лицензию на деятельность по прямой продаже» американской компании «Amway» [82].

Таким образом, категория «инвестиции» в двусторонних договорах КНР охватывает практически все объекты имущественных ценностей.

В договорах используются три критерия определения физических лиц в качестве инвестора:

1) «монокритерий» — физические лица должны быть гражданами государства — участника (пункт 2 ст. 1 договора с Белоруссией, Россией);

2) «мультикритерий» — физические лица должны иметь гражданство и право на постоянное проживание (пункт 2 ст. 1 соглашения между Правительством КНР и Правительством Объединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии о стимулировании и взаимной защите инвестиций) или гражданство и право на осуществление инвестиций (пункт 2 ст. 1 Соглашения между Правительством КНР и Правительством Польши о взаимном поощрении и защите инвестиций);

3) «выборочный критерий» — физическое лицо может быть инвестором, если оно соответствует одному из нескольких монокритериев (пункт 1 ст. 1 соглашения между КНР и Австралией о взаимном поощрении и защите инвестиций).

Различные государства применяют неодинаковые критерии к определению физического лица — инвестора. КНР требует от «своих» физических лиц лишь наличие гражданства КНР.

В отношении компаний двусторонние договоры КНР содержат два главных критерия:

1) монокритерий — закон учреждения (пункт 2 ст. 1 Соглашения между Правительством КНР и Правительством Республики Армения о поощрении и взаимной защите инвестиций);

2) мультикритерий — закон учреждения и местонахождения (пункт 2 ст. 1 соглашений с Россией, ОАЭ); место учреждения и необходимость иметь важные или реальные интересы (пункт 2 ст. 1 соглашения с Финляндией); место учреждения и необходимость иметь право осуществлять внешнюю инвестицию или торговлю (пункт 3 ст. 1 соглашения с ФРГ), место учреждения и место реальной деятельности (пункт 2 ст. 1 соглашения с Польшей 1998 г. [58]).

3) один их выборочных критериев (пункт 2 ст. 1 соглашения с Швецией, пункт 3 статьи 1 соглашения с Францией).

В отношении наличия у организации статуса юридического лица двусторонние договоры КНР можно разделить на три группы. Одни документы не требуют от предприятия наличия у них статуса юридических лиц (пункт 4 ст. 1 Договора с Японией, Сингапуром 1985 г. [51], пункт 3 ст. 1 Договора с Республикой Корея). Другие (пункт 2 ст. 1 Договора с Таиландом 1985 г. [51], пункт 4 ст. 1 Договора с Кувейтом, пункт 3 ст. 1

Договора с Австрией) предусматривают такое правило. Третьи — устанавливают различные требования к предприятиям обеих договаривающихся сторон (пункт 4 ст. 1 договоров с Сингапуром, Молдавией, Вьетнамом 1992 г. [54], Грузией, Эстонией 1993 г. [55], Азербайджаном, Индонезией 1994 г. [56]).

Таким образом, критерии являются коллизионными правилами международных норм. Определение содержания критериев относится к компетенции национального законодательства каждой договаривающейся стороны.

Пятое. Право на защиту. В частности, пункт 1.2 ст. 3 Договора с Японией предусматривает: «Гражданам и юридическим лицам любой Договаривающейся Стороны на территории другой Договаривающейся Стороны в целях использования и защиты своих прав в отношении права на заявление и участие в рассмотрении судом или подачи жалобы в административные органы обеспечивается режим не менее благоприятный, чем в отношении своих граждан и юридических лиц или граждан и юридических лиц любых третьих государств».

Однако имеются исключения из режима наибольшего благоприятствования. Так, в соответствии с договорами преимуществами пользуются таможенные союзы (пункт 3 ст. 3 договора с Монголией 1991 г. [53], Россией 2006 г.), экономические союзы (пункт 3 ст. 3 договора с Грецией) и зоны свободной торговли (пункт 3 ст. 3 договора с Албанией), конвенции о двойном налогообложении (ст. 7 договора с Израилем 1995 г. [57]) и другие[1].

Встречаются и иные оговорки, ограничивающие или истолковывающие применение клаузулы о режиме наибольшего благоприятствования. Например, ст. 3 Устава Главного управления таможни «Об исполнении пункта ”Соглашения о рамках всестороннего экономического сотрудничества между Китаем и АСЕАН“ о ”Правилах местного производства в зоне свободной торговли между Китаем и АСЕАН“» от 30 декабря 2003 г. предусматривает, что к товарам, сделанным в АСЕАН, применяется таможенный тариф, согласованный с Китаем и АСЕАН [83]. В соответствии с Декларацией Главного управления таможни от 30 октября 2006 г. данный таможенный тариф значительно ниже, чем таможенный тариф для стран наибольшего благоприятствования. Например, по свинине таможенный тариф для стран наибольшего благоприятствования составляет 20 %, а ставка оговоренного между Китаем и АСЕАН таможенного тарифа составляет 0 % [84].

Следует особо отметить, Китай предлагает инвесторам комплексную систему стимулов на национальном, региональном и местном уровнях. В особых экономических зонах (ОЭЗ) в Шэньчжэнь, Шаньтоу, Чжухай,

[1] Например, пункт 3 ст. 2 договора со Швецией предусматривает: «Договаривающаяся Сторона имеет право предоставлять более благоприятный режим инвесторам других стран по двусторонним соглашениям, которые были заключены с этими странами до заключения настоящего Соглашения».

Сямынь и Хайнань, 14 прибрежных городах, зонах развития для инвесторов сокращаются национальные и местные подоходные налоги, сборы землепользования и импортные, экспортные пошлины, а также в приоритетном порядке в получении базовых инфраструктурных услуг. Многие предлагают высокий уровень поддержки и услуг для предприятий. Китайские власти также создали целый ряд свободных портов. Наконец, Китай обладает многочисленными национальными парками науки. В наукопарках обеспечена инфраструктура, управление и финансирование поддержки для начинающих иностранных фирм [6].

Главный специалист в области макроэкономики Су Чан считает, что региональное регулирование иностранных инвестиций поможет добиться эффекта взаимной выгоды благодаря оптимальному сочетанию с региональным размещением. Су Чан сказал: «Например, компания Фушикан закрыла предприятия в Шэньчжэне, но открыла новые в Шаньси. Шанхайское предприятие по изготовлению компьютерных чипов перевело производство в город Чэнду. Новое перемещение, возможно, будет полезным для стабилизации китайской экономики на длительную перспективу». Господин Су Чан считает, что по сравнению с другими экономическими сообществами Китай имеет намного больше преимуществ в привлечении иностранного капитала [1].

В целях эффективного регулирования иностранных инвестиционных отношений китайское право об иностранных инвестициях необходимо, считают китайские ученые, объединить в один профильный закон, который может стать в будущем основой китайского законодательства об иностранных инвестициях.

Таким образом, в Китае образовался институт права об иностранных инвестициях, который охватывает нормы китайского экономического права, гражданского и коммерческого, а также административного права. Правовое регулирование прямых инвестиций, когда инвесторы осуществляют их путем создания совместных и смешанных компаний или иностранных компаний и их филиалов на территории КНР, нуждается в дальнейшем совершенствовании в контексте международного права.

Литература

1. Агентство Синьхуа [Электронный ресурс]. URL: http://www.russian. xinhuanet.com/russian/ (дата обращения: 20.12.15).

2. Алексеев С. С. Структура советского права. — М., 1975.

3. Бажанов Е. П. Китай: От Срединной империи до сверхдержавы XXI века. — М.: Известия, 2007.

4. База законодательства по Китаю [Электронный ресурс]. URL: http://travelandlaw.ru/judge/china/opre dpriytiyh (дата обращения: 20.12.15).

5. Бахин С. В. Инвестиционное право и инвестиционная политика // Boguslavsky M., Trunk A. Legal Issues of Foreign Investment in Transition Countries. Osteuroforshund. — 2007. Band 47.

6. Бергер Я. Китай победит кризис повышением доходов и инвестиций [Электронный ресурс]. URL: http://rodon.org/polit-081219115902 (дата обращения: 14.11.15).

7. Бергер Я. Китай — глобальная держава XXI века // Азия и Африка сегодня. — 2006. — № 8. — С. 2.

8. Богатырев А. Г. О регулировании иностранных инвестиций в национальном и международном праве // Советское государство и право. — 1992. — № 1.

9. Борисов Д. Б. Прямые иностранные инвестиции в экономику развивающихся стран Азии и Африки: анализ современных тенденций и факторов. — М., 2005.

10. Буткевич В. Г. Соотношение внутригосударственного и международного права. — Киев, 1981.

11. Ван Ин. Присоединение Китая к ВТО: условия и последствия. — М.: МГИМО — Университет, 2007.

12. Ван Ли Мин. Теория о вещном праве. — Пекин, 1998 (на кит. яз.).

13. Гельбрас В. Цена экономических успехов Китая // Мировая экономика и международные отношения. — 2007. — № 9.

14. Го Шоукан, Чжао Сювэнь. Международное экономическое право. — Пекин: Китайский народный университет, 1999 (на кит. яз.).

15. Гражданское законодательство КНР: пер. с кит. — М., 1997.

16. Дейч Т. Д. Интеграция Китая в мировую экономику: уроки для России. — М.: Эдиториал УРСС, 1999.

17. Доронина Н. Г. Многосторонние международные договоры и российское законодательство об инвестициях // Журнал российского права. — 2002. — № 11.

18. Карро Д., Жюар П. Международное экономическое право / науч. ред. В. М. Шумилов. — М.: Международные отношения, 2002.

19. Китайская Народная Республика. Законодательные акты 1984–1988. — М., 1989.

20. Коммюнике Постоянного комитета ВСНП. — 2007. — №. 3.

21. Коммюнике Постоянного комитета ВСНП. — 1979. — № 4.

22. Коммюнике Госсовета КНР. — 1982. — № 1.

23. Коммюнике Госсовета КНР. — 1990. — № 3.

24. Коммюнике Госсовета КНР. — 1993. — № 5.

25. Коммюнике Госсовета КНР. — 2005. — № 4.

26. Конституция КНР // Современное законодательство Китайской Народной Республики: сборник нормативных актов / сост., ред. и авт. предисл. Л. М. Гудошников. — М., 2004. (Серия «Современное законодательство зарубежных стран»).

27. Куликова В. Деловая информация: законодательство Китая о зарубежных инвестициях // Китай. — 2006. — № 3.

28. Ли Буюнь. Веха правового государства // Жень минь жи бао. — 1999. — 6 апр. (на кит. яз.).

29. Лу Тьюнсин. Исследование вопросов в китайском праве об иностранных инвестициях. — Пекин: Право, 2001 (на кит. яз.).

30. Лузянин С. Г. Восточная политика Владимира Путина. Возвращение России на «Большой Восток» (2004–2008 гг.). — М.: АСТ: Восток — Запад, 2007.

31. Лю Хун, Ду Юйтау. Развитие международного инвестиционного права и преобразование отечественного инвестиционного права // Передовое исследование. — 2003. — № 7 (на кит. яз.).

32. Лян Хуэй Син, Чжэн Хуа Бин. Вещное право. — Пекин: Право, 1997. — С. 15–16 (на кит. яз.).

33. Люй Яньфэн, Хэ Чипэн и Сунь Лу. Международное инвестиционное право. Пекин: Высшее образование, 2005. — С. 32 (на кит. яз.).

34. Международное частное право Китая (на кит. языке). — Пекин, 2004.
35. Министерство коммерции КНР [Электронный ресурс]. URL: http://russia.mofcom.gov.cn/index.shtml (дата обращения: 10.12.15).
36. Миронов Н. В. Международное право: нормы и их юридическая сила. — М., 1980.
37. Михеев В. Китай: опыт стратегии «сфокусированного» развития // Российское экспертное обозрение. — 2005. — 1(13).
38. Му Япин. Система о международном инвестиционном праве. — Гуанчжоу: Гуандунский народ, 1999 (на кит. яз.).
39. Мюллерсон Р. А. Соотношение международного и национального права. М.: Международные отношения, 1982.
40. Новоселова Л. В. Развитие иностранного предпринимательства в КНР // Проблемы Дальнего Востока. — 2005. — № 3.
41. О предприятиях с иностранным капиталом: закон от 12 апреля 1986 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.uglc.net/credit.php (дата обращения: 11.12.15).
42. О применении Закона о предприятиях с иностранным капиталом: положение Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://hist.asu.ru/altkit/falv5/falv5a.html
43. О привлечении прямых иноинвестиций в Китае за первые 10 месяцев 2008 г. [Электронный ресурс] / Министерство коммерции КНР. URL: http://russia.mofcom.gov.cn/aarticle/ speechheader/200811/20081105889960.html (дата обращения: 15.12.15).
44. О применении Закона о предприятиях с иностранным капиталом от 28 октября 1990 г. Положение Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://travelandlaw.ru/judge/china/opredpriytiyh (дата обращения: 16.11.15).
45. О порядке регистрации в КНР инвестиционных проектов: положение Российско-китайское партнерство. Законодательство Китая [Электронный ресурс]. URL: http://www.legal-way.ru/zakon.php (дата обращения: 20.11.15).
46. О совместных акционерных предприятиях: закон КНР от 1 июля 1979 г. Российско-китайский коммерческий центр Raystate. Законы КНР [Электронный ресурс]. URL: http://consult-rs.ru/content/Index.php?id=58 (дата обращения: 10.12.15).
47. О совместных предприятиях с иностранным капиталом: закон [Электронный ресурс]. URL: http://hist.asu.ru/altkit/falv1.html (дата обращения: 10.12.15).
48. О совместных предприятиях с иностранным капиталом: закон от 1 июля 1979 года [Электронный ресурс]. URL: http://www.uglc.net/joint-venture.php
49. Пу Фа Жэн. Юридический словарь. — Шанхай: Цы Су, 2002 (на кит. яз.).
50. Савин В. А. Совместные и иностранные предприятия в Китае [Электронный ресурс] // Менеджмент в России и за рубежом. — 2003. — № 5. URL: http://mevriz.ru/articles/2003/5/ (дата обращения: 10.12.15).
51. Сборник договоров КНР. — 1985. — № 32.
52. Сборник договоров КНР. — 1989. — № 36.
53. Сборник договоров КНР. — 1991. — № 38.
54. Сборник договоров КНР. — 1992. — № 39.
55. Сборник договоров КНР. — 1993. — № 40.
56. Сборник договоров КНР. — 1994. — № 41.

57. Сборник договоров КНР. — 1995. — № 42.

58. Сборник договоров КНР. — 1998. — № 45.

59. Селищев А. С., Селищева Н. А. Китайская экономика в XXI веке. — СПб.: Питер, 2004.

60. Тункин Г. И. Основы современного международного права. — М., 1956.

61. У Цюаньлэй. Проблемы соотношения международно-правового и национального регулирования иностранных инвестиций в КНР (публично-правовой аспект). — Казань, 2008.

62. Фархутдинов И. З. Международное инвестиционное право: теория и практика. — М.: Волтерс Клувер, 2005.

63. Хаусманн Райнер. Инвестиционные договоры с иностранными инвесторами // Правовые аспекты инвестиционных договоров. — М.: Норма, 2012.

64. Цянь Мин Син. Основные положения вещного права. — Пекин, 1994.

65. Цветкова Н. Н. Прямые иностранные инвестиции в Азии и в России: опыт сравнительного анализа. — М., 2005.

66. Чжан Цзюньхау. Теория гражданского права. — Пекин: Китайский университет политики и права, 1991.

67. Чжу Хэци. Правовое регулирование инвестиций в Китае и Республике Беларусь: общее и особенное // Вестн. высш. хоз. суда Респ. Беларусь. — 2010. — № 1.

68. Чжу Хэци. Предприятие с иностранными инвестициями в Китае: регистрация, налогообложение // Вестн. высш. хоз. суда Респ. Беларусь. — 2010. — № 2.

69. Чжу Хэци. Привлечение иностранных инвестиций в Китае // Сб. науч. ст. студентов, магистрантов, аспирантов / Белорус. гос. ун-т. — Минск, 2011. — Вып. 6.

70. Чжу Хэци. Система правового регулирования иностранных инвестиций в Китае // Беларусь — Китай: сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т, Респ. ин-т китаеведения. — Минск, 2009. — Вып. 6: Экономика и образование / под общ. ред. М. М. Ковалева.

71. Чжэн Ан, Цзэн Хуа Цюнь. Наука международного инвестиционного права. — Пекин: Пекинский университет, 1999.

72. Чжэн Чэнсы. Предложение о разработке закона «Об имущественных правах», а не закона «О вещных правах» // Газета Китайской академии социальных наук: специальное предложение о информациях.

73. Шепенко Р. А. Налоговое право Китая: источники и субъекты. — М.: Статут, 2004.

74. Экономика. Китай: Рост притока иностранных инвестиций [Электронный ресурс]. URL: http://eliteforex.ru/financial_news/dealing-city/2988Ekonomika_Kitaiy_Rost_pritoka_inostrannyh_investiciiy.html

75. Экономическая реформа в КНР: на рубеже веков / сост.: П. В. Каменов. — М.: ИДВ РАН, 2008.

76. Ян Зихэн. Новая теория международного экономического права — международная координация. — Пекин: Пекинский университет, 2000.

77. Япония. Иноинвестиции [Электронный ресурс]. URL: http://www.geolive.ru/ data/asia/japan/5.htm (дата обращения: 14.11.15).

78. Farkhutdinov I. Foreign Investor and Host State: Need for Balance Interests // Czech Yearbook of International Law. — 2011. — Vol. 2.

79. URL: http://www.dianzinet.com/company/0/5/a/7837/ (дата обращения: 10.12.15).

80. URL: http://www.mitsubishicorp.com/cn/index.html (дата обращения: 15.11.15).
81. URL: http://www.awg.com/ (дата обращения: 15.11.15).
82. URL: http://www.mofcom.gov.cn/aarticle/difang/yunnan/200612/20061204014511.html (дата обращения: 16.11.15).
83. URL: http://www.cas.ac.cn/html/Dir/2004/11/25/6868.htm (дата обращения: 16.11.15).
84. URL: http://www.gov.cn/zwgk/2007–01/05/content_487911.htm (дата обращения: 16.11.15).

Фархутдинов Инсур Забирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук, главный редактор «Евразийского юридического журнала». E-mail: quai916@vip.sina.com

Farkhutdinov Insur Zabirovich, D.Sc. (in law), Professor, chief research fellow, Institute of State and Law RAS, Editor-in-Chief of "Eurasian Law Journal"

УДК 340(470) (510)

© **Н. А. Колоколов**

РОССИЯ И КИТАЙ: ВЕРХОВНЫЙ СУД РФ ДАЛ СИСТЕМНОЕ ТОЛКОВАНИЕ НОРМАМ УК РФ И ПОЛОЖЕНИЯМ МЕЖДУНАРОДНОГО СОГЛАШЕНИЯ

Автор посредством примера из правоприменительной практики иллюстрирует противоречия в законодательстве, которые послужили предметом судебного разбирательства сначала в Амурском областном суде, а затем – в Верховном суде Российской Федерации. Сопоставление Соглашения «О режиме российско-китайской государственной границы» от 9 ноября 2006 г. с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства России позволило сделать вывод о том, что данный документ устанавливает иные правила обращения с нарушителями государственной границы, чем это предусмотрено УК РФ и УПК РФ, что породило наличие коллизии норм внутригосударственного и международного права, разрешение которой и осуществил Верховный суд. Автор статьи приходит к выводу о правильности решения инициаторами Соглашения и о его полезности и необходимости, однако констатирует необходимость более полного и своевременного изучения норм действующего законодательства перед принятием решения о подписании подобного рода договоров.

Ключевые слова: *международное право, уголовное право, УК РФ, коллизия норм права, разрешение коллизии норм права судом.*

N. A. Kolokolov

RUSSIA AND CHINA: THE SUPREME COURT OF THE RF GAVE A SYSTEMATIC INTERPRETATION OF NORMS OF THE RUSSIAN FEDERATION CRIMINAL CODE AND PROVISIONS OF INTERNATIONAL AGREEMENT

By means of the example from the law enforcement practice, the author reveals contradictions in legislation, which have been the subject of legal proceedings at first in the Amursky Regional Court, and then in the Supreme Court of the Russian Federation. The comparison of the Agreement "On the regime of the Russian-Chinese state border" dated on November 9, 2006, with the norms of the Criminal and the criminal procedure legislation of Russia allowed to make a conclusion that this document establishes the other rules dealing with violators of state border, than it has been provided by the CC of the RF and the CPC of the RF, and it has given rise to a collision between the norms of homeland and international law, which resolution has been provided by the Supreme Court. The author of the article comes to a conclusion on the correctness of the resolution by the initiators of the Agreement and its usefulness and necessity, however he state the necessity of a full and timely study of the norms of the current legislation before making up a decision to sign the agreements of this kind.

*Ключевые слова**:** International law, Criminal law, CC of the RF, collision of law norms, resolution of collision of law norms by a Court.*

История нормализации российско-китайских отношений насчитывает уже не одно столетие. Все это время сторонами предпринимались попытки оптимизировать режим государственной границы. Сделано немало,

тем не менее по-прежнему весьма остро стоит вопрос, что делать с нарушителями границы, которые согласно уголовному закону, вне зависимости от причин нарушения границы, безусловно, злейшие враги и должны быть на длительный срок помещены в места лишения свободы. В рамках же народно-хозяйственных связей вред, который причиняет основная масса нарушителей, минимален, причем настолько, что последствиями его причинения гораздо дешевле пренебречь, чем затевать полноценное судебное разбирательство.

Исходя из благих побуждений, 9 ноября 2006 г. высшие органы исполнительной власти — правительства РФ и КНР — заключили соглашение «О режиме российско-китайской государственной границы», статья 34 которого вошла в явное противоречие с УК РФ. Правовая коллизия разрешена Верховным судом РФ.

Коллизия законов — противоречие друг другу формально действующих нормативных актов, изданных по одному и тому же вопросу. Правовые коллизии разрешаются путем выбора одного из них. Выбор, как правило, за правоприменителем. Обычно проблем с разрешением правовых коллизий не бывает, ибо теории права давно известны механизмы их оперативного разрешения. Приведенный ниже пример предельно близок к хрестоматийным образцам устранения правовых коллизий.

Граждане КНР Ли Шэнъюй и Ван Хунли с китайской стороны незаконно пересекли государственную границу РФ, после чего на территории Российской Федерации они были вскоре задержаны. Российскими органами предварительного расследования каждому из них было предъявлено обвинение по ч. 2 ст. 322 УК РФ — незаконное пересечение государственной границы РФ, совершенное группой лиц по предварительному сговору.

Ли Шэнъюй и Ван Хунли вину признали полностью и при ознакомлении с материалами уголовного дела 30 сентября 2009 г. ходатайствовали о рассмотрении их дела в особом порядке. Для рассмотрения по существу данное дело поступило в Амурский областной суд. 16 октября 2009 г. судья Амурского областного суда удовлетворил ходатайства обвиняемых о постановлении приговора без проведения судебного разбирательства и назначил открытое судебное заседание на 30 октября 2009 г. Однако в этот день, не приступая к судебному разбирательству, он вынес постановление о возвращении уголовного дела прокурору, поскольку посчитал, что к подсудимым следовало применить положения Соглашения между Правительством РФ и Правительством КНР «О режиме российско-китайской государственной границы» от 9 ноября 2006 г. (далее — Соглашение).

Согласно данному документу пограничные представители договорившихся государств совместно с компетентными властями проводят расследование в отношении лиц, нарушивших государственную границу, устанавливают их личность, факт и причины нарушения границы и, не позже 7 дней с момента задержания, передают их Стороне, с территории которой они нарушили границу (ч. 1 ст. 34). Если лицо, нарушившее гра-

ницу, является гражданином государства, на территории которого оно было задержано, передача его не производится (ч. 2 ст. 34).

Если лицо, нарушившее границу, совершило на территории государства Стороны, компетентные власти которой его задержали, другие преступные деяния, эти компетентные власти могут в соответствии с законодательством своего государства задержать указанное лицо на срок, необходимый для расследования обстоятельств его преступных деяний.

В этом случае власти одной Стороны предоставляют властям другой Стороны соответствующую информацию о лице, нарушившем границу, доказательства совершения этим лицом на территории государства задержавшей Стороны преступных деяний, информацию о принятых в отношении этого лица мерах и результатах расследования.

Признание лица, нарушившего границу, в совершении какого-либо преступного деяния не может само по себе являться основанием для обвинения в его совершении (ч. 3 ст. 34).

При передаче лица, нарушившего границу, пограничный представитель государства Стороны, компетентные власти которой задержали это лицо, предоставляет пограничному представителю государства принимающей Стороны доказательства факта нарушения границы данным лицом, а также одновременно передает транспортное средство, использованное для нарушения границы, и имущество, перемещенное с территории принимающей Стороны (ч. 4 ст. 34).

По мнению Амурского областного суда, оснований для направления уголовного дела в суд в отношении Ли Шэнъюй и Ван Хунли не было. Граждане КНР, а также доказательства пересечения ими государственной границы, транспортное средство, использованное ими для нарушения границы, и имущество, перемещенное с территории Китая, подлежали передаче компетентным властям КНР.

В обоснование своего решения суд сослался на положения:

— ч. 4 ст. 15 Конституции РФ;

— нормы Федерального закона РФ «О международных договорах Российской Федерации» от 15 июля 1995 г.;

— Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.;

— разъяснения Министерства иностранных дел РФ и Министерства юстиции РФ о приоритетном значении положений указанного Соглашения применительно к нарушителям государственной границы.

В кассационном представлении государственный обвинитель Б. В. Кононенко просил постановление отменить, дело направить на новое судебное рассмотрение, ссылаясь на то, что суд неправильно истолковал пределы действия уголовного закона.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда РФ, отменив постановление Амурского областного суда и возвратив уголовное дело на новое судебное разбирательство, указала следующее.

Сопоставление Соглашения с нормами уголовного и уголовно-процессуального законодательства России позволяет сделать вывод о том, что данный документ устанавливают иные правила обращения с наруши-

телями государственной границы, чем это предусмотрено УК РФ и УПК РФ. Фактически Соглашение исключает возможность применения норм УК РФ об ответственности за незаконное пересечение Государственной границы РФ к гражданам КНР, ибо последние после ее нарушения подлежат немедленной передаче компетентным властям Китая без осуществления производства по уголовным делам в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Таким образом, налицо коллизия норм внутригосударственного и международного права, которая подлежит разрешению на основе принципиальных положений Конституции РФ, норм международных соглашений и законодательства Российской Федерации, рассматриваемых в их единстве и во взаимосвязи.

Согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ нормы международных договоров имеют преимущественную силу перед законами в том случае, если они содержат иные правила. При этом выражение «иные правила» подразумевает любые несоответствия правил закона и договора.

В соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» такие международные договоры подлежат обязательной ратификации. Согласно Конституции РФ ратификация международных договоров Российской Федерации осуществляется в форме федерального закона.

Соглашение «О режиме российско-китайской государственной границы» от 9 ноября 2006 г. без ратификации вступило в силу после обмена нотами 4 апреля 2007 г. При таких обстоятельствах вывод суда о том, что оно не содержит коллизий с законодательством Российской Федерации, которые бы требовали его ратификации, нельзя признать обоснованным.

Не соответствует Федеральному законодательству и вывод суда о том, что «наличие в УК РФ уголовной ответственности за незаконное пересечение государственной границы не является основанием для неприменения ст. 34 Соглашения».

Соотношение нератифицированного международного договора Российской Федерации и федерального закона определяется на основе принципа иерархии нормативных актов, установленного Конституцией РФ, обладающей неоспоримым приоритетом и имеющей высшую юридическую силу на территории Российской Федерации.

Общепризнано, что вид международного договора определяется субъектами, его заключившими. Согласно Федеральному закону «О международных договорах Российской Федерации» международные договоры Российской Федерации включают три группы актов: договоры, заключаемые от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства РФ (межправительственные договоры), от имени федеральных органов исполнительной власти или уполномоченных организаций (договоры межведомственного характера).

Субъектами соглашения «О режиме российско-китайской государственной границы» являются правительства РФ и КНР, следовательно, данное соглашение относится к межправительственным договорам, место

которых в правовой системе России обусловлено полномочиями высшего органа исполнительной власти.

Согласно ст. 115 Конституции РФ постановления и распоряжения Правительства РФ должны соответствовать Конституции РФ, федеральным законам, а также указам Президента РФ. Следовательно, условия межправительственного нератифицированного договора не должны противоречить Конституции РФ, федеральным законам и указам Президента РФ. Международные договоры Российской Федерации, согласие на обязательность которых принято Правительством РФ, обладают приоритетом по отношению к актам правительства и актам федеральных органов исполнительной власти. В силу принципа иерархии нормативных актов приоритетом по отношению к законам Российской Федерации обладают международные договоры Российской Федерации, заключенные от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), согласие на обязательность которых было принято в форме федерального закона.

Соглашение «О режиме российско-китайской государственной границы» к числу таких договоров не относится. Следовательно, положения УК РФ и УПК РФ обладают приоритетом по отношению к нормам этого нератифицированного соглашения.

Поскольку Правительство РФ не обладает полномочиями устанавливать, изменять или отменять нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства, положения нератифицированного соглашения в части, устанавливающей иные правила, чем предусмотренные УК РФ и УПК РФ, не подлежат применению на территории Российской Федерации.

Необходимо учитывать также особенности применения норм международного права в уголовно-правовой сфере, которые не могут действовать непосредственно, а требуют обязательного наличия в УК РФ отсылочной нормы к международным договорам.

Данное положение распространяется в том числе на нормы, определяющие действие уголовного закона в отношении лиц, совершивших преступления на территории России, а также признаки составов конкретных преступлений.

По смыслу п. «о» ст. 71 Конституции РФ, а также ст. 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного УК РФ.

В связи с этим международно-правовые договоры, предусматривающие изъятие из принципов уголовного права и содержащие нормы, ограничивающие действие УК РФ на территории нашей страны, могут применяться судами Российской Федерации только в тех случаях, когда норма УК РФ прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации.

Ст. 322 УК РФ не содержит отсылочных положений к нормам международного права, ограничивающих действие данной нормы в случаях, предусмотренных международными договорами РФ.

Соглашение также не отменяет и норм УПК РФ, регулирующих общий порядок производства по уголовным делам о преступлениях, совершенных иностранными гражданами или лицами без гражданства на территории Российской Федерации.

По смыслу соглашения его нормы применяются в случаях, когда в отношении нарушений государственной границы РФ отсутствуют основания для возбуждения уголовных дел.

При наличии оснований для возбуждения уголовного дела по факту незаконного пересечения государственной границы РФ в полном объеме применяются нормы УК РФ и УПК РФ [1].

Есть все основания утверждать, что в дальнейшем проблем с рассмотрением уголовного дела в отношении граждан КНР у Амурского областного суда не будет, ибо исход их очевиден.

Умышленное незаконное пересечение государственной границы во всех странах мира является основанием для принятия соответствующих мер к нарушителям. Дела данной категории предельно просты, ибо состав преступления — формальный.

В анализируемом случае примечательно то, что авторы соглашения, преследуя вполне конкретную цель минимизации числа производств в отношении иностранцев, приняли, бесспорно, правильное решение: наказывать их не по месту задержания, а по принадлежности к гражданству. То есть граждан РФ — на территории России, граждан КНР — на территории Китая. Разумная составляющая данной нормы более чем очевидна: производство в отношении иностранцев всегда высокозатратно, в отношении них эффективно лишь применение реальных наказаний: лишение свободы, штрафы. Очевидно также и то, что в первом случае высокозатратное судопроизводство плавно переходит в не менее высокозатратное содержание осужденного в национальных исправительных учреждениях. Что касается штрафов, то платежеспособные субъекты на незаконное пересечение границ идут крайне редко. Думается, нет нужды углубляться в иные криминологические составляющие проблемы, все они на поверхности и свидетельствуют об обоснованности принятого правительствами соглашения.

Нельзя не отметить и того обстоятельства, что уголовная ответственность за умышленное незаконное пересечение границы предусмотрена законодательством обоих договорившихся государств, что гарантирует и привлечение виновного к соответствующему виду ответственности, и назначение ему справедливого наказания, и исключение бюрократических проволочек, характерных для экстрадиции в уголовно-процессуальном порядке.

Что же тогда упустили высокие договаривающиеся Стороны? Уровень соглашения! В результате содержание Соглашения вошло в противоречие с его формой.

Совершенно очевидно, что вмешательство в уголовное и уголовно-процессуальное законодательство допустимо лишь на уровне международного договора, ратифицированного Сторонами в установленном зако-

ном порядке. Более того, правила юридической техники в таких случаях предписывают парламентам одновременно с ратификацией международного договора внести соответствующие законы в анализируемой ситуации в УК РФ и УПК РФ. О чем, в частности, и говорится в акте Верховного суда РФ.

Почему азбучные истины правительства РФ и КНР проигнорировали. По нашему мнению, правовая составляющая обоих государств все еще пребывает в стадии становления, поэтому правительства по-прежнему действуют без оглядки и на парламенты, и на нормы права.

Литература

1. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 декабря 2009 года № 59-009-35 // Электронный архив Верховного Суда РФ за 2009 год.

Никита Александрович Колоколов, судья Верховного суда Российской Федерации (в отставке), г. Москва. E-mail: nikita_kolokolov@mail.ru

Nikita Aleksandrovich Kolokolov, Judge of the Supreme Court of the Russian Federation (retired), Moscow.

УДК 323(510)

© **О. В. Сивинцева**

РАСШИРЕНИЕ ГРАНИЦ ОБЩЕСТВЕННОГО УЧАСТИЯ В УСЛОВИЯХ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО КИТАЯ

Статья подготовлена в рамках исследовательского гранта Российского гуманитарного научного фонда (проект 14-33-01028 «Западные управленческие модели в институциональной среде современного Китая: опыт для России»).

Расширение границ общественного участия в современном Китае подтверждается развитием таких общественных институтов, как организации низового самоуправления в городе и деревне, некоммерческие организации, публичные слушания, письменные комментарии законопроектов, декларирование принципов открытости и прозрачности деятельности органов власти. Автор статьи приходит к выводу, что в последние два десятилетия подобные общественные институты в КНР набирают обороты и адаптируются к действующей политической системе и политической культуре Китая. В свою очередь, последние накладывают целый ряд ограничений на общественные механизмы, которые в большей степени направлены на обеспечение общественно-политической стабильности государства в условиях однопартийной системы, нежели на реальное общественное участие.

***Ключевые слова**: общественное участие, политическая стабильность, политическая культура, низовое самоуправление, публичные слушания, некоммерческий сектор.*

O. V. Sivintseva

EXPANSION OF PUBLIC PARTICIPATION IN CONDITIONS OF CONTEMPORARY CHINA DEVELOPMENT

The expansion of the public participation increase in contemporary China is confirmed by development of such public institutions as organizations of self-administration in urban and rural areas, nonprofit organizations, public hearings, writing comments of draft laws, proclaiming of principles of authorities' openness and transparency. The author of the article concluded that in the last two decades such public institutions in the PRC gained momentum and adapted to the current Chinese political system and political culture. In turn, the latter impose a number of constraints on the public mechanisms, mostly aimed at provision of social and political stability in conditions of a one-party system than at real public participation.

Keywords: public participation, political stability, political culture, lower self-administration, public hearings, nonprofit sector.

В условиях глобализации мирового пространства, усложнения социально-экономических и политических связей, а также общемировых тенденций сокращения государственного вмешательства, подключения к принятию государственных решений и оказанию государственных услуг общественных институтов Китай как держава, претендующая на высокие позиции в мировом сообществе, не может остаться в стороне от повышения степени участия общества в управлении государством. Однако спе-

цифика политического устройства КНР создает целый ряд ограничений, не благоприятствует реализации института общественного контроля над деятельностью органов власти и государственных служащих. Помимо этого расширению границ общественного участия в Китае препятствует политическая культура, которая в соответствии с типологией Г. Алмонда и С. Вербы тяготеет к подданническому типу [5, p. 17–23]. Такая модель определяется пассивным политическим участием общества, почтительно-подчиненными отношениями между подданными и политическим руководством, которые имели место на протяжении всего исторического развития Китая и в модернизированном виде сохранились до сих.

Несмотря на указанные ограничения, совместно с экономическими реформами, все большим втягиванием Китая в международные процессы наблюдается либерализация общественно-политической ситуации в стране. За последние годы КНР удалось добиться результатов в развитии низового самоуправления в городах и деревнях, экспериментальной адаптации процедур делиберативной демократии, расширении процедур демократических консультаций и многопартийного сотрудничества, некоторой степени правительственной открытости. В основном новые каналы общественного участия создавались «сверху» при отсутствии неправительственных инициатив, что явилось причиной существования ограниченных неформальных практик в этой области при доминировании лишь формальных механизмов.

В статье предполагается рассмотреть, какие механизмы общественного участия адаптированы в Китае и какие ограничения накладываются на них действующей политической системой и политической культурой.

Особенности институтов низового самоуправления в КНР

Китай имеет достаточно длительную историю в области развития местного самоуправления, о чем свидетельствуют общинные традиции, существовавшие еще в имперском Китае. С начала 1950-х гг. в Поднебесной (в соответствии с «Положением об организации комитетов городского населения» от 31 декабря 1954 г.) активно начинают распространяться инициированные «сверху» комитеты городских жителей. В период реализации курса «трех красных знамен» предпринималась попытка трансформировать их в народные коммуны, символизировавшие полное принудительное обобществление жизни, однако все эти начинания закончились полным экономическим коллапсом и крайне нестабильной общественно-политической ситуацией, особенно в деревне.

Усилия по созданию системы низового самоуправления в новой форме предпринимаются уже в постмаоистский период, начиная с 1978 г. Отправной точкой для этого послужил 3-й пленум ЦК КПК 11-го созыва, ознаменовавший начало экономической модернизации в Китае с акцентом на развитие сельского хозяйства [18].

Поначалу комитеты сельского и городского населения создавались стихийно и во многих территориях именно по инициативе населения,

«снизу», однако уже в начале1980-х гг. эти процессы были взяты под контроль политическим руководством страны, которым комитеты рассматривались как посредники между партийными организациями и населением. Более того, комитеты городского и сельского населения были институционализированы в Конституции КНР 1978 г., в которой они определяются как «низовые массовые организации самоуправления». В связи с тем, что единого закона, регулирующего комитеты, не существовало, с 1984 г. начинается работа по его созданию. В результате в 1988 г. был принят экспериментальный закон, а в 1998 г. вступил в силу ныне действующий Закон об организации комитетов сельского населения [3]. Аналогичный закон о регулировании деятельности комитетов в городе был принят в 1989 г. [2].

Сельские и городские комитеты хотя и являются институтами низового самоуправления в Китае, встроены в вертикаль власти и в значительной степени зависимы от органов власти Китая. В соответствии с указанными выше законами создание, ликвидация и изменение территории находятся в ведении народных правительств, значительная часть расходных обязательств комитетов также ложится на плечи исполнительных властных структур. Кроме того, низовые организации КПК играют руководящую роль в реализации полномочий комитетов, а их представители (а также сотрудники других органов власти) имеют право принимать участие в заседаниях комитетов.

Интеграция институтов низового самоуправления в управленческую вертикаль отнюдь не означает, что их деятельность не может строиться на достаточно демократической основе. Это подтверждается наличием выборной системы формирования должностных лиц комитетов, правом их отзыва со стороны населения, обнародованием информации о деятельности комитетов, участием населения в рассмотрении годовых отчетов и оценке деятельности членов комитетов, возможностями населения по отмене решений комитетов.

С конца 1990-х гг. политическим руководством Китая была предпринята попытка преобразования городских комитетов в территориальные общины. Планировалось, что территориальные общины, в отличие от комитетов представляющие собой укрупненные организации самоуправления, смогут в большей степени сконцентрироваться на предоставлении услуг населению. Согласно принятым министерством гражданской администрации КНР в 2000 г. «Мнениям о содействии организации территориальных общин в городах» [12], первоначально они вводились экспериментально в 26 районах Китая, а уже в 2000-е гг. предполагалось распространить общины по всей стране в пределах квартала или жилого комплекса. Однако, как показывает практика, на значительной части территории Китая общины так и сохранились в качестве локального эксперимента, не сумев вытеснить комитеты городских жителей.

В целом система низовых институтов самоуправления в КНР является крайне децентрализованной, поэтому единой формы их организации не существует. По словам Т. В. Котельниковой, «среди множества предлага-

емых вариантов можно выделить две основные модели – "шанхайскую", где более широко используют административные методы управления, и "шэньянскую", более сориентированную на развитие низового самоуправления» [4, с. 11]. Очевидно, что в наибольшей степени благоприятствует развитию общественного участия «шэньянская» модель, однако она не сочетается органичным образом с политической системой и культурой Китая. Все-таки наиболее распространенной моделью в КНР является «шанхайская», апеллирующая к подчиненному положению общин по отношению к органам власти.

Так или иначе организации самоуправления Китая являются по-своему уникальными: они практически не занимаются предоставлением жилищно-коммунальных услуг, а в основном сосредоточены на создании небольших социальных учреждений (столовых, домов инвалидов, детских садов и прочих). По итогам 2014 г. в Китае насчитывается 682 тыс. различных организаций низового самоуправления, что на 2,2 % превышает показатели 2013 г. [11]. В целом наблюдается постепенный рост подобных организаций.

Низовая демократия в Китае (представленная сельскими и городскими комитетами, а также территориальными общинами) оказалась лицом к лицу с целым рядом трудностей, значительная часть которых связана с противоречиями между выборными лицами и партийными представителями, пассивным участием населения, дублированием функций комитетов и общин, с одной стороны, и партийных организаций — с другой, а также коррупционными махинациями наиболее обеспеченной части жителей с целью повлиять на исход голосования.

Таким образом, институты низового самоуправления в Китае имеют долгую историю и в своей новой форме (с конца 1970-х гг.) явились первыми организациями, благоприятствующими расширению механизмов общественного участия. Однако их зависимый от органов власти статус формирует условия, скорее для обеспечения стабильности политического режима в КНР, нежели для самостоятельного решения обществом местных вопросов. Отсутствие партисипаторной политической культуры в Китае также не способствует масштабной интеграции общества в деятельность комитетов или общин. Тем не менее организации низового самоуправления в КНР вполне себя зарекомендовали как провайдеры социальных услуг, посредники между органами власти и населением, факторы стабилизации общественно-государственных отношений.

Общественное участие в принятии государственных решений

Вступление в силу в 2000 г. Закона о нормотворческой деятельности КНР является знаменательным событием в определении формальных рамок общественного участия в принятии государственных решений в Китае [10]. В законе указывается, что он «способствует реализации воли народа, развитию социалистической демократии и многоканальному участию населения в законотворческой деятельности». Так, Постоянный ко-

митет ВСНП согласно закону обязан заслушивать мнение общественности по законопроектам путем организации публичных слушаний, рабочих групп, семинаров, распространения копий законопроектов среди соответствующих органов, организаций и экспертов с последующим изучением их мнений. То же самое вменяется в обязанность Госсовета КНР, а также может быть реализовано местными органами власти [15].

Что касается отдельных механизмов обеспечения общественного участия в принятии государственных решений, то Государственным советом КНР широко используются экспертные семинары с участием представителей научного сообщества, но в основном они носят закрытый характер.

С начала 2000-х гг. быстрыми темпами в контексте электронного правительства развивается механизм участия общественности путем письменных комментариев законопроектов, которые публикуются в СМИ или на правительственных веб-сайтах. Из опубликованных законопроектов значительное количество комментариев набрал законопроект об имуществе (свыше 11,5 тыс.), законопроект о трудовом соглашении (почти 192 тыс.) [9, p. 9], вышеназванный законопроект о нормотворческой деятельности (220 тыс.) [7]. Многие местные органы власти также публикуют проекты нормативных актов на сайте Госсовета КНР для обеспечения большей степени общественного участия.

Инициатором подобных обсуждений в 2002 г. явился Департамент по вопросам законодательства Госсовета КНР. Более того, в 2008 г. это ведомство интегрировало в свою деятельность практику опубликования ежегодных планов нормотворчества для выяснения мнения общества относительно того, какие из проектов являются наиболее «жизненно важными».

Такой механизм обеспечения общественного участия, как публичные слушания, применяются в экспериментальном порядке, хотя и имеет достаточно продолжительную историю развития на местном уровне в КНР. Уже с начала 1980-х гг. такая практика общественных консультаций начала применяться в Шэньчжэне провинции Гуаньдун, а затем распространилась на другие территории Китая. Что касается общенационального уровня власти, то ВСНП и Госсовет достаточно осторожны в проведении подобных мероприятий. Госсовет КНР не проводил публичные слушания ни разу. Постоянный комитет ВСНП провел свое первое и единственное публичное слушание в сентябре 2005 г. при рассмотрении поправок в Закон о подоходном налоге физических лиц. В нем приняли участие 20 человек, отобранных случайно из 5 тыс. претендентов [6].

Участвующие в публичных слушаниях в Китае могут только оставлять письменные комментарии, включающие их наблюдения и предложения по проектам рассматриваемых нормативных актов, они не могут участвовать в открытом обсуждении законопроектов. Как правило, за исключением крайне редких случаев, эти комментарии и объяснения их рассмотрения органами власти не публикуются. Более того, не является вполне прозрачной и процедура отбора участников для участия в публич-

ных слушаниях. Как утверждает профессор Национальной школы управления Китая Ин Суннянь, «в Китае отсутствуют зрелые заинтересованные группы, представляющие различные мнения. В некоторых случаях участники слушаний бессистемно назначаются органами власти по их собственному желанию и не являются полностью независимыми» [8].

В целях обеспечения открытости деятельности органов государственной власти в Китае было принято «Положение об открытой правительственной информации» в 2007 г. [14]. Согласно ему, государственные органы берут на себя обязательство раскрывать конкретную информацию (нормативные акты, планы национального социально-экономического развития, каталоги по проектам централизованных государственных закупок и т. д.) в течение 20 рабочих дней. При этом физические и юридические лица имеют право запросить информацию и получить ответ в течение 15–30 рабочих дней. Однако Положение не устанавливает ясных критериев понятия «раскрытие информации»; предполагает, что запрос должен включать цель, которая может стать причиной отказа в получении информации; содержит указание на то, что раскрываемая информация не должна ставить под угрозу государственную, общественную и экономическую безопасность, а также социальную стабильность. Кроме того, в качестве субъекта при направлении запроса не могут выступать представители средств массовой информации. Эти ограничения создают возможности для сокрытия значительной части информации и манипулирования общественным мнением со стороны органов власти.

Механизмы обеспечения общественного участия в принятии государственных решений имеют крайне ограниченный характер, хотя некоторые прогрессивные шаги в этой сфере наблюдаются в последние два десятилетия. Политическое руководство Китая с помощью таких механизмов стремится как повысить качество социальных услуг, так и проконтролировать общественно-политические настроения в стране. В основном ограничения, накладываемые на эти механизмы, создаются отсутствием демократических административных традиций, действующей политической системой, недостаточно зрелой культурой участия в стране. В настоящее время общество КНР не имеет доступа к контрольным инструментам над органами власти. Оно хотя и принимает участие в процессе обсуждения направлений реформирования в ограниченном порядке, по большей части на местном уровне, но сколько-нибудь ощутимого влияния на преобразования оказать не может.

Некоммерческий сектор в Китае

Правовой статус некоммерческих организаций в полной мере не урегулирован, поэтому они находятся в различном положении в зависимости от степени государственной поддержки, финансирования, статуса участников. Обычно в структуре неправительственного сектора Китая выделяются всекитайские (народные) организации, фонды, общественные организации и гражданские некоммерческие организации, представленные

частными школами, больницами и другими организациями, оказывающими услуги социального характера.

Особое место среди неправительственных объединений занимают всекитайские организации, существовавшие еще при Мао Цзэдуне, среди которых можно отметить Всекитайскую федерацию профсоюзов, Всекитайскую федерацию женщин, Коммунистический союз молодежи Китая. Они полностью состоят на государственном бюджете и занимаются в основном пропагандистской работой под контролем государства.

Преобразования в экономической сфере с конца 1970-х гг. в немалой степени способствовали росту общественных организаций в Китае, особенно предпринимательских, профессиональных и академических ассоциаций. По официальным данным, к концу 2014 г. в КНР насчитывалось 606 тыс. общественных организаций, что на 10,8 % больше, чем в предыдущем году, с охватом около 6,8 млн граждан Китая, что на 7,2 % превышает показатели 2013 года [11]. При этом, как сообщает директор Бюро по работе с неправительственными организациями КНР Ван Цзяньцзюнь, «количество незарегистрированных организаций или зарегистрированных в качестве коммерческих, но представляющих общественный сектор, составляет около 1 млн» [13]. В 2014 г. было возбуждено 4246 судебных разбирательств относительно незаконной деятельности общественных организаций [11].

Причиной значительного количества нелегальных организаций в Китае является жесткий политический контроль. Регистрация общественной организации в КНР предполагает строго определенное количество участников, соответствующий объем финансирования, наличие доступного помещения и другие достаточно жесткие условия. Так, в соответствии с Правилами регистрации общественных организаций в Китае «количество участников может быть либо не менее 50 индивидуальных членов, либо не менее 30 организационных единиц»; объем обязательных финансовых активов «для национальных объединений — не менее 100 тыс. юаней, для местных — не менее 30 тыс. юаней» [16]. К тому же на территории одного муниципалитета не может быть зарегистрировано несколько организаций, чья деятельность имеет идентичный характер.

Одним из аспектов политического контроля является практика «двойного наблюдения» над организациями. Она заключается в том, что, во-первых, организации необходимо самостоятельно заручиться поддержкой государственной структуры (государственного департамента/агентства или официально зарегистрированной неправительственной организации), которая явилась бы контролирующим органом и несла политическую ответственность за деятельность и финансовое обеспечение ассоциации. Во-вторых, общественная организация должна быть зарегистрирована в департаментах по гражданским делам (подразделениях министерства гражданской администрации) различных уровней. Такого рода политический контроль обеспечивает политическую стабильность, которая является непременным условием гарантированного экономического развития. Стоит согласиться с В. Ганшиным, что «достаточно жесткая

позиция властей в отношении политической ориентации возникающих общественных объединений пока что позволяет им практически полностью контролировать процесс институционализации гражданских инициатив» [1, с. 129].

Некоммерческие организации как институт гражданского общества, как правило, призваны решать две основные задачи, среди которых расширение границ общественного участия и предоставление государственных услуг. Выполнение первой задачи в Китае осложняется как спецификой политического устройства, так и несформировавшейся культурой политического участия среди населения. Что касается второй задачи, то в настоящий момент некоммерческие организации в КНР не представляют собой достаточно зрелый механизм, чтобы выступать успешными провайдерами социальных услуг. Тем не менее политическое руководство Китая в перспективе склонно к тому, чтобы возложить предоставление ряда социальных услуг именно на них. По словам профессора Школы развития и государственной политики Пекинского университета Юй Сяоминя, «китайское правительство стремится развивать сильный "третий сектор" как поставщика услуг, а не как общественное движение» [17, p. 27].

Вполне вероятно, что в перспективе Китаю удастся сформировать некоммерческий сектор, ориентированный на качественное предоставление социальных услуг, однако общественное участие в этих условиях будет иметь достаточно жесткие границы, а общественные организации будут интегрированы в управленческую вертикаль.

***

Таким образом, в современном Китае можно отметить целый ряд тенденций, ознаменовавших расширение границ общественного участия в решении государственных вопросов. Предпосылкой для этого является курс на либерализацию экономики, взятый политическим руководством КНР в конце 1970-х гг., вслед за которым последовали хотя и не настолько масштабные, но передовые административные реформы, затронувшие политическую сферу, а также распространение международных связей по различным направлениям.

Развитие институтов низового самоуправления (комитеты сельских и городских жителей, территориальные общины), которые по сравнению с иными механизмами расширения общественного участия преемственны давним китайским общинным традициям, стало первым инструментом повышения степени общественного участия в Китае. Наряду с этим в последние годы активно развиваются письменные комментарии законопроектов в СМИ, публичные слушания (в основном на местном уровне), декларируются принципы прозрачности и открытости публичной информации, распространяются общественные объединения, беспрецедентный рост которых наблюдается по мере усиления экономических реформ.

Авторитарный тип политического устройства Китая и отсутствие зрелой культуры участия не способствуют полноценному развитию обще-

ственных институтов в Китае. В основном вышеназванные механизмы работают не на расширение границ общественного участия, а на обеспечение политической стабильности в КНР, способствуют диагностированию руководством страны общественных настроений. Этому в немалой степени благоприятствует интеграция в управленческую вертикаль институтов низового самоуправления и общественных организаций. В перспективе деятельность последних планируется сконцентрировать на предоставлении государственных услуг.

Тем не менее само наличие и постепенное распространение общественных институтов в Китае свидетельствуют о том, что КНР все в большей степени становится «нормальной страной», в которой принятие государственных решений и реализация государственных услуг предполагают участие не только представителей политической элиты, но и общественности. И если в настоящий момент подобные инициативы еще не распространены в достаточной мере, то в перспективе вполне предсказуемо увеличение и усиление новых факторов общественного участия, хотя и в рамках действующей политической системы КНР.

Литература

1. Ганшин В. Г. Формирование гражданского общества в России и Китае. — М., 2007. — 231 с.

2. Закон КНР об организации комитетов городского населения (1989) [Электронный ресурс]. URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/ chinaconstitutionallaw/china_urban_committees_organic_law/ (дата обращения: 10.12.15).

3. Закон КНР об организации комитетов сельского населения (1998) [Электронный ресурс]. URL: http://pavel.bazhanov.pro/translations/ chinaconstitutionallaw/china_rural_committees_organic_law/ (дата обращения: 10.12.15).

4. Котельникова Т. В. Инновационный компонент в функционировании китайских территориальных общин в аспекте традиционной культуры // Вестник ЧитГУ. — 2010. — № 8(65). — С. 10–13.

5. Almond G. A., Verba S. The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations. Princeton, N. J., 1963. — 562 p.

6. China opens hearing on income tax threshold (2005) [Электронный ресурс]. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2005-09/27/content_3550661.htm (дата обращения: 11.12.15).

7. Christophe Bahuet: opening remarks at the international workshop on public participation in regulations review and filling towards law harmonization (2012) [Электронный ресурс]. URL:http://www.cn.undp.org/content/china/en/home/presscenter/speeches/2012/03/opening-remarks-at-the-international-workshop-on-public-particip.html (дата обращения: 11.12.15).

8. Gong Yidong. Public Hearings: Driving the Engine of Democracy in China (2006) [Электронный ресурс]. URL: http://www.china-botschaft.de/det/zt/rqwt/t272609.htm (дата обращения: 11.12.15).

9. Horsley P. Public Participation in the People's Republic: Developing a More Participatory Governance Model in China (2009)/ 19 p. [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.yale.edu/system/files/documents/pdf/Intellectual_Life/CL-PP-PP_in_the__PRC_FINAL_91609.pdf (дата обращения: 15.12.15).

10. Legislation Law of the People's Republic of China (2000) [Электронный ресурс]. URL: http://www.china.org.cn/english/government/207420.htm (дата обращения: 10.12.15).

11. Minzhengbu fabu 2014 nian shehui fuwu fazhan tongji gongbao (Статистический бюллетень развития социальных услуг Министерства гражданской администрации КНР 2014 года) (2014) [Электронный ресурс]. URL: http://www.mca.gov.cn/article/zwgk/mzyw/201506/20150600832371.shtml (дата обращения: 10.12.15).

12. Minzhengbu guanyu zai quanguo tuijin jincheng chengshi shequ jianshe de yijian (Мнения Министерства гражданской администрации КНР о содействии организации территориальных общин в городах) (2000) [Электронный ресурс]. URL: http://theory.people.com.cn/GB/40746/3491444.html (дата обращения: 10.03.15).

13. New rules for NGOs to improve operations (2013) [Электронный ресурс]. URL: http://www.chinadaily.com.cn/china/2013-04/17/content_16413055.htm (дата обращения: 10.12.15).

14. Regulations of the People's Republic of China on Open Government Information (2009) [Электронный ресурс]. URL: https://www.law.yale.edu/system/files/documents/pdf/Intellectual_Life/CL-OGI-Regs-English.pdf (дата обращения: 10.12.15).

15. Regulations on Procedures for the Formulation of Administrative Regulations (2002) [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/english/laws/2005-08/24/content_25827.htm (дата обращения: 10.12.15).

16. Shehui tuanti dengji guanli tiaoli (Правила регистрации общественных организаций) (1998) [Электронный ресурс]. URL: http://www.china charityfederation.org/WebSite/NewsShow/66/1119 (дата обращения: 10.12.15).

17.Yu Xiaomin. Social Enterprise in China: Driving Forces, Development Patterns and Legal Framework // Social Enterprise Journal. — 2011. — № 7(1). — P. 9–32.

18. Zhongguo gongchandang dishiyi jie zhongyang weiyuanhui disanci quanben huiyi gongbao (Решение 3-го пленума ЦККПК XI созыва) (1978) [Электронный ресурс]. URL: http://cpc.people.com.cn/GB/64162/64168/64563/65371/ 4441902.html (дата обращения: 10.12.15).

Сивинцева Ольга Владимировна, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры государственного и муниципального управления Пермского государственного национального исследовательского университета. Россия, 614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15. E-mail: sivenc8@gmail.com

Sivintseva Olga Vladimirovna, candidate of science (in Political Sciences), senior lecturer, state and local governance department, Perm State National Research University. 15 Bukireva St., Perm, Russia 614068.

УДК 94(510)

© **Б. М. Кондорский**

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ КИТАЯ

В основе этапов исторического развития лежат революции. Архаические революции в первой половине I тыс. до н. э. разделили древность на раннюю и позднюю. Неолитический (доархаический) период в Китае представлен протогосударством Шан-Инь. В этот период источниками политической воли считались боги (предки). Правитель выступал в качестве медиатора божественной Силы. В постархаический период Силу от богов на основании договора получает сам народ. В Китае в период Западного Чжоу это принимает форму мандата Неба. Архаическая революция сформировала более чем тысячелетний период последующего развития Китая. Феодализм как система появляется только в период Сун — земля превращается в полную собственность владельцев крупных поместий, которых можно назвать феодалами. В XX в. все революционные события в Китае, также как в России и других основных странах третьего мира, составляют революционный период как целостную систему, имеющую свои законы.

***Ключевые слова**: историческое развитие, архаическая революция, евроазиатская ойкумена, Шан-Инь, Хань, Сун, Мин, феодализм в Китае, буржуазные революции в Китае.*

B. M. Kondorsky

MAIN STAGES OF HISTORICAL DEVELOPMENT OF CHINA

The revolutions underlie the historical development. The archaic revolutions in the first half of the 1thousand B.C. divided antiquity into the early and late ones. The Neolithic (pre-archaic) period in China is represented by a proto state Shang Yin. In that period gods (ancestors) were considered as sources of political will. A ruler acted as a mediator of divine power. In the post-archaic period based on agreement people gets power from gods. In China in the period of the Western Zhou it takes a form of a mandate of Heaven. The archaic revolution formed more than a thousand year period of the subsequent development of China. Feudalism as a system arose only in the Song period – land became a full property of the owners of large estates who could be called as feudal.In the 20-th century all the revolutionary events in China, as well as in Russia and other major countries of the third world, made up the revolutionary period as a whole system that had its own laws.

Keywords: historical development, archaic revolution, Euro-Asian ecumene, Shang Yin, Han, Song, Ming, feudalism in China, bourgeois revolutions in China.

В процессе исторического развития можно выделить ряд основных этапов. Переход от одного этапа исторического развития к другому всегда происходил революционным путем. Здесь этот термин используется не в переносном смысле, а в буквальном. Действовали те же основные законы, что и во время классических буржуазных революций.

Революции как особое состояние общества сопровождаются качественными изменениями во всех сферах. Революции в первую очередь происходят в «голове». Один тип сознания сменяется другим. На смену

старому архетипу социальной организации приходит принципиально новый. Архетип данного исторического этапа есть архетип определенного исторического сознания.

Формирование нового архетипа в процессе революций следует рассматривать как систему потенций, которые могут получить развитие, а могут и нет, в зависимости от конкретных исторических условий. Внешние проявления этих потенций архетипа в различных регионах могут существенно различаться.

В историческом развитии можно выделить следующие основные революции (точнее, эпохи революций) и соответствующие им этапы: неолитические, архаические, феодальные и революции нового времени [34: 17]. Именно революции формируют потенциал последующего развития.

Неолитическая революция началась на Ближнем Востоке еще в X тыс. до н. э. Появлявшиеся в этом регионе технологические новшества затем распространялись по территории Евразии (включая Северную Африку). Для понимания данного процесса здесь полезной будет концепция ойкумены как системы, имеющей свои внутренние законы и в чем-то сходной с биосферой [36]. Ойкумену в узком смысле этого слова следует рассматривать как форму существования социумов в определенных природных условиях. Элементом ойкумены как системы являются потоки информации (технологий) в форме миграций типа «просачивания».

Можно постулировать, что в неолитический период (особенно в первой его половине) доминировал мобильный тип социумов. Здесь можно выдвинуть гипотезу, что именно в этом состоянии был возможен прогресс во всех основных социальных и технологических сферах. Любое стационарное состояние в той или иной степени консервирует процесс общечеловеческого развития. Появление того, что мы называем цивилизацией, уже таит в себе «эмбрионы» будущего отчуждения как в социальной сфере, так и особенно в отношениях с природой.

Проявлением миграционных процессов в рамках евразийской ойкумены можно считать наличие языковых суперсемей, в частности синокавказской, прародиной которой был иранский Загрос [72]. География миграций ее носителей простирается от Атлантического (баскские языки) до Тихого океана (сино-тибетские языки) и даже до Северной Америки (языки на — дене). На основании вышеуказанной гипотезы можно постулировать, что эволюция языков и их групп (языковый прогресс) в рамках суперсемьи происходила в процессе миграций подобного рода [38].

Евразийская ойкумена, по существу, появилась еще в период раннего палеолита. Культура рубил архантропа в Китае (700–500 тыс. до н. э.) уже испытывала определенное влияние с запада. Можно также говорить о связи китайского мезолита с евразийским и североафриканским [14: 107, 126].

Проблема формирования и развития неолита на территории Китая носит достаточно деликатный характер. Практически все китайские специалисты считают, что все технологические достижения этого периода носят

автономный, автохтонный характер [14: 127]. Считается, что в Китае «своя» неолитическая революция имела место в V–IV вв. до н. э. [17: 114, 115]. На самом деле до I тыс. до н. э. Китай являлся органической частью евразийской ойкумены. И потоки информации (технологий) из ее центра — Передней Азии — должны были достигать территории Китая. Можно говорить о принципе регулярного распространения нововведений по ойкумене [17: 29]. Все основные технологические достижения происходят в одном месте [14: 129] (обычно в центре ойкумены), а затем распространяются по ее территории за счет заимствований. В Китае все это появлялось уже в достаточно развитом виде.

Зерновой неолит имел три основных компонента: зерновое земледелие (пшеница, ячмень), домашнее скотоводство (коза, овца, свинья, корова) и расписную керамику.

В Китае диких предков ни пшеницы, ни козы и овцы не было. Что касается расписной керамики Яншао, то сходство с подобного рода керамикой в других регионах Евразии (включая трипольскую культуру) слишком очевидно. Поэтому корни зернового неолита следует искать в Передней Азии. Другое дело, что китайские социумы того времени обладали высоким потенциалом восприятия новшеств и их дальнейшего развития.

То же самое относится и к черно-серой керамике периода Луншань, которая изготовлялась уже на гончарном круге. Впервые черная лощеная керамика, сменившая расписную, появляется на Ближнем Востоке [14: 130]. Предположить, что точно такая же керамика появляется в Китае независимо, очень трудно (а точнее, невозможно). Технология изготовления бронзовых изделий в середине II тыс. до н. э. в Китае имеет уже развитой, совершенный вид. Западное влияние касалось также появления сосудов-триподов, втульчато-полостного типа бронзовых орудий, звериного стиля изображений и даже календаря, имевшего явно выраженные ближневосточные черты [15: 89; 14: 148]. Это же касается и колесниц, которые появились около II тыс. до н. э. на Ближнем Востоке [17: 23]. Конструктивно-техническое сходство колесниц в Европе, Передней Азии и Китае слишком очевидно [17: 276; 63: 140].

В конце II тыс. до н. э. наблюдаются структурные изменения в евроазиатской ойкумене. Формируется кочевая ойкумена на просторах Великой степи. В силу определенных причин происходит относительная изоляция Китая. Теперь он уже развивается как самостоятельная ойкумена. Подобного рода двойственность, по нашему мнению, как раз и определила «специфику» дальнейшего исторического развития Китая.

Архаические революции, которые имели место в первой половине I тыс. до н. э. не только в Греции и Италии, но и на Ближнем Востоке, Северной Индии и Среднем Китае, разделили два периода, два этапа исторического развития — раннюю и позднюю древность и соответствующие им социумы — социум ранней древности (СРД) и социум поздней древности (СПД) [34: 17]. В Америке и Тропической Африке архаические революции отсутствовали вследствие действия фактора изоляции [40].

К СРД, в первую очередь, следует отнести египетскую, месопотамскую, индскую цивилизации и политические образования бронзового века. Отсутствие в СРД личности как источника воли способствовало формированию системы, в рамках которой источником воли являлись божества. В Египте конкретным источником считался фараон, выступавший здесь не столько в качестве божества, сколько в качестве медиатора, транслятора божественной силы [34: 18; 57: 49]. Только наличие божественной воли позволяло принимать решения, осуществлять управление. Если же эта связь прерывалась, наступала анархия [26: 85]. Здесь царь действует Силой богов, является проводником этой Силы [58: 119].

Правитель выступает в качестве посредника между земным и потусторонним миром во всех СРД, включая цивилизации Южной Америки и социумы Тропической Африки [1: 235; 2: 137; 9: 159]. В Месопотамии Сила, получаемая правителями от богов, называлась «шимту» [58: 103; 64: 160].

В Китае к СРД можно отнести протогосударство Шан-Инь. Анализ показывает, что архетип данной социальной системы по своим основным параметрам соответствовал другим СРД бронзового века. Шанский ван в своем руководстве полностью зависел от своих божественных предков (первопредка Шанди) как источников благодати и благого повеления [48: 110]. Любые решения ван принимал только после консультаций с божественными силами (предками). Любой приказ отдавался от их имени [15: 158, 159].

В Египте все царские подданные, начиная с вельмож и заканчивая земледельцами, воспринимались как «тело» фараона (причем в буквальном смысле этого слова) [4: 170]. Нечто похожее имело место в Шан-Инь. Представители «администрации» вана обозначались иероглифом чэнь, представлявшим схематический рисунок глаза [13: 99]. Также как и в Египте, «личность» вана полностью отвечала за все то, что делается в государстве [15: 127].

В сознании древних египтян фараон «лично» не только руководил всеми работами в Египте, но и производил все материальные блага. Царь выступал как податель благ на земле [3: 39]. Все, что не делалось в государстве, во всех сферах деятельности сводилось к особе фараона [68: 147].

В Древнем Китае государство воспринималось как большая семья — правитель заботится о народе как детях, народ любит правителя как отца [15: 252]. Точно такая же ситуация имела место в Египте [4: 100]. Каждое хозяйство, каждый ном, также как и весь Египет, воспринимались как Дом. У египтян не было понятия государства, было понятие Дом [68: 94, 95]. С этой точки зрения каждая из этих структур гомологична греческому ойкосу и римской фамилии. В основе этимологии «фамилия» лежит «дом» (санскр. дхаман). Соответственно, власть египетского фараона, также как и шанского вана, имела тот же архетип, что и «отеческая власть» (patria potestas) римского pater familias.

В СПД, появившихся после архаической революции, революционные изменения в сознании в первую очередь были связаны с принципиальными изменениями отношений с богами. Если в СРД социальное объединение, находящееся под покровительством богов, получало от них Силу через своего правителя, то в СПД источником силы является уже сам народ. Народ заключает Договор с богами, на основании которого получает Силу уже в «постоянное пользование». В свою очередь, народ обязуется чтить богов, регулярно проводить в их честь жертвоприношения и использовать полученную Силу во Благо народа.

Римский народ заключает договор с Юпитером [46: 183], израильский с Йахве [79: 58], Спарта с Аполлоном [69: 34]. На основании договора народ получает законы и ту Силу, которую можно будет использовать для поддержания Порядка. В Риме это империй, в Израиле — miswa [18: 199]. И то и другое подразумевает право приказа. За богами остаются лишь контрольные функции. Появляется царь — магистрат, которому народ на основании договора предоставляет необходимые полномочия [79: 68, 69]. В Риме царей, а затем магистратов следует рассматривать как носителей делегированного суверенитета, имеющих право приказа [25: 46, 47]. Любые приказы магистратов воспринимались как приказы народа [47: 102].

Обычно архаической революцией называют тот исторический переворот, все те изменения, которые имели место в Древней Греции в VIII–VI вв. до н. э. и которые коснулись абсолютно всех сфер человеческой деятельности [76: 92–100]. Это изменения в технологиях, связанных с принципиально новыми методами обработки железа, производстве керамических изделий, строительстве общественных зданий. Это развитие торговли, мореплавания, судостроения, что практически полностью отсутствовало в доархаический (гомеровский) период. Следует отметить классическое рабство с массовым использованием рабов в ремесленном производстве и на рудниках. Появляется частная собственность на землю (конечно с учетом особенностей данного периода). В военной сфере на смену общинному ополчению и аристократам на колесницах приходит гоплитская фаланга. В постархаическом Китае в период Чжаньго мы имеем точно такие же явления и достижения.

В Китае договор между чжоускими народом (пришедшем на смену Шан-Инь) и богами получил форму мандата Неба (небесного повеления), на основании которого ваны при помощи «благой силы» — дэ — могли поддерживать в государстве порядок [13: 126, 127]. Мандат Неба всегда был с ваном и не было уже необходимости советоваться с духами предков [16: 234]. В отличие от иньского Шанди, чжоуское Небо приобретает черты абстрактной безликой силы [15: 160], что в общем-то характерно для СПД, в отличие от СРД.

В Китае гражданская община как носитель полного государственного суверенитета так и не появилась. Здесь не было того, что можно назвать демократической революцией, в отличие от Греции и Рима. Гожэнь — лично свободные люди, полноправные граждане государства, обязанные военной службой, уплатой налогов и несением ряда повинностей [13: 179;

70: 208] так и не взяли власть в свои руки. Народное собрание приобретало власть только в периоды опасности и чрезвычайных обстоятельств [70: 228]. Обращает на себя внимание тот факт, что правитель заключал договор со знатью в храме, а с гожэнь — за городом [70: 213]. Это может свидетельствовать о пришлом происхождении гожэнь. С учетом того, что они стояли вне кланов, это сближает их с римскими плебеями.

Архаическая революция в Китае носила неполный характер. Развитие социумов в период Чуньцю остановилось на стадии, соответствующей царскому периоду в Риме. Ваны этого периода, также как и римские цари, имели не монархическую, а скорее, магистратскую власть. Причиной подобного рода явления, по нашему мнению, стал высокий уровень преемственности между Шан-Инь и Западным Чжоу. В Древней Греции дорические племена пришли на Пелопоннес через столетие после гибели Микенского государства (исторически аналогичного Шан-Инь) и дальнейшее развитие шло уже с «чистого листа».

Процесс формирования ойкумены в процессе архаической революции в Китае начался с того, что чжоусцы, переняв земледельческие навыки от шанцев, широко распространили их среди завоеванных ими племен по всей территории бассейна Хуанхэ. Происходит китаизация варваров на Среднекитайской равнине, не имевших в этом регионе своей ойкумены (жунов, ди, и). Появляется представление о единстве происхождения в форме самоназвания хуася. Остальные народы воспринимаются как варвары [51: 271–274; 49: 150, 151]. Аналогичные процессы в это время происходят в Греции [51: 271, 272; 49: 153]. В V в. до н. э. в среднем течении Хуанхэ складывается территория, населенная исключительно хуася, которые оказывали культурное влияние на периферийные царства [51: 279–281].

Процесс объединения царств в этот период имел форму надобщинного пространства как интегративного единства социумов в рамках формирующейся ойкумены [33]. Подобного рода процессы имели место в классические периоды постархаических систем в Греции (Афинский морской союз), Риме (Италийская федерация), Индии (империя Маурьев). К концу Чжаньго в Китае все царства были объединены в рамках единой политической системы Цинь Ши-хуанди.

Но несмотря на то, что царства-соперники были уничтожены, а их территории вошли в состав «империи», общины в известной степени сохранили свое внутреннее самоуправление в лице старейшин фулао, которые не были царскими чиновниками [66: 74]. Попытки разрушить общины в конечном итоге закончились неудачей [29: 162, 163; 53: 82]. Созданная Цинь Ши-хуанди надобщинная «конструкция» оказалась неустойчивой и рухнула после его смерти. В последующий период гражданских войн именно органы общинного самоуправления показали себя единственной реальной властью [27: 515].

Если империя Цинь оказалась недолговечной, то империя Хань просуществовала четыре столетия. Дело в том, что произошли качественные изменения, которые привели к появлению нового типа надобщинного

пространства — «имперского» [33: 55], имеющего развитую инфраструктуру на всей территории Китая. Важнейшим элементом ойкумены нового типа была система дорог с почтовыми станциями [56: 18]. Точно такую же картину мы наблюдаем в это время в пределах Римской империи.

В основе нового государства лежал общественный договор, который Лю Бан и его команда заключили с общинами. Лю Бан, разослав по всему царству своих гонцов, собрал в Сяньяне циньских фулао и заключил с ними договор [29: 163]. Также как римские императоры воспринимались как олицетворение римской общины (ее власти), то же самое можно отнести к новоиспеченному императору. Имперская администрация в период Хань действовала в надобщинной сфере [67: 153], имея дело с личжень — главами совета старейшин, представлявшими интересы общины в сношениях с внешним миром [29: 155; 66: 65]. При этом ханьских императоров нельзя назвать верховным собственником земли [67: 155].

В процессе развития обеих империй постепенно происходят процессы деградации и на уровне общины [31: 81; 56: 30], и на уровне элиты. В Римской империи земледельцы уже не могут самостоятельно вести хозяйство и превращаются в зависимых колонов. Аналогичные процессы в это время происходят в Китае, где целые общины переходят под покровительство «сильных домов» [28: 142–144; 56: 23].

Политика руководства империи, направленная на ослабление крупной земельной знати путем физической расправы и переселения [52: 78], не давала нужных результатов. К III в. н. э. у «сильных домов» появляется свое войско и они берут на себя организующую роль в обществе [50: 39].

Гибель империи Хань положила начало периоду феодализации. Многочисленные исторические (эволюционные) ветви, связанные с появлением различного рода государственных образований и династий, имели отдельные признаки, характерные для феодализма. В Европе различия в феодальных «ветвях» носили в основном территориальный характер. Французский тип феодализма заметно отличался от немецкого, а тот — от восточноевропейского. В Китае различия наблюдались во времени, вплоть до периода Тан.

Но сам феодализм как система (в «китайском исполнении») появляется только в период империи Сун [39; 44]. В отличие от Западной Европы, где феодализм формировался с чистого листа, в Китае сохранилась заметная преемственность с предыдущим периодом. В этом отношении Китай похож на Византийскую империю, которая постоянно декларировала свое правопреемство с Римской империей [32, с. 56], но большую часть своего исторического развития находилась в состоянии перманентного кризиса.

В Китае «двойственность» ойкумены (о которой говорилось выше) была основной причиной нестабильности, что предполагало острую потребность в ручном управлении в лице государства. В земледелии это нашло свое выражение в так называемой системе равных полей. Применительно к собственно аграрному сектору система «равных полей» состояла в закреплении за каждым работником права на получение участков

земли определенной площади и установлении фиксированных налогов. Для этого утверждался принцип государственной собственности на землю. Наделы выдавались только трудоспособному населению, прикрепляя при этом крестьян к земле [45: 114–157; 62: 177–181].

Рост частнособственнических сил, на время обузданных надельной системой, в VIII в. н. э. взорвал единство империи Тан [62: 182, 183]. Земли превратились (особенно после мятежа Ань Лушаня) в фактическую собственность крупных землевладельцев [30: 306]. Государство вынуждено было прекратить ежегодные переделы полей, снять ограничения с размеров землевладения. Реформа 780 г. Ян Яня означала признание краха надельной системы и победу крупного частного землевладения [62: 185]. Согласно ей земельный собственник облагался налогом в соответствии с размером его владения. Реформа узаконила свободную куплю-продажу и ускорила процесс перераспределения земельной собственности, которая в конечном итоге привела к обезземеливанию больших масс крестьян [30: 307].

В период династии Сун наконец появляются землевладельцы, которых мы можем назвать феодалами, и права собственности которых не обусловлены службой и чином [54: 122]. Расширение частных собственников идет в основном за счет освоения целины [55: 76; 73: 103]. Освоенная земля всегда считалась бесспорной собственностью [50: 43]. Будущие феодалы выступают здесь как организаторы этого процесса в качестве частных лиц. Массовая внутренняя колонизация, в результате «великих расчисток» XI–XII вв. стала основой экономического базиса развития феодализма в Западной Европе [5: 45, 46; 19: 22, 23].

С началом новой династии перед властью стояли одни и те же проблемы в плане восстановление ойкумены после периода смуты. То же самое относится и к династии Мин, руководству которой необходимо было срочно восстанавливать инфраструктуру, решать проблему бродячего люда, организовывать освоение пустующих земель [11: 164]. В связи с тем, что новая династия нуждалась в поддержке населения, предпринимались меры по снижению налогов, раздачи земли, борьбе со злоупотреблениями [71: 26].

Первым императором новой династии Чжу Юаньчжаном была предпринята попытка усилить личную власть [7: 37] путем проведения реформ, аналогичных тем, которые пытался осуществить Иван Грозный. Репрессиями была устранена старая элита в лице чиновников, конфуцианских ученых, землевладельцев, военачальников — речь идет о десятках тысяч людей [11: 163]. На их место приходили люди из формально непривилегированных слоев («служилые люди»), которые своим положением были обязаны новой династии. Были даже свои «опричники». Для вылавливания «ненадежных» был создан специальный военизированный отряд — «парчовая охрана», занимавшаяся сыском и пытками [7: 38].

Однако новому императору не удалось добиться желательной дееспособности нового чиновничьего аппарата. Бюрократизм, взяточничество быстро стали характерными атрибутами функционирования по-

следнего [10: 120]. К тому же новый император больше «смотрел назад», чем вперед. Созданная им система уделов утверждала патриархальные принципы и в известной мере переносила семейную этику на общегосударственный уровень [6: 35]. Несовершенный и противоречивый характер структуры ойкумены периода Мин в конечном итоге привел к ее деградации и гибели.

Феодальная революция в Китае носила неполный характер. В результате сформировался лишь слабый потенциал развития, в отличие от Западной Европы. Основную роль сыграли факторы заметной преемственности и относительной изоляции Китая. Изоляция на уровне ойкумены всегда препятствовала технологическому и социальному прогрессу. Несмотря на то, что в Китае самостоятельно появился порох, бумага, компас, это не привело к появлению огнестрельного оружия, наборного книгопечатания, внешней колонизации. Все эти изобретения не имели таких фундаментальных социально-политических последствий, как в Европе.

В конечном итоге инерционность развития, отсутствие каких-либо реформ привели к тому, что за четыре века мало что изменилось в Китае. В этот же период в городе и деревне формируется корпоративная система (ойкумена), внешне похожая на западноевропейскую [39: 109]. Но в Европе член корпорации уже осознавал себя личностью, имеющую права. В Китае корпорации обычно обеспечивали своих членов средствами к существованию и были полностью зависимы от властей. Цеховая организация не защищала от произвола чиновников, а использовалась государством для фискального и полицейского контроля [61: 55].

К концу XIX в. в Китае сохраняется система, для характеристики которой не совсем подходит термин «феодальная» [24: 95]. Во Франции период, предшествующий революции, в мировой исторической литературе обычно называют не слишком обязывающим понятием «старый порядок». Поэтому для Китая больше бы подошел термин «традиционный порядок».

В период, предшествующий революционным событиям в Китае, основу сельскохозяйственного производства составляли арендные отношения. Община имела традиционный, патриархальный архетип. Глава семьи не мог продать имущество без согласия остальных мужчин. Преимущество на покупку участка земли имели родственники [75: 274]. Здесь можно говорить о заметной ограниченности прав на землю [22: 41].

Отношения между хозяином земли и ее держателями регулировались обычаем. В деревне доминировали клановые отношения. Помещик обычно выступал в качестве главы господствующего клана [24: 103]. Практика приобретения земли шэньши, торговцами и ростовщиками не приводила к каким-либо заметным изменениям. Подавляющее большинство крестьян не могло стать товаропроизводителями, имея целью лишь пропитание. Товарно-денежные отношения носили внешний, зависимый характер. Увлечение некоторыми техническими культурами, которые пользовались спросом на внешнем рынке, приносило неплохой доход. Но это служило обычно средством получения денег [60: 44], а не капитала. Следует отметить несовместимость конфуцианской идеологии с предпринимать-

ством. Среди крестьян всегда доминировали антирыночные отношения [65: 20].

Деревня видела своим врагом государство и чиновников с их налоговым произволом. Даже в период массовых восстаний крестьянство не выдвигало требований перераспределения земли [8: 366]. Еще в древности, в рамках государства, традиционная самоуправляемая община выступала как «черный ящик», связанная с ним через налоги и выполнение определенных повинностей. Похожая картина наблюдалась и в предреволюционный период. Определенный внутренний порядок здесь поддерживался на основе клановых отношений. Кланы осуществляли контроль за нравами, поведением и соблюдением обычаев и наказывали провинившихся [75: 276].

В процессе революционных событий в Китае стали рушиться патриархальные отношения. После падения монархии началось наступление не только на краткосрочную и бессрочную аренду, но и на институт «вечной аренды» — самой привилегированной и наиболее выгодной для крестьян. Снятие препон для некоторого развития в деревне рыночных отношений прежде всего стало «работать» на землевладельцев [59: 162, 163]. Арендная плата по-прежнему достигала 60–70 % [81: 134]. Естественно, это приводило к увеличению социальной напряженности в деревне. Здесь наблюдалось нечто похожее на столыпинские реформы, которые не столько решили, сколько обострили проблемы в крестьянской среде. Нарушив существующее равновесие и расколов традиционную общину, реформаторы не предложили основной массе крестьян ничего взамен. Начался неуправляемый и неконтролируемый процесс разрушения общинного сознания, который добавил дополнительные «угли» в пожар будущей революции в России.

Для понимания и анализа революционных событий в Китае полезной будет концепция революционного периода (РП). Революции (и последующие контрреволюции) в одной стране составляют РП как целостную систему в пространстве и во времени. Конкретные революции — лишь проявление этих процессов. Отдельные положения данной теории были изложены автором в ряде публикаций [35; 42; 37; 43]. РП заканчивается тогда, когда ликвидируются все препятствия для свободного развития нации, когда в обществе создаются условия, исключающие возможность каких-либо революционных событий.

Все основные государства, в зависимости от сроков наступления РП и характера его протекания, можно разделить на три основных группы: страны первой генерации (СПГ), страны второй генерации (СВГ) и страны третьей генерации (СТГ). К СПГ можно отнести Нидерланды, Англию, Францию, США. В Англии РП закончился Славной революцией, во Франции — Третьей республикой, в США — гражданской войной. В большинстве европейских стран (в частности, Германии, Италии, Австрии, Венгрии) и Японии РП начался в середине XIX в. и закончился с окончанием Второй мировой войны. В СТГ — России, Балканских государствах, Китае, Турции, Иране, Мексике — РП ограничился рамками

XX в. Отдельную группу составляют арабские страны. Здесь РП начался после Второй мировой войны. События «арабской весны» как раз и стали проявлением этих революционных процессов [41].

РП имеет свои специфические законы. В этот период все режимы имеют в той или иной степени черты диктатуры. Попытки либерализации власти в РП, как правило, порождали классические диктатуры. РП несовместим с демократией. Демократическая (внешне) Веймарская республика, весь период своего существования находившаяся в состоянии перманентного кризиса, породила жесткую национал-социалистическую диктатуру.

В РП можно выделить два основных этапа [37: 139]. Вначале революционные процессы происходят в рамках старой политической системы, старого сознания. Предпринимаются попытки решить накопившиеся проблемы путем учреждения конституции. Если существующий режим, трансформируясь, создает условия для развития капитализма, первый этап может продолжаться несколько десятилетий (как в Германии и Японии — СВГ). В СТГ отсутствовал какой-либо потенциал реальной трансформации старого порядка. Дальнейшее развитие было возможно только при условии разрушения не только политической системы, но и самого государства в целом, что и имело место в Китае, Турции, России. Попытки реформ «сверху» в Китае в 1898 г. закончились полным провалом. Партия реформистов «периода 100 дней» была заранее обречена на гибель. Ее декреты и воззвания остались «гласом вопиющего в пустыне» [77: 11]. Синьхайская революция произошла на основе старого сознания, также как и революция 1905 года в России.

После того как во время революции 1925–1927 гг. было полностью разрушено старое государство, дальнейшее историческое развитие Китая сопровождалось противоборством двух основных политических сил — Гоминьдана и КПК. Попытка создания «третьей силы» на базе интеллектуальной элиты, придерживающейся китайской версии европейской буржуазно-реформистской концепции «государственного социализма» [78], закончилась ничем.

В своей основе Гоминьдан был мелкобуржуазной партией. Пестрота состава партии, столкновение противоречивых интересов представленных в ней социальных слоев и групп вели только к ее ослаблению [20]. Не последнюю роль сыграл тот факт, что Чан Кайши, будучи мелкотравчатым политиком [21: 210], не был реформатом с большой буквы. Чан Кайши не предложил китайскому народу никакой программы экономических и социальных преобразований [12: 367].

После мучительных поисков своего пути (включая союз с Гоминьданом) КПК к началу 1930-х гг. сделала окончательную ставку на вооруженную борьбу. Основу Красной армии составляли крестьяне. При самом активном участии Мао Цзэдуна в «красных зонах» путем последовательной политической работы, а то и репрессий, было инактивировано патриархальное сознание крестьян, вырванных из традиционной общины. Это дало КПК идеальный «материал» для формирования боеспособной и дис-

циплинированной армии — партии. Была решена задача — превратить сборище плохо вооруженных крестьян в революционную силу, способную противостоять превосходящему ее по всем аспектам противнику [80: 180].

Более двадцати лет истории КНР прошли при «органическом» руководстве Мао Цзэдуна. Дело в том, что к этому времени Мао из личности превратился в явление. Он уже не просто руководитель партии и государства, а органическая часть государственно-партийного «тела», его голова. Ни партия, ни государство сами по себе вне власти Мао Цзэдуна просто не существовали. Нечто подобное наблюдалось и в других СТГ в лице Ленина, Сталина, Ататюрка, Хо Ши Мина.

Мао Цзэдун прежде всего был политиком макиавеллиевского типа. Таким, каким были Ришелье, Талейран, Бисмарк, Сталин, Черчилль. Кстати, если бы последний очутился на месте Сталина или Мао, он действовал точно такими же методами.

Анализируя сущность событий, связанных с «культурной революцией», нужно иметь в виду, что внутренняя логика исторического процесса часто носит парадоксальный характер, неподвластный обыденному сознанию. Мао панически боялся появления после его смерти в Китае ревизионизма, как это случилось после смерти Сталина в лице Хрущева. Развал Советского Союза начался с его знаменитого доклада на XX съезде партии. Мао своим «звериным» чутьем предвидел последствия этой «глупости». Второй «осиновый кол» был вбит уже Брежневым и Громыко после подписания Хельсинских соглашений. В то же время руководство КПК, в первую очередь в лице Дэн Сяопина, полностью сохранило авторитет Мао Цзэдуна в партии и правительстве.

Можно со всей ответственностью утверждать, что если бы не было «культурной революции», не было бы современного Китая. Основное острие репрессий в этот период было направлено против носителей либерального сознания (в широком смысле этого слова). Любая перестройка горбачевского типа привела бы к развалу государства. Решительные меры, направленные на подавление «майдана» в 1989 г., с учетом последних событий на Украине, носили более чем разумный характер [37: 146, 147].

Только государства, где уже закончился РП, могли быть полноправными субъектами геополитического пространства [42: 290]. В интересной ситуации оказался СССР. Став после войны сверхдержавой, Советский Союз, согласно законам РП (в котором он находился), не мог быть таковым. Для поддержания своего статуса стране приходилось тратить несоизмеримо большие ресурсы по сравнению с государствами, где РП уже закончился.

Основной причиной международной напряженности в начале XXI в. стало то, что целый ряд крупных государств, в которых закончился РП (в первую очередь страны БРИКС, а также Турция и Иран), став субъектами геополитического пространства, естественно стали претендовать на свою «законную» зону влияния, это вызвало не совсем положительную реакцию со стороны западных стран. Последние события на Украине и на

Ближнем Востоке следует рассматривать именно в этом разрезе. Можно утверждать, что именно возрастание геополитической роли Китая, России, Индии в ближайшие десятилетия будет определять ход мировой истории.

Литература

1. Баглай Е. В. Древнеацтекское государство: структура власти и управления // Ранние формы политической организации. — М.: Восточная литература, 1995. — С. 230–258.

2. Беляев Д. Д. Древние майя (III–IX вв. до н. э.) // Цивилизационные модели политогенеза. — М.: ИА РАН, 2002. — С. 130–155.

3. Берлев О. Д. Общественные отношения в Египте эпохи Среднего царства. — М.: Наука, 1978. — 364 с.

4. Берлев О. Д. Трудовое население Египта в эпоху Среднего царства. — М.: Наука, 1972. — 368 с.

5. Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. — М.: Иностранная литература, 1957. — 353 с.

6. Бокщанин А. А. Удельная система в позднесредневековом Китае (период династии Мин 1368–1644). — М.: Наука, 1986. — 261 с.

7. Бокщанин А. А., Непомнин О. Е. Лики Срединного царства: Занимательные и познавательные сюжеты средневековой истории Китая. — М.: Восточная литература, 2002. — 430 с.

8. Бокщанин А. А., Непомнин О. Е., Степугина Т. В. История Китая. — М.: Восточная литература, 2010. — 599 с.

9. Бондаренко Д. М. Социокультурная норма и ограничения единоличной власти в Бенине при династии оба (XIII–XIX вв.) // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. — М.: ИА РАН, 2009. — С. 152–171.

10. Боровкова Л.А. Материалы о политике Мин в конце XIV в. по вопросу о социальной организации деревни // Социальная и социально-экономическая история Китая. — М.: Наука, 1979. — С. 116–133.

11. Боровкова Л. А. О некоторых моментах аграрной политики Чжу Юаньчжана // Аграрные отношения и крестьянское движение в Китае. — М.: Наука, 1974. — С. 152–172.

12. Бурлацкий Ф. М. Мао Цзэдун. Цзян Цин и советник Дэн. — М.: Эксмо-Пресс, 2002. — 384 с.

13. Васильев К. В. Истоки китайской цивилизации. — М.: Восточная литература, 1998. — 319 с.

14. Васильев Л. С. Древний Китай. — М.: Восточная литература, 1995. — Т. 1. — 389 с.

15. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайского государства. — М.: Наука, 1983. — 327 с.

16. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской мысли. — М.: Наука, 1989. 310 с.

17. Васильев Л. С. Проблемы генезиса китайской цивилизации. — М.: Наука, 1976. — 368 с.

18. Вейнберг И. П. Рождение истории. — М.: Наука, 1993. — 350 с.

19. Глебов А. Г. Высокое средневековье: Западная Европа в XI–XIII вв. — Воронеж: Истоки, 2014. — 254 с.

20. Глунин В. И. Политика Коминтерна в Китае (1921–1927) // Коминтерн и Восток. Критика критики. — М.: Наука, 1978. — С. 207–244.

21. Далин С. Очерки революции в Китае. — М.; Л.: Московский рабочий, 1927. — 282 с.

22. Дацышен В. Г. Новая история Китая. — Красноярск: КрасГУ, 2003. — 191 с.

23. Делюсин Л. П. Китай: полвека — две эпохи. — М.: ИВ РАН, 2001. — 296 с.

24. Делюсин Л. П., Костяева А. С. Революция 1925–1927 гг. в Китае: Проблемы и оценки. — М.: Наука, 1985. — 283 с.

25. Дементьева В. В. Магистратская власть Римской республики: содержание понятия imperium // Вестник древней истории. — 2005. — № 4. — С. 46–75.

26. Демидчик А. Е. Безымянная пирамида. Государственная доктрина древнеегипетской Гераклеопольской монархии. — СПб.: Алетейя, 2005. — 272 с.

27. История Древнего мира. — М.: Наука, 1982. — Кн. 2. — 576 с.

28. История Древнего мира. — М.: Наука, 1982. — Кн. 3. — 304 с.

29. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. — Т. II. Эпоха Чжаньго, Цинь и Хань (V в. до н. э. — III в. н. э.). — М.: Наука — Восточная литература, 2013. — 688 с.

30. История Китая с древнейших времен до начала XXI века: в 10 т. — Т. III. Троецарствие, Цзинь, Южные и Северные династии, Суй, Тан (220–907). — М.: Наука. — Восточная литература, 2014. — 991 с.

31. История крестьянства в Европе. — М.: Наука, 1985. — Т. 1. — 605 с.

32. Каждан А. П. О социальной природе византийского самодержавия // Народы Азии и Африки. — 1966. — № 3. — С. 53–64.

33. Кондорский Б. М. «Целина обязательно будет поднята». Элементы теории надобщинного пространства // Традиционное общество: неизменное, прошлое: X Междунар. науч.-практ. конф. — Челябинск, 2014. — С. 51–56.

34. Кондорский Б. М. Архаическая революция в Древнем Китае (попытка сравнительно-исторического анализа) // Общество и государство в Китае. — М.: ИВ РАН, 2013. — Т. XLIII, ч. 2. — С. 16–28.

35. Кондорский Б. М. Взгляд на некоторые события XIX–XX веков с позиций теории революционного периода // Проблемы геополитики, истории, международных отношений, государственной безопасности: сб. ст. междунар. конф. — СПб.: Изд. Политехн. ун-та, 2014. — С. 57–62.

36. Кондорский Б. М. Концепция «ойкумены» и законы биологического пространства // Природа: общее и особенное. — М.: Энергия, 2011. — Вып. XXV. — С. 53–57 (Серия «Социоестественная история»).

37. Кондорский Б. М. Революционный период в Китае // Общество и государство в Китае. — М.: ИВ РАН, 2015. — Т. XLV, ч. 1. — С. 134–150.

38. Кондорский Б. М. Роль социально-исторического фактора в развитии языка (в период древности) // Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах: материалы VIII Междунар. науч. конф. — Челябинск, 2016 (в печати).

39. Кондорский Б. М. Сравнительно-исторические предпосылки революционных событий в Китае // Россия — Китай: история и культура: сб. ст. и докл. VIII науч.-практ. конф. — Казань, 2015. — С. 104–111.

40. Кондорский Б. М. Специфика исторического развития социумов Тропической Африки // Общество и политика в Африке: неизменное, меняющееся, новое: XIII Междунар. конф. африканистов. — М.: ИА РАН, 2014. — С. 651–652.

41. Кондорский Б. М. Теоретические аспекты революционных событий в арабских странах // XXVI Ливадийские чтения. — Ялта, 2014. — С. 31–32.

42. Кондорский Б. М. Использование концепции революционного периода для анализа важнейших политических явлений и событий // Политическая наука перед вызовами современной политики: материалы VII Всерос. конгр. политологов. — М.: Аспект-Пресс, 2015. — С. 289–290.

43. Кондорский Б. М. Теоретический взгляд на события XX — начала XXI века в пределах постсоветского пространства (на примере Украины) // IV Столыпинские чтения «Историческая память и геополитические вызовы современной эпохи»: материалы междунар. науч.-практ. конф. — Краснодар: Изд-во КубГУ, 2015. — С. 382–390.

44. Кондорский Б. М. Феодальная революция в Китае (к постановке вопроса) // Общество и государство в Китае. — М.: ИВ РАН, 2016. — Т. XLVI, ч. 1 (в печати).

45. Конрад Н. И. Избранные труды. История. — М.: Наука, 1974. — 470 с.

46. Кофанов Л. Л. Lex и jus: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. — М.: Статут, 2006. — 575 с.

47. Кофанов Л. Л. Понятие и характер куриатных комиций в древнейшем Риме // Вестник древней истории. — 2002. — № 1. — С. 97–107.

48. Крюков В. М. Надписи на западночжоуских бронзовых сосудах из Фуфена // Вестник древней истории. — 1988. — № 1. — С. 96–112.

49. Крюков М. В. Этнические и политические общности: диалектика взаимодействия // Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. — М.: Наука, 1982. — С. 55–82.

50. Крюков М. В., Малявин В. В., Софонов М. В. Китайский этнос на пороге средних веков. — М.: Наука, 1979. — 328 с.

51. Крюков М. В., Софонов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. — М.: Наука, 1978. — 344 с.

52. Кудрин В. И. Экономическая политика в период Западная Хань (государственное регулирование торговли, финансов и ремесленного производства) // Социальная и социально-экономическая история Китая. — М.: Наука, 1979. — С. 66–89.

53. Кульпин Э. С. Человек и природа в Китае. — М.: Наука, 1990. — 247 с.

54. Кычанов Е. И. Право и личность в старом Китае // Личность в традиционном Китае. — М.: Восточная литература, 1992. — С. 117–140.

55. Лапина З. Г. Политическая борьба в средневековом Китае (40–70-е годы XI в.). — М.: Наука, 1970. — 307 с.

56. Малявин В. В. Гибель древней империи. — М.: Наука, 1983. — 226 с.

57. Немировский А. А. «Если царь с законоустановлением страны не считается…». Правитель, подданные и норма в вавилоно-ассирийском мире // Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти. — М.: ИА РАН, 2009. — С. 44–78.

58. Немировский А. А. Только человек, но не просто человек: сакрализация царя в Древней Месопотамии // Сакрализация власти в истории цивилизаций. — Ч. 1. — М.: ИА РАН, 2005. — С. 95–145.

59. Непомнин О. Е. История Китая. — М.: ИВ РАН — Крафт, 2011. — 736 с.

60. Непомнин О. Е. К вопросу о складывании экономических предпосылок революции 1911 г. в китайской деревне // Синьхайская революция в Китае. — М.: Наука, 1962. — С. 33–50.

61. Непомнин О. Е. Экономическая история Китая (1864–1894 гг.). — М.: Наука, 1974. — 303 с.

62. Никифоров В. Н. Очерк истории Китая: II тысячелетие до н. э. — начало XX столетия. — М.: ИДВ РАН, 2002. — 448 с.

63. Новгородова Э. А. Древняя Монголия. — М.: Наука, 1989. — 384 с.

64. Оппенхейм А. Древняя Месопотамия. — М.: Наука, 1980. — 406 с.

65. Панцов А. В. Из истории идейной борьбы в китайском революционном движении 20–40-х годов. — М.: Наука, 113 с.

66. Переломов Л. С. Империя Цинь — первое централизованное государство в Китае (221–202 гг. до н. э.). — М.: Наука, 1962. — 243 с.

67. Переломов Л. С. Эволюция общины и рост частной земельной собственности в Китае в IV в. до н. э. — III в. н. э. // Общее и особенное в историческом развитии стран Востока. — М.: Наука, 1966. — С. 150–159.

68. Перепелкин Ю. М. История Древнего Египта. — СПб.: Летний сад, 2000. — 560 с.

69. Печатнова Л. Г. История Спарты периода архаики и классики. — СПб.: Гуманитарная Академия, 2001. — 510 с.

70. Рубин В. А. Личность и власть в Древнем Китае. — М.: Восточная литература, 1999. — 384 с.

71. Свистунова Н. П. Аграрная политика Минского правительства во второй половине XIV в. — М.: Наука, 1966. 166 с.

72. Сино-кавказские языки. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Сино-кавказские_языки.

73. Смолин Г. Я. Антифеодальные восстания в Китае второй половины X — первой четверти XII в. — М.: Наука, 1974. — 556 с.

74. Социальная структура Китая: XIX — первая половина XX в. / под ред. О. Е. Непомнина. — М.: Наука, 1990. — 436 с.

75. Тяпкина Н. И. О традиционных социальных институтах китайской деревни первой половины XX в. // Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае». — М.: ИВ РАН, 1976. — Т. II. — С. 271–279.

76. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. — Л.: Изд-во ЛГУ, 1988. — 232 с.

77. Ходоров А. Е., Павлович М. П. Китай в борьбе за независимость. — М.: Научная ассоциация востоковедов, 1925. — 194 с.

78. Чудодеев Ю. В. Крах монархии в Китае. — М.: ИВ РАН-Крафт, 2013. — 392 с.

79. Шифман И. Ш. Государство в системе социальных институтов в древней Палестине (вторая половина III — первая половина I тыс. до н. э.) // Государство и социальные структуры на древнем Востоке. — М.: Наука, 1989. — С. 53–85.

80. Шорт Ф. Мао Цзэдун. — М.: АСТ, 2001. — 467 с.

81. Юрьев М. Ф. Революция 1925–1927 гг. в Китае. — М.: Наука, 1968. — 518 с.

Кондорский Борис Михайлович, кандидат биологических наук, начальник отдела НПФ «Синбиас». Украина, г. Донецк. E-mail: bmkbox@yandex.ru

Kondorsky Boris Mikhailovich, candidate of science (in biology), Head of department, SPF «Sinbias», Donetsk, Ukraine

УДК 94(510)

© **Чжан Цзяньхуа**

КИТАЙ И РОССИЯ: КИТАЙСКИЕ РАБОЧИЕ В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ
(середина XIX века — октябрь 1917 г.)

С 1870-х гг. большое количество несостоятельных крестьян и бездомных людей из Шаньдуна, Хэбэя и Северо-Востока Китая переселилось в восточную и европейскую часть России. До начала Первой мировой войны в России сложилось общество китайских рабочих, характеризуясь большой численностью и многообразием профессий. Это общество стало межнациональным и межкультурным историческим феноменом, который уникален и редок по численности, судьбе и пространству. В этом обществе появились самые ранние переводчики русского языка, бизнесмены и революционеры, даже первые организации китайцев Союз китайских граждан в России и Союз китайских рабочих в России. Во время Октябрьской революции передовые китайские рабочие мужественно участвовали в борьбе за советскую власть. Китайские рабочие в России завоевали уважение российских народов и доверие советской власти своим трудолюбием, мудростью, справедливостью, что изменило образ Китая, сложившийся в России. Это общество и его деятельность способствовали взаимопониманию двух наций и обмену двух культур и помогли создать образ современного Китая в России (СССР), то есть смогли изменить негативный образ Китая в историко-культурном обзоре российских (советских) и европейских традиций, тем более создать активный политический, революционный образ современного Китая.

***Ключевые слова**: китайские рабочие в России, Дальний Восток, образ Китая, образ китайских рабочих.*

Zhang Jianhua

CHINA AND RUSSIA: THE CHINESE WORKERS IN SIBERIA AND FAR EAST
(from the middle of the 19th century through october 1917)

Since 1970s a great number of poor peasants and homeless people from Shandong, Hebei and north-eastern area of China migrated into the eastern and even European part of Russia. Before the beginning of the World War I the community of the Chinese workers was formed, it was characterized by a wide spread and great number and variety of professions. That community became the international and cross-cultural phenomenon, which was actually unique and exclusive according to its historical origin, number, fortune and space. In that community there were the earliest interpreters of the Russian language, businessmen and revolutionaries, even the first Chinese organization – the Union of the Chinese citizens in Russia and the Union of the Chinese workers in Russia. During the October revolution the advanced Chinese workers courageously participated in the struggle for the Soviet power. The Chinese workers in Russia gained respect of the peoples living in Russia and trust of the Soviet power for their firmness, industriousness, wisdom, justice that changed the Image of China habitual for centuries in Russia. That especial community and its activities promoted the mutual understanding between two nations and exchange of two cultures and it helps to form the image of contemporary China in Russia (the USSR), that is, to overcome the negative image of China in the historical and cultural review of the

Russian (Soviet)and European traditions, moreover to form the politically active – revolutionary image of the contemporary China.

Keywords: the Chinese workers in Russia, Far East, image of China, image of the Chinese workers.

В конце XIX — начале XX в. начался всесторонний контакт между китайским и русским народами и культурами. Октябрьская революция 1917 г. является причиной налаживания связей. Китайские рабочие в России как уникальная и транснациональная социальная группа играет специальную и незаменимую роль в обмене культурами и эволюции образа Китая.

1. Эмигранты или рабочие: появление китайских рабочих в России до и после Первой мировой войны

В русскоязычных литературах слово «китайцы» (中国人) или словосочетание «китайцы в России» (在俄中国人) многозначны и популярны. Словосочетание «китайский гражданин», или «китайские подданные» (中国公民), подчеркивает их гражданство, а словосочетания «китайские диаспоры» (中国侨民), «китайская миграция, китайская эмиграция, китайская иммиграция» (中国移民), «китайские поселения, выходцы из Китая» (中国流民), «китайские переселенцы»(中国移居者) — их истоки, «китайские рабочие» (中国工人), «китайские работники» (中国劳动者), «китайские трудящиеся» (中国劳工), «китайские кули» (中国苦力), «китайское отходничество» (中国短工), «китайские трудовые мигранты» (中国劳动移民), «китайские чернорабочие» (中国粗工) — их социальное положение и профессии. Все вышеуказанные словосочетания мы назовем сокращенно «китайские рабочие» (华工).

Однако в русскоязычной литературе все вышеуказанные словосочетания часто употребляются одновременно. И между ними нет строгой границы. Итак, словосочетание «китайские рабочие» в этой статье часто заменимо другими словосочетаниями.

Тем более, кроме работ российских профессиональных китаистов, в русскоязычной литературе (включая официальные документы) слово «китайцы» обычно связано с обозначением гражданства, социального положения и профессии и не объясняет ни этнической принадлежности (например, ханьцы (汉), монголы (蒙), маньчжуры (满), хуэйминь (回), тибетцы (藏) и т. д.), ни места (например, Шаньдун (山东), Хэбэй (河北), Гирин (吉林), Хэйлунцзян (黑龙江) и т. д.).

В 1628 г. Хо-Урлюк (和鄂尔勒克) во главе орды торгутов (土尔扈特) из западных монголов (漠西厄鲁特蒙古人) с 50 тысячей кибиток (всего 250 тысяч человек), включая части дербетов (杜尔伯特) и хошутов (和硕特), двинулся на запад и в 1630 г. подошел к берегам

Волги. Они были первыми китайцами, чье появление в России было документально зафиксировано[1]. В 1877–1882 гг. повстанческие хуэйминь в Шэньси (陕西), Цинхай (青海), Ганьсу (甘肃) и Нинся (宁夏) в трех группах переселились в среднеазиатский регион Российской империи. Их называют дунганами (东干人), их численность составляла около 6200 чел. Это была самая большая группа китайцев в России после торгутов [20]. Кроме того, до конца XIX в. в России жили китайские купцы. Их было немного, но они были влиятельны. Большинство из них приехали из Шаньси (山西). Цинский министр в своей книге «Очерк умиротворения» (绥服纪略) писал: «В Кяхте все купцы приехали из провинции Шаньси. Шаньдунские купцы занимают второе место, самый известный человек среди них — Джи Фэндай [2](纪凤台)».

После подписания Пекинского трактата 1960 г. цинское правительство было вынуждено отменить подписанное императором Юнчженом (雍正) положение 1727 г., запрещающее китайцам работать за границей. Это вызвало волну протеста китайских рабочих, в том числе работающих в России.

После отмены крепостного права 1861 г. в России началось структурное регулирование в области промышленности и сельского хозяйства. Для решения вопроса дефицита рабочих сил царское правительство издало закон об эмиграции, чтобы стимулировать российских и иностранных подданных селиться в Амурском и Приморском регионах. По этому закону лица, которые переселились в эти регионы, имели право на получение земли в размере 100 десятин максимум с освобождением от военной службы в течение 10 лет и от уплаты земельных налогов в течение 20 лет [27, с. 64]. Однако эта политика плохо работала среди российских подданных. В 1859–1882 гг. переселенцы из запада России составляли только 14 409 чел. Среднегодовое количество — 600 чел. [19, с. 52]. В связи с этим российская местная власть решила вербовать рабочих из соседнего района Китая. В 70-е годы XIX в. 150 рабочих из провинций Шаньдун и Гирин получили российский двухлетний контракт на постройку инфраструктуры, порта и железных дорог в Хабаровске. Это была первая группа «китайских рабочих» в России [23].

[1] В 1712 г. Цинский посланик Тулишэнь путешествовал по Сибири, спустя 2 года он доехал до Нижней Волги, чтобы посетить торгутов. Это было первое путешествие китайцев по России. «Запись в иностранных регионах» (异域录), которую написал Тулишэнь, — первая книга о России.

[2] Джи Фэндай родом из уезда Хуан провинции Шаньдун, в детстве с отцом переселился во Владивосток. Окончил коммерческое училище во Владивостоке. Сначала занимался торговлей пушнины. В 1893 г. получил российское подданство и переименовался в Николая Ивановича Джифэндая. Стал очень известным бизнесменом, его бизнес развивался в провинциях Хэбэй, Хэнань, Шаньдун, Аньхуй и многих областях России.

После этого количество китайцев, переселяющихся в Амурский край, растет с каждым годом. В постройке военных сооружений, порта Владивостока и Уссурийских железных дорог было задействовано много китайских рабочих. После исследования ситуации на Дальнем Востоке дипломат царского правительства В. В. Граве писал: На территории Дальнего Востока России количество китайских подданных бурно растет, что вызвало быстрое увеличение иностранцев желтой расы. Это обозначает то, что, с одной стороны, часть земли под управлением Приамурского генерал-губернаторства принадлежал Китаю, и там жили китайцы. С другой стороны, переселение жителей было легко осуществить между двумя соседними странами. По ст. 1 Айгунского договора и Пекинского трактата, российское правительство должно обеспечить льготными условиями китайских подданных, которые жили в вышеуказанных регионах. Он считал, что это люди, которые занимаются черной работой. Летом они живут в тайге как лесоповальщики, в деревнях — как сельскохозяйственные рабочие, в городах — как рабочие. Они построили дома, здания, улицы и работали грузчиками в портах, матросами в теплоходах. В итоге они будут там, где нужна черная работа [19, с. 5, 52].

Почему много китайцев переселилось в Россию? Граве считал, что тому причиной три фактора: экономически-бытовой, спекулятивно-коммерческий и политический. Самый важный фактор — это экономически-бытовой. Здесь они могли рассчитывать на более высокую зарплату [19, с. 7]. В 1908 г. российское консульство в Чифэне (赤峰) представило доклад царскому правительству: в Чифэне дневная плата отходничества составила 15–25 копеек, а в России не ниже 55–87 копеек, в Чифэне годовой доход взрослого рабочего не превышал 42 р. [19, с. 11], а в России китайский рабочий мог получить 152 р. в год, то есть на 110 р. больше [22].

Однако весть о желтой опасности прокатилась с запада до востока и озаботила царское правительство. В 1886 и 1892 гг. власти стали ограничивать иностранцев в покупке земель в Амурском и Приморском регионах, запретили им селиться в пограничных регионах России. Но в это время в верхушке российской власти голос за привлечение китайских рабочих в общем преобладает. После Крымской войны 1856 г. Россия начала разворачивать вектор внешней политики на Восток. Соответственно в области русской интеллигенции появилась «востокофильская позиция», представителем которой был князь Эспер Эсперович Ухтомский. Ухтомский был учителем цесаревича, будущего Николая II. Он считал, что «азиатские народы близкие по крови, традициям, идеям к нам и даже принадлежат к нам. Только быть ближе к ним и все! Этому великому и таинственному Востоку легко быть с нами... присоединить Восток к Российской империи, чтобы оба могли слиться в единое целое, — это историческая миссия России» [13, с. 49]. Современный русский ученый А. В. Лукин считает: «До конца XIX в.

для России Китай стал уже не чистым теоретическим, а серьезным практическим политическим вопросом» [11, с. 120].

С 1891 г. начался построить восточный участок Транссибирской магистрали (Челябинск — Владивосток), которая соединила Европу и Азию и играла очень важно военно-стратегическую, политическую и экономическую роль. После подписания Союзного договора между Российской империей и империей Цин 1896 г. цинское правительство разрешило построить участок Транссибирской магистрали на своей территории. Для постройки железных дорог было необходимо большое количество рабочих сил как в России, так и на Северо-Востоке Китая. Таким образом, китайцы стали главной рабочей силой в этом строительстве. Около 100 тысяч китайских рабочих участвовали в постройке железнодорожной магистрали — 7000 километров, от Челябинска до Владивостока. На участке Китайско-Восточной железной дороги от Хэндаохедз (横道河子) до Суйфыньхэ (绥芬河) работали 40 тысяч рабочих из провинции Шаньдун и Хэбэй.

Современный русский ученый, профессор Омского государственного университета Т. Н. Сорокина [25] считает: Усиленный поток китайских переселенцев в Северную Маньчжурию начался с 1902–1903 гг., когда цинское правительство увидело в переселении могучий фактор закрепления этой окраины за Китаем. В 1887 г. население в провинции Хэйлунцзян составляло около 408 тыс. человек, а в 1895 г. здесь уже насчитывалось 1500 тыс. человек, т. е. за 8 лет население этой провинции выросло более чем в 3 раза. Другие данные показали, что в 1842 г. численность населения на Северо-Востоке Китая составила 1,7 миллиона и к 1908 г. увеличилась до 15 833 629 чел. [19, с. 346]. С быстрым ростом населения примыкающие районы двух стран стали каналом переселения из Маньчжурии в Амурский район.

Вообще говоря, китайские рабочие въезжали в Россию четырьмя маршрутами.

Первый маршрут начинается с участков границы на северо-востоке Китая, включая водные: озеро Ханка — река Уссури; озеро Ханка — Уссурийский залив; Хуньчунь — река Туманная — Владивосток, сухопутные Харбин — Цицикар — Суйфыньхэ — Приморская область; Маньчжурия — Забайкалье. Харбин — самая важная транзитная станция. По данным Граве, с 1906 до 1910 г. в Россию через Харбин уехало 240 тысяч китайских рабочих [19, с. 122]. Китайские рабочие провинции Шаньдун или Хэбэй из Внутреннего Китая ехали на поезде из Даляня (大连) до Харбина и Чанчуня（长春), потом по сухопутью до Дальнего Востока. Железнодорожный билет от Даляня (大连) до Харбина стоил 5 рублей (потом снизился до 3 рублей). Для безопасности большинство китайских рабочих взяли билеты в вагоне третьего, а не четвертого класса, в частности, когда поезд шел по территории России. Одна часть китайских рабочих от Харбина через Маньчжурию или

Хайлар доехала до Забайкалья, другая часть — через Айгунь до Приморской области и третья — до Амурской области.

Второй маршрут начинается с Яньтая (烟台, бывшее название — Чжифу 芝罘) провинции Шаньдун. Для китайских рабочих Яньтай явился второй транзитной станцией после Харбина и первым портом. С 1906 до 1910 г. численность китайских рабочих, уехавших из Яньтая во Владивосток, составила 197 879 чел. В это время в Яньтае оформили 155 078 рабочих виз в Россию. Только в 1906 г. оформили 54 883 рабочие визы [19, с. 12, 16]. Почти все уехавшие отсюда в Россию — шаньдунцы.

Третий маршрут: через Чифэн до Владивостока. Главным пунктом отправления шаньдунских отходников был порт Чифу [17, с. 19]. Китайские рабочие Хэбэя тоже выбрали этот маршрут.

Четвертый маршрут: из Даляня, Инкоу и Даньдуна до Дальнего Востока России. После Русско-японской войны многие китайские рабочие из Гирина и Шаньдуна по этому маршруту уехали в Россию на китайских или японских коммерческих кораблях.

Кроме того, был еще один маршрут. До Октябрьской революции несколько десятков тысяч китайских рабочих въехали в Россию через Европу[1].

Во всех пограничных портах работали агентства вербовки. Рабочим пришлось заплатить немало денег агентствам вербовки за транспорт и оформление паспорта и визы. Китайские и русские подрядчики задействовали российские власти, предприятия и китайских чиновников. Рабочие устраивались в специальных гостиницах, хозяева которых отвечали за их выезд за границу. На российской территории представители предприятий отвечали за их встречу и доставку на рабочее место. Если у рабочих было недостаточно денег на все расходы, они могли покрыть долг, вернувшись домой после выполнения контракта. Поэтому они обычно давали подрядчику свой паспорт или другие важные вещи в залог. В Чифэне работали десятки таких гостиниц, доход которых в этом деле составил 4000–5000 р. в год [19, с. 9].

К примеру, в Чифэне агентство вербовки взимало 40 коп. Подрядчик был должен заплатить 1 р. 20 коп. за соответствующие документы местному китайскому чиновнику, 2 р. 25 коп. за визу российскому консульству, 13 рублей за билет до Владивостока и немного денег бортовому врачу перед посадкой [Там же]. Китайские рабочие обычно выбирали дешевые немецкие или американские грузовые корабли. Русские корабли перевозили китайских рабочих только в самый сезон. Китайские отходники обычно уезжали в Россию в марте и апреле и возвращались домой в ноябре и декабре. Средний доход взрослого китайского рабочего составлял 150–300 р. [25].

[1] Во время Первой мировой войны Франция вербовала 200 тысяч китайских рабочих, Англия — 50 тысяч для постройки военного сооружения. Часть китайских рабочих была взята в плен [9].

Шаньдун — главный источник китайских рабочих. С 1870-х гг. до Октябрьской революции Шаньдун стал лидером по поставке рабочей силы из Китая в Россию. Даже китайцы, которые приехали с северо-востока Китая, были родом из Шаньдуна. Таким образом, легко понять, почему в официальных документах царского правительства встречались названия Шаньдунбан (山东棒子), шаньдунцы (山东汉子), шаньдунские отходники, шаньдунские манзы и т. д.

В 1908 г. во Владивостоке насчитывалось 40 тысяч китайцев, в том числе 30 тысяч шаньдунцев [16]. Только из Янтая в Россию уехали 197 879 шаньдунцев [19, с. 12, 16]. Большинство из них выехали с семьей. В. В. Граве отмечал: «С достоверностью можно сказать, что в Шаньдуне нет такой семьи, члены которой не побывали бы на заработках у русских в Приамурье, Сибири или Северной Маньчжурии [19, с. 11].

Подсчитать количество китайских рабочих — трудная задача. Сорокина пишет: «Точно подсчитать количество прибывающих в Приамурье и отъезжающих обратно китайцев крайне трудно, так как многие из них шли пешком, пробираясь через малонаселенные пункты, где не производилось никакой регистрации» [25]. Чиновник царского правительства Д. И. Шрейдер считал: «Китайцы всегда находят возможность пробираться в наши пределы по одним им известным таежным и горным тропам» [30]. По сведениям полковника Генерального штаба Российской империи И. П. Надарова, с 1860 по 1870 г. китайцев в Уссурийском крае всего 18. В 1879 г. их численность во Владивостоке составила 1196 человек. В Уссурийском крае вместе с Владивостоком в 1885 г. численность постоянного китайского населения составляла более 10 тысяч человек и «бродячего» — 4 тысячи, тогда как русского населения здесь в это же время было около 30 тысяч человек [15, с. 15].

Согласно всеобщей переписи населения России 1897 г., на Дальнем Востоке числилось 57 459 китайцев, мужчин — 47 431, женщин — 10 028. В том числе 42 823 (74,5 % всего населения) жили в Приморском регионе [31]. В Амурской области числилось 11 160 китайцев, что составляло 9,28 % населения области, а в Приморской области в том же году было зарегистрировано 31 157 китайцев, или 13,5 % всего населения области [25].

После начала Русско-японской войны царское правительство ограничило въезд китайцев в Россию. Число китайских рабочих сократилось. В 1900 г. там работало 39 887 китайцев, в 1901 г. — 44 049, в 1902 г. — 37 024, а в 1903 г. — ни одного, остались только 17 376 корейцев [Там же].

В 1906 г. количество китайских рабочих в России быстро растет. Владивостокская газета «Наш край» писала о товарно-пассажирском пароходе «Свобода», отплывшем в Благовещенск: «Все пароходные помещения буквально переполнены китайцами, отправляющимися на Амур на заработки. На пристани такое скопление прибывающих с юга

китайцев, что им приходится ждать очереди у пароходных касс при взятии билетов на проезд в Приамурье. За неимением свободных мест при каждом отходе парохода остается масса китайцев на пристани в ожидании другого парохода [Там же].

Для подсчета численности китайских рабочих, которые приехали в Россию с 1906 по 1910 г., царское правительство направило Граве в Приамурье и пограничные города для выяснения ситуации с китайскими рабочими. Граве закончил доклад «Китайцы, Корейцы и Японцы в Приамурье. Труды командированной по Высочайшему повелению Амурской экспедиции», опубликованный в Санкт-Петербурге 1912 г.

Граве подсчитал, что в Россию с 1906 по 1910 г. прибыло 550 тысяч китайцев, или (в среднем) по 110 тысяч в год. Большинство китайских рабочих, прибывавших в Россию в феврале — апреле, старались, проработав сезон, вернуться на родину в ноябре — декабре к китайскому Новому году. С 1906 по 1910 г. второй раз в Россию въехали примерно 400 тысяч человек, примерно 150 тысяч человек не вернулись в Россию [19, с. 21]. Обычно китайские рабочие решали вернуться на родину после 1–3 лет, проведенных в России. В газете «Наш край» сообщалось: «Что китайцы обыкновенно весной отправляются на заработки в русское Приамурье, не является новостью, но знаменательно, что процентное отношение возвращающихся на родину к осени заметно уменьшается с каждым годом. Количество, например, возвращающихся из Приамурья китайцев в прошлом году (в 1909 г. — *Т. С.*) меньше на 50 %, против предыдущего года [25].

По официальным данным 1910 г. в России примерно 115 тысяч регистрированных человек, а численность регистрированных и нерегистрированных китайцев составила 150 тысяч. В самый разгар сельскохозяйственного сезона и в строительстве великого сооружения часто было задействовано много нерегистрированных китайских отходников [7, с. 22]. Современный русский ученый Ларин подсчитал: до начала Первой мировой войны 1914 г. в Амурской области и Приморском районе числилось 80–100 тысяч китайцев и только 120 тысяч местных жителей [Там же]. Другие данные показали, что в 1916 г. в Приморской области числилось 78 тысяч китайских рабочих, во Владивостоке 88,6 тысяч жителей, в том числе 29 тысяч китайцев [11, с. 123–124]. Во Владивостоке работало полицейское управление для решения уголовных дел, связанных с китайцами.

7 ноября 1914 г. Россия объявила войну альянсу. Для разрешения военных требований на фронте и укрепления тыловой промышленной силы царское правительство изменило колонизационную политику, ослабило ограничение иностранных трудовых ресурсов. Китайские рабочие появились в районах Восточной Сибири, Амурской провинции, Приморья, а также в Москве, Петрограде, Баку, Кавказе и регионе Черного моря. В самом северном военном городе Мурманске почти 10 тысяч китайских рабочих занимались железнодорожным строительством [Там же, с. 123]. По статистике советских ученых, во время Первой мировой войны 200–

300 тысяч китайских рабочих были завербованы в Россию [6, с. 39]. Царское правительство направляло китайских рабочих на фронт более 30 раз, их численность достигла более 80 тысяч [4, с. 123]. В докладе Союза китайских граждан в России 17 декабря 1917 г. было упомянуто, что с лета 1916 г. по сей день новые китайские рабочие «достигли 10 тысяч человек» [Там же, с. 191]. Атташе китайского посольства в России предоставил такие данные: в период Первой мировой войны китайские рабочие в России составили 15 тысяч человек [11, с. 123].

Таблица 1

Сведения о численности китайских подданных в Приамурском генерал-губернаторстве в 1886–1900 гг.[1]

Год	Амурская	Приморская	Забайкальская	Камчатская	Сахалин	Итого
1886	14 500	13 000	—	0	0	27 500
1891	14 891	18 018	300	0	0	33 209
1893	20 272	8 275	321	0	0	28 868
1900	15 106	36 000	695	0	0	51 801

Таблица 2

Сведения о количестве китайцев, проживавших в Приамурском генерал-губернаторстве в 1910–1914 гг. [2]

Год	Амурская	Приморская	Камчатская	Сахалинская	Итого
1910	60 586	31 648	234	573	93 041
1911	57 447	18 541	200	485	76 673
1912	53 698	24 156	210	528	78 592
1913	48 181	29 818	135	688	78 822
1914	38 779	32 787	191	472	72 229

[1] Данные свидетельствуют, что в Приамурском генерал-губернаторстве китайские рабочие неравномерно распределяются, главным образом собираются в Амурской и Приморской провинциях [25].

[2] Данные предоставляются Амурским отделением Российской ассоциации востоковедения в 1915 г. и телеграфом 13 июня 1915 г. губернатора Приморского генерал-губернаторства к петроградскому департаменту общих дел. Данные свидетельствуют, что после 1910 г. численность китайских рабочих в России масштабно снизилась по причине принятия Закона об ограничении трудоустройства иностранцев в России 21 июня 1910 г. В Амурской провинции в 1911 г. закон был отменен. Поэтому с 1912 г. численность китайских рабочих многократно повысилась. Китайские рабочие переехали из Приморской в Амурскую провинцию [21; 3, с. 186–187].

2. От «негативного» до «активного» образа: Перемены образа китайских рабочих и Китая до и после Октябрьской революции

Хоть Россия более двух веков переживала монгольское завоевание, сравнительно долгое время она мало знала об отдаленной восточной стране. В процессе поиска культурных корней и исторического размышления в среде русской интеллигенции утвердилось в основном отрицательное отношение к Китаю. В идейном и культурном обществе XIX — начала XX в. господствуют понятие «Восточное греховное сознание» и антивосточное настроение.

Вину за политическое самодержавие и диктатура, экономическая и промышленная отсталость, жизненная малоподвижность, культурно-идеологическое бездушие и строжайшее единство, а также военная отсталость и длительное состояние бедности, вину за которые российские идеологи возложили на долгое монголо-татарское завоевание и влияние восточной культуры, влияние «боязненной, бессильной, приниженной азиатской идеологии (данная идеология была образована на Востоке, закабалила Восток и сейчас захватывает Европу)» [24, с. 295]. В «Философических письмах» западник, философ П. Я. Чаадаев рассматривал Запад и Восток как два антагонистических пути. Славянофил Иван Киреевский, ведущий полемику с Чаадаевым, не забыл связать причину российской общественной отсталости с китайской культурой [28, с. 204–205].

Хотя В. Г. Белинский тоже рассматривал «восточный» и «татарский жизненный образ» как отсталый, темный и сермяжный символ. Он утверждал: «Китай — отвратительная страна...» [1, с. 202]. В июле 1890 г. великий писатель А. П. Чехов совершил экспедицию на Сахалин. По его мнению, Сахалинский остров совершенно пустынный, а восточные люди некультурны [29, с. 43, 44, 121].

Великий писатель, «буревестник российской революции», М. Горький в статье «Две души» описывал «образ Китая»: «Именно этой подавленностью личности, запутанностью ее, ее недоверием к силе разума, воли и объясняется мрачный хаос… жизни Востока». «А вот жестокость к рабам и раболепие пред владыками, столь свойственное нашему дворянству, это от Востока вместе с “обломовщиной”, типичной для всех классов нашего народа» [24, с. 289–290, 299].

Несмотря на то, что до Октябрьской революции китаеведы Печерин, Васильев, Георгиевский непрерывно работал над переводом китайских текстов и даже такие литературные мастера, как Пушкин и Лев Толстой, увлекались китайской культурой, главный «китайский образ» в российском обществе характеризовался терминами «отсталость», «невежественность», «застой» и «желтая опасность».

Кроме признания того, что «китайцы могут быть не только опытными столярами, каменщиками, кузнецами и др., но и могли скоро выучиться на плотника, наводчика лака и др.» [27], что они трудолюбивые, бережливые и скромные, для российского общества образ китайца

оставался негативным: «грубость», «трусливость», «болезненное состояние», «длинная коса», «женщина с забинтованными ножками».

Настоящая перемена образа китайского рабочего и Китая началась с того, как десятки тысяч китайских рабочих приняли Октябрьскую революцию, Ленин и большевики поняли китайские судьбы и признали их на фоне пролетарского интернационализма и мировой революции.

15 июля 1912 г. после прочтения статьи Сунь Ятсена «Социальное значение китайской революции» Ленин в статье «Демократия и народничество в Китае» писал, что «боевой и искренний демократизм пропитывает каждую строчку платформы Сунь Ятсена»[1]. В статье «Новорожденный Китай», опубликованной в газете «Правда» 8 ноября 1912 г. Ленин снова подчеркнул: «Развитая культурная Европа не интересуется новорожденным Китаем. 400 миллионов отсталых азиатских человек завоевали свободу, начали активно участвовать в политической жизни. Одна четвертая часть населения мира очнулась, идет к свету, отдается движению и начинает бороться» [14, с. 208].

За более чем полвека китайские рабочие в России вынуждены были терпеть гнет царского правительства и эксплуатацию капиталистов. Китайские и российские рабочие отдавали равный труд, но зарабатывали по-разному. По сравнению с китайскими рабочими оплата российских рабочих была выше. По материалам уполномоченной царским правительством эксплуатационной и колонизационной группы на Дальней Востоке в 1911 г. средняя оплата российских рабочих в день составила 2,43 рублей, средняя оплата в месяц 58,27 рублей, а оплата китайских рабочих только 1,59 и 38,08 рублей. Оплата китайских рабочих в Амурской провинции была чуть выше, средняя оплата в день 2,15 рублей, в месяц 50,17 рублей, но ниже чем оплата российских рабочих — 2,89 рублей (в день), 68,45 рублей (в месяц) [Там же, с. 58]. Руководитель китайцев-эмигрантов в России Лю Цзэжун[2] объявил в до-

[1] Это первая статья в собрании сочинений, где упоминается Китай. Написана в 1905 г. и включена в т. 8 “Люйшуньское падение”. Статья критикует неудачную внешнюю политику царского правительства и не касается Китая [8].

[2] Лю Цзэжун (1892–1970), известный лингвист, дипломат и социальный деятель, другое имя — Лю Шаочжу. Родился в уезде Гаояо провинции Гуандун. В возрасте пяти лет уехал с отцом в Россию. Окончил Петербургский университет. В апреле 1917 г. в Петрограде организовал Союз китайских граждан в России (в декабре 1918 г. был переименован на Союз китайских рабочих в России), был избран председателем. Был делегатом первого и второго конгрессов Коминтерна. Несколько раз встречался с Лениным. В конце 1920 г. он вернулся в Китай и получил назначение на КВЖД. Работал в Северо-восточном, Пекинском и Юго-западном университетах. В 1940 г. стал советником правительства Гоминьдана в Советском Союзе. В 1944 г. стал Синьцзянским уполномоченным Министерства иностранных дел правительства Гоминьдана. После установления Нового Китая работал в Министерстве иностранных дел КНР, затем стал советником МИД. Был членом второго, третьего и четвертого Национальных комитетов НПКСК. В 1956 г. вступил в Коммунистическую партию Китая. Был заместителем дирек-

кладе, направленном Бэйянскому правительству: «Русские не соблюдают соглашения, плохо обращаются с китайским рабочим. Подрядчик жестоко эксплуатирует, даже патруль самовольно пытает, жестоко бьет китайских рабочих. Сколько китайских рабочих умерло, искалечено — невозможно перечесть» [4, с. 164].

В связи с этим большинство китайских рабочих приветствовали революцию, желая изменить свою жизнь при помощи революции. Под эгидой Октябрьской революции с поддержкой советской власти китайцы и китайские рабочие собирались, защищали свои права, изменяя свой негативный образ, складывающийся несколько веков в российском обществе.

18 апреля 1917 г. в Петрограде руководитель эмигрировавших китайцев Лю Цзэжун, объединивший их с другими китайцами — коммерсантами и т. д., организовал первую китайскую группу в России — Союз китайских граждан в России. Лю Цзэжун занимал пост председателя союза. Союз «ставил целью предоставление кругам эмигрантских студентов, коммерсантов и рабочих в России помощи» [12, с. 201]. Союз договорился с Временным правительством, министерством внутренних дел, петроградской корпорацией, Советом представителей рабочих и солдат и др. об отмене неравенства между китайскими и российскими рабочими, о создании приемного пункта, который приютил более тысячи человек за 2 месяца, предоставлении бесплатного медицинского обслуживания, на которое петроградская корпорация ассигновала 70 тысяч рублей, союз — 10 тысяч рублей. Союз искал китайским рабочим работу, перевозил инвалидов и безработных обратно на родину. К маю 1918 г. перевез в Китай уже 30 тысяч рабочих.

24 декабря 1918 г. Союз китайских граждан в России был переименован в «Союз китайских рабочих в России». Председатель Лю Цзэжун объявил, что союз отошел от профессиональных кругов, поддерживает большевистское руководство, ставит целью защищать законное право китайских рабочих. 30 декабря того же года в Москве было открыто первое массовое собрание, утвержден устав Союза, избраны члены нового исполнительного комитета и представители, присутствующие на совете в Москве, выпущено непериодическое издание «Великое равенство», целью которого ставили распространение коммунистической идеи. В Самаре, Саратове, Екатеринбурге, Верхнеудинске были открыты отделения Союза.

Когда Бэйянское правительство не признало советское правительство и отозвало дипломатов из России, Союз китайских рабочих в России остался единственным представителем китайских интересов в России, китайская миссия в Петрограде также была передана Союзу.

тора коммерческого издательства. Написал Грамматику русского языка и составил первый Большой китайско-русский словарь.

В 1918 г. Ленин предложил: «Можно выбрать революционеров среди эмигрантских китайских рабочих, создать связь с Сунь Ятсеном»[1].

В марте 1919 г. Лю Цзэжун во имя «трудовой партии китайского социализма» участвовал в первом конгрессе Коммунистического интернационала, получил аудиенцию у Ленина. Ленин поощрил его: «В молодости нет поражения. Надеюсь, что вы непрерывно стремитесь создавать больше результатов для китайских рабочих». На удостоверении личности Лю Цзэжун Ленин собственной рукой делал резолюцию: «требую, чтобы все советские органы и руководители предоставили этому товарищу всю помощь» [12, с. 202].

В начале 1919 г. ряд представителей китайских рабочих по назначению Союза вернулись из секретной поездки с Дальнего Востока в Северо-Восточный Китай. «В последние дни возвращающиеся из России китайские рабочие распространяли большевизм среди китайского населения, даже в китайских войсках» [6, с. 42]. 15 июня 1920 г. исполняющий обязанности главного горного инженера угольной шахты Кайлуань Лай Мо сказал: «Многие возвращающиеся кули из Франции и России радикальные идеи, близкие к большевизму, распространяли среди людей в шахте» [Там же]. Союз по назначению советской власти направил рабочих в провинцию Гуандун, пытаясь создать связь с Сунь Ятсеном и южной властью.

25 июля 1920 г. Союз организовал третье представительное собрание и объявил содействие китайским рабочим в России и дальнейшее революционизирование. На данном собрании было образовано Управление коммунистических китайцев в России, которое 1 июля было утверждено Центральным комитетом российской Компартии. Численность Союза достигла уже 10 тысяч человек [Там же]. Он играл важную роль в защите законных прав китайских рабочих в России, содействии их сплоченности, а также улучшении образа китайских рабочих и образа Китая.

После начала Октябрьской революции 60 тысяч китайских рабочих [2] в России активно участвовали в революционном движении, возглавляемом большевиками, проливали кровь и даже жертвовали жизнью. Они мужественно защищали революцию там, где советская власть находилась под угрозой иностранных интервентов и внутренних контрреволюционеров, от Петрограда до Кольского полуострова, от Украины до Кавказа, Урала и Сибири [18, с. 23–25]. Газета «Уральские рабочие» 1 сентября 1918 г. сообщала: «Китайская группа на нашем

[1] В 1925 г. в траурной телеграмме Зиновьева к Сунь Ятсену было упомянуто: «Во время Первой мировой войны в 1916 г. большевики обсуждали национальное самоопределение. Ленин внезапно предложил, что большевики должны соединиться с китайской революцией. Данное предложение было как во сне... Когда в 1918 г. мнения Китая и России по поводу эсеров и Колчака разделились, Ленин сказал: Можно выбрать революционеров среди эмигрантских китайских рабочих, создать связь с Сунь Ятсеном». [Правда. 1925. 14 марта].

фронте известна своей твердостью, настойчивостью, это лучший отряд Красной армии на нашем фронте».

Десятки тысяч китайских рабочих своим самопожертвованием завоевали уважение большевиков, советской власти и всего российского (советского) народа, а также способствовали их переосмыслению мнения о китайской культуре и китайском народе. Благодаря этому среди российского (советского) народа сложился новый «образ Китая»[1].

Газета «Коммунисты» 4 октября 1918 г. писала: «Китайская группа стала самым настойчивым отрядом на нашем фронте, они так настойчивы потому, что имеют бесконечную верность к делу коммунизма».

23 ноября 1918 г. командир известный китайской группы Жэнь Фучэнь погиб в бою в возрасте 34 лет, был похоронен возле уральской Виянской станции. В газете «Коммунары» сообщили: «Командир известный китайской группы Жэнь Фучэнь героически пожертвовал своей жизнью. Товарищ Жэнь Фучэнь пользуется большой известностью среди китайских эмигрантов. Он отдал все свое влияние и авторитет советской России. Китайский отряд, возглавляемый им, является самым доверительным отрядом на нашем фронте. Революционные солдаты будут всегда помнить товарища Жэнь Фучэнь». В 1921 г. в Кремле Председатель Совета народных комиссаров Советской России В. И. Ленин встретился с его женой и детьми, что Жэнь Фучэнь был выдающимся командиром и настоящим большевиком[2].

15 сентября 1919 г. была опубликована статья «Наши братья желтой расы»: «Все империалисты ненавидят китайцев, они заставляют нас верить, что китайцы принадлежали низкой расе, китайский народ своей кровью откормил капиталистов Америки, Великобритания, Японии, России и других стран… Мы не должны отгонять своих братьев желтой расы, а просвещать и организовать их. Ведь китайские рабочие в России борются за советскую власть и социализм. Ведь под желтой кожей течет красная пролетарская кровь. В желтой груди мужественное сердце бьется одинаковым ритмом с пролетарским сердцем, желтые руки высоко подняли международное Красное знамя [18, с. 179]».

[1] Во время Октябрьской революции, Гражданской войны и антиимпериалистической борьбы китайские группы в количестве 60 тысяч человек, например, группы Сунь Фуюань, Жэнь Фучэнь, Чжан Фужун, независимая группа китайских солдат Фулунчжи, группа Бао Чисань, Сан Фуян, Хань Сишунь, одесская китайская группа, группы Бильдонова и Бермина, все они заслужили награду [18; 10; 26].

[2] 2 ноября 1989 г. уполномоченный посол Трояновск от имени советского правительства вручил Жэнь Фучэнь высший боевой орден «Красное знамя» и заметил, что отмечают его особые заслуги в Гражданской войне.

Заключение

Китайские рабочие в России в конце XIX — начале XX в. стали межнациональным и межкультурным историческим уникальным феноменом, деятельность этого общества способствовала взаимопониманию двух наций и взаимообмену двух культур и помогла улучшить образ современного Китая в России (СССР), то есть преодолеть негативный образ Китая в историко-культурном обзоре российских (советских) и европейских традиций и создать активный политически революционный образ современного Китая.

Литература

1. Берлин И. Русские мыслители / пер. с англ. яз. Пэн Вэйдон. — Изд-во Илинь, 2001.

2. Более 50 тысяч китайских рабочих воевало в составе Красной армии, солдат и офицеров — не меньше тысячи / Шэньбао. — 1921. — 26 сент.

3. Записки Приамурского отдела Императорского общества востоковедения. Вып. III. 1915. — Хабаровск, 1916.

4. Исторические документы китайско-американских отношений: российский переворот и простой переговор (1917–1919) / Институт новой истории Тайваньской центральной академии. — Чунцинское издательство, 2007.

5. Киреевский И. В. Полн. собр. соч. — М., 1991. — Т. 2.

6. Китайские добровольцы в боях за советскую власть (1918–1922). — М., 1961.

7. Ларин А. Г. Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. — М., 2000.

8. Ленин В. И. Полное собрание сочинений. — Народное издательство, 1990. Т. 21.

9. Ли Чжанбо. Колониальная история в Китае. Коммерческое изд-во 1937.

10. Ли Юнчан. Китайские рабочие в России и Октябрьская революция. — Хэбэйское просветительное изд-во, 1988.

11. Лукин А. В. Медведь наблюдает за драконом. Образ Китая в России в XVII–XXI веках / пер. с рус. яз. Лю Джуощин. — Чунцин, 2007.

12. Лю Цзэжун. Мое испытание в Советском Союзе до и после Октябрьской революции // Избранное собрание литературы и истории. — Издательство китайской литературы, истории и философии, 1989. — Т. 60.

13. Малоземов А. А. Российская политика на Дальнем Востоке. — Коммерческое издательство, 1977.

14. Материалы по изучению рабочего вопроса в Приамурье. Вып. 2.1. Рабочий рынок Приамурья в 1911 г. Амурская область. — СПб., 1912.

15. Надаро И. П. Материалы к изучению Уссурийского края. Доклады в обществе изучения Амурского края. — Владивосток, 1886. — С. 15. Цит по: Сорокина Т. Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX — начале XX вв. [Электронный ресурс]. URL: http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1998/a013/article.shtml (дата обращения: 10.11.15).

16. Петров А. И. Китайская историография и истории китайцев в царской России: краткий очерк // Россия и АТР. — 2006. — № 1.

17. Позднеев Д. Описание Манчжурии. — СПб., 1897.

18. Попов Н. А. Они сражались за власть Советов. — М.,1948. Китайские добровольцы в боях за советскую власть (1918–1922). — М., 1961.

19. Приамурье: факты, цифры, наблюдения: приложение к отчету общеземской организации за 1908 г. — М., 1909.

20. Рашид Юсупов. Дунгане в Средней Азии // Изучение хуэйминя. — 1994. — № 4.

21. РГИА. Ф. 1284. Оп. 185. Д. 23. Л. 3б.

22. РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7. Л. 131.

23. РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 7. Л. 88.

24. Сборник М. Горького / сост. Юй Ичжун. — Шанхай: Изд-во Восточной Азии, 1997.

25. Сорокина Т. Н. Китайская иммиграция на Дальний Восток России в конце XIX — начале XX в. [Электронный ресурс]. URL: http://www.omsu.omskreg.ru/histbook/articles/y1998/a013/article.shtml

26. Суе Сяньтянь, Хуан Зилянь. Поддержка китайских народов Октябрьской революции // Мировая история. — 1987. — 5.

27. Унтербергер П. Ф. Приморская область 1856–1898 гг. / пер. факультета русского языка Хэйлунцзянского университета. — Коммерческое издательство, 1980.

28. Чаадаев П. Я. Философские письма / пер. с рус. яз. Лю Вэньфэй. — Изд-во писателей, 1998.

29. Чехов А. П. Московские лицемеры / пер. с рус. яз. Тянь Давэй. — Ляонинское просветительное издательство, 1997.

30. Шрейдер Д. И. Наш Дальний Восток. — СПб., 1897.

31. URL: http://demoscope.ru/weekly/ssp/rus_lan_97.php

Чжан Цзяньхуа, доктор исторических наук, профессор, директор Центра новой мировой истории Института истории Пекинского педагогического университета. Пекин. КНР, стажер СПбГУ (2006 г.), приглашенный профессор Нюрнберг-Энлангенского университета (Nuernberg – Erlangen Universität) (Германия 2001–2002 гг.). E-mail: zhangjh171@foxmail.com

Zhang Jianhua, D.Sc. (in history), Professor, Director of the Center for New World History, Institute of History, Beijing Pedagogical University, Beijing, PRC. Intern of St. Petersburg University (2006), Visiting Professor of Nuernberg – Erlangen Universität (Germany, 2001–2002)

УДК 341(5-012)

© **Тон Чжан**

НОВЕЙШИЕ ТЕНДЕНЦИИ В РАЗВИТИИ ЕВРОПЕЙСКОГО ДОГОВОРНОГО ПРАВА И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Гармонизация европейского частного права является наиболее важным аспектом в европейской правовой интеграции. С 1990-х гг. изучение и разработка принципов европейского права стали актуальной проблемой. Достижения в изучении (PECL, DCFR and CESL) повлияли на договорные законы государств — членов ЕС и других стран мира. Установление «Восточно-азиатского сообщества» является тенденцией экономической интеграции в Восточно-Азиатском регионе. Модель европейского договорного права способствует решению проблем при создании зон свободной торговли восточно-азиатских стран и направляет правовые вопросы, возникающие в процессе региональной интеграции в Восточной Азии.

Ключевые слова: *европейское договорное право; принципы европейского договора; проект общей системы ссылок; общее европейское торговое право; принципы договорного права в Восточной Азии.*

Tong Zhang

NEWEST DEVELOPMENTS IN THE EUROPEAN CONTRACT LAW AND ITS IMPACTS IN EAST ASIA

The harmonization of the European Private Law is the most important aspect in the European legal integration. Since 1990s, to study and draft out the Principles of European Law has become a hot issue among the European scholars. The achievements of the study (PECL, DCFR and CESL) have influenced the contract laws of the EU member states and other countries in the world. Establishing «East Asian Community» is a trend of economic integration in the East Asian region. The experience and model drawn from the harmonization of European contract law are significant inspirations to solve problems during the founding of free trade zones among the East Asian countries and address the legal issues rising from the East Asian regional integration.

Keywords: European Contract Law; Principles of European Contract; Draft of Common Frame of Reference; Common European Sales Law; Principles of East Asian Contract Law.

I. Introduction

With the globalization and regional economic integration, harmonization and unification have become the development trend of private law. Political thoughts should be followed up by legal system. As far as the European integration itself is concerned, it is a process in which politics and economy interact and relevant laws ensure the fulfillment of the European integration. The harmonization of European Law and its function

are the fundamental premise and guarantee of the fulfillment of the European integration. The harmonization of the European Private Law is the most important aspect in the European legal integration.

The copious legislation of the European Union in the area of private law is far from being comprehensive or systematic. The Union has addressed many fields of private law at different stages of its development. In the recent past, most of its intervention has been devoted to consumer contracts [1]. Different from family law and law of inheritance, contract law is highly technical and rarely influenced by national tradition and social culture, therefore, the harmonization of European private law started from the contract law. At that time, as an important part of these subjects European Contract Law is a starting point of various academic study programs. For example, the study program of European Contract Law launched by Commission of European Contract Law (hereinafter called Lando Commission) and the Principles of European Contract Law (hereinafter called PECL)drafted on this basis is one of the achievements [2]. At present, European contract law constitutes one of the most controversial debates in the European Union, particularly as far as the extent of the Union's competence to take far — reaching action in the field of contract law is concerned [3].

This thesis exhibits the newest developments of the European Contract Law and further discusses, focusing in particular on the impacts of the European Contract Law on the drafting of Principles of Asian Contract Law.

II. Developments and Achievements of the Harmonization of European Contract Law

1. Principles of European Contract Law (PECL)

Since the commencement of the works of the Lando Commission [4] in the early 1980's, European Contract Law has become a subject of academic research in Europe. The political framework for the development of a contract law in Europe has, however, undergone considerable changes since then. The realisation of the internal market, the founding of the EU and European economic and monetary union have created new conditions for cross — border trade and raised the question of how this is to be facilitated in legal terms as well [5].

The PECL was compiled by the Lando Commission and comprise three parts. The PECL Parts I and II deal with the formation of contracts, validity, performance and remedies for non-performance, i.e. Part I was released in 1995 [6] and Part II was completed in 1996 and published in 1999 [7]. In 1997 the Third Commission began to prepare rules (Part III)on compound interest, conditions and the effect of illegality, and rules on subjects which are common to contracts, torts and unjust enrichment, such as plurality of creditors and debtors, assignment of debts and claims, set-off, and prescription [8].

In some respects the PECL may be compared with the American Restatement of the Law of Contract, which was published in its second edition in 1981. Like the Restatements the articles drafted are supplied with comments and notes. The Restatements consist of non-binding rules, «soft law». The PECL is also a «soft law», but its main purpose is to serve as a first draft of a part of a European Civil Code. The Commission has paid attention to all the systems of the Member States, but not every of them has had influence on every issue dealt with [9]. The rules of the legal systems outside of the Communities have also been considered. So have the American Restatement on the Law of Contracts and the existing conventions, such as the United Nations Convention on Contracts for the International Sales of Goods (hereinafter called CISG). In short, the Commission has tried to establish those principles which it believed to be best under the existing economic and social conditions in Europe. The PECL can guide the interpretation and development of the national legal systems in Europe and thus pave the way towards a gradual assimilation of these systems. There are, in fact a number of encouraging examples of how the PECL has been used as a source of inspiration for legislators, legal writers, and courts of law [10].

Two decades has past since the inception of the academic concept of «European Contract Law», however, there is not such a law in Europe in strict definition. At the beginning the study on European Contract Law only limited to academic discussions and a series of experimental academic projects. In recent years after 2001 especially under the promotion of the European Community, political factors gradually involved in the discussions about European Contract Law. Therefore, the European Contract Law becomes an important part in the coordination of laws in EU's legislations and leads to a new development era of European private law [11].

2. Draft Common Frame of Reference (DCFR)

It should be noted that in 2001 the European Commission launched a process of consultation and discussion on how to tackle the problems resulting from divergent national contract law at Community level. The European Parliament has accordingly called for preparatory works for a European law of obligations and property law [12]. With the «Action Plan for a More Coherent European Contract Law (hereinafter called Action Plan)» [13] the European Commission has established a concrete working programme to further develop contract law in line with the needs of the internal market. Subsequently, the Council has also addressed new challenges in the area of European Contract Law [14]. The Action Plan is primarily geared towards the creation of a «Common Frame of Reference (hereinafter called CFR)», which is not limited to a single area or sector of contract law, but which rather shall contain overarching definitions, principles and rules [15]. The CFR was born with the idea of making European contract law more coherent.

At the end of 2008, the Joint Network on European Private Law has delivered to the European Commission the Draft Common Frame of Reference (hereinafter called DCFR) [16] prepared by the Study Group of a European Civil Code [17] and the Research Group on EC Private Law (Acquis Group) [18] as well as a set of additional drafts prepared by other participants of the Network. [19] It is based in part on a revised version of the PECL and contains Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law. It covers the Books on contracts and other juridical acts, obligations and corresponding rights, certain specific contracts and non-contractual obligations. One purpose of the text is to provide material for a possible «political» CFR which was called for by the European Commission's Action Plan of January 2003.

It is not only the political and economic framework conditions for European Contract Law that have evolved in recent decades. Terminology, substance and scope have also undergone considerable change. With the project of the Lando Commission European contract law emerged as an academic concept alongside the applicable contract laws of the Member States. Its content, according to this concept, was essentially determined by the laws in the Member States — as a compilation of «common principles», «lowest common denominators» or «best solutions». The method of determining this substance is comparative law, and the outcome of the comparative studies was frequently described as «restatements» following the North American model [20].

3. Common European Sales Law (CESL)

Differences in contract law between Member States hinder traders and consumers who want to engage in cross — border trade within the internal market. The obstacles which stem from these differences dissuade traders, small and medium — sized enterprises (SME) in particular, from entering cross border trade or expanding to new Member States' markets. Consumers are hindered from accessing products offered by traders in other Member States [21]. In July 2010, the European Commission published a short Green Paper on Policy Options towards a European Contract Law for Consumers and Businesses (hereinafter called Green Paper) [22], in which it sets out the choices for future action in the field of contract law. The 2010 Green Paper followed the establishment of an 'Expert Group' which has been tasked with formulating an official CFR on European Contract Law based on the DCFR. The Green Paper presents a total of 7 options ranging from fairly limited EU action to the creation of a full — blown civil code. Thus, whatever the Expert Group produces could become simply a 'source of inspiration' for European and national legislators as well as becoming the focus of legal education and scholarship, and could over time promote greater convergence on a voluntary basis. Alternatively, the Expert Group text could become an official toolbox for the European legislator by virtue of an inter-institutional agreement [23].

The latest of the European Contract Law is a proposed regulation(the Proposal) setting out a 'Common European Sales Law' (CESL) available for parties to choose to govern cross-border contracts for the sale of goods, the supply of 'digital content,' and the supply of related services. [24] The Proposed CESL is a long and complex instrument, containing provisions governing much of general contract law as well as specific provisions for the three types of contracts for which it would be available. The purposes of the CESL as set out in the Proposal are fundamentally economic and appeal to many of the classic arguments for the establishment of uniform law in the development of the internal market [25].

The proposal on the optional CESL offers excellent new instruments to support cross-border trade. The Commission's hope is that this uniform law would reduce the transaction costs for traders and encourage them and consumers to have more confidence in the legal basis on which they conclude cross-border contracts. Traders should be able to apply the Common European Sales Law in all their cross-border dealings within the European Union instead of having to adapt to different national contract laws, provided that the other party to the contract agrees. It should cover the full life cycle of a contract and thus comprise most of the areas which are relevant when concluding cross-border contracts. As a result, the need for traders to find out about the national laws of other Member States would be limited to only some, much less important, matters which are not covered by the Common European Sales Law. In business — to — consumer transactions there would be no further need to identify the mandatory consumer protection provisions in the consumer's law, since the Common European Sales Law would contain fully harmonized consumer protection rules providing for a high standard of protection throughout the whole of the European Union. In cross-border transactions between traders, negotiations about the applicable law could run more smoothly, as the contracting parties would have the opportunity to agree on the use of the Common European Sales Law-equally accessible to both of them — to govern their contractual relationship.

III. Impacts of the European Contract Law in East Asia

1. Impacts on Asian Study of Contract Law

In the East Asia, the economic and commercial exchanges among China, Japan and the ROK become more and more frequent and the three countries share similar cultural and legal background, therefore, it is urgent and feasible to harmonize the private laws in the East Asian region. The achievements made in the harmonization of European contract laws also ignited the enthusiasm of Asian scholars to promote the harmonization of laws in East Asia. As the major countries in East Asia China, Japan and the Republic of Korea have made research in this area at various degrees [26].

Although at the beginning of 1980s, the European scholars have already begin to draft the PECL, it is only by 1995 that such activities and research

results are noticed by Chinese scholars. In 1995, an international academic conference named «The Modernization of the Chinese and Japanese Contract Law» was held in Beijing. Japanese Professor Yoshio Shiomi delivered a report titled «The New Development of European Contractual Performance Obstacles System» in which he mentioned the PECL and brought with him the draft of the PECL I [27]. From then on Chinese scholar Shiyuan Han translated the PECL I and II starting from 1995 [28]. Since the end of the 20th Century, more and more Chinese legal scholars went to Europe to study and conduct academic exchanges, so it is possible for Chinese scholars to get the first hand information and materials. In 2004, Dr. Yan Zhu who came back from Germany translated the PECL III [29].

Besides the above mentioned PECL, Chinese scholars have also successively translated some drafts and academic works submitted by European academic research groups in private law, including the Illustrative draft of possible structure of the Code/Principles, especially for Books I to III submitted by the Study Group of a European Civil Law [30] and the DCFR [31]. The book «European Contract Law» written by Professor Hein Koetz was translated by Professor Zhonghai Zhou and published in China [32]. Between 2004 and 2009, some famous Chinese universities and research institutions including the China University of Political Science and Law, East China University of Politics and Law, Tsinghua University, Renmin University of China, Chinese Academy of Social Sciences Institute of Law organized and held some international colloquiums and workshops on relevant themes, for example, from November 20th to 21st, 2004, an international colloquium titled «Exploration of the Similar Roads to Civil Law among China, Japan and Korea» was held in Peking, in this colloquium Chinese scholar Professor Shiyuan Han proposed the unification of contract laws in East Asia with reference to PECL and raised a framework and working methods in his report [33].

Since the end of the 20th century, in order to improve the legal system of China private laws and make preparation for Chinese Civil Code, Chinese scholars have been active in studying the comparative law in the field of private law. These scholars published some academic papers [34] and even monographs [35] on European Contract Law. Some universities have specially set the course of European Contract Law [36]. An increasing number of doctoral and master's theses conducted comparative law studies about specific systems and rules in European contract law.

2. Impacts on Principles of Asian Contract Law

A. Harmonization of East Asian Contract Laws

Establishing «East Asian Community» is a trend of economic integration in the region of East Asia. But the scale of the «East Asian Community» is not clear; the social and economic systems of East Asian countries are different; and the social and economic development levels of these countries vary greatly among each other. During the unification of

East Asian contract laws, the difference in culture and languages is also a big obstacle. Therefore, many scholars are pessimistic about the building of East Asian Community and the unification of East Asian contract laws. It is still a key issue and difficulty to explore the historical and present connection among East Asian countries in politics, economy and culture; illustrate the underlying cause of conflicts and harmonization among East Asian countries; overcome existing obstacles and summarize past experience and feasible methods.

There was a common legal system based on the laws of China's Tang Dynasty in the history of East Asia. Since the end of the 19th century, the East Asian countries accepted European Continental Civil Law especially the Germany Civil Law and French Civil Law, which is a basis for the harmonization of private laws in East Asia. China, Japan and the ROK all participated in The United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (hereinafter called CISG). This CISG is undoubtedly the great achievement of private law unification movements in the world.

The unification process of European private laws especially the working methods and experience of the Commission on European Contract Law teach us that unification of contract law or private law can be started from the comparative research of scholars and from the formulation of model law. Just like the PECL the model law can be named as the «Principles of East Asian Contract Law». The PACL that is jointly formulated by East Asian scholars and pragmatic practitioners can be used as Lex mercatoria. The PACL can also be used as a reference for the legislation and revision of laws in East Asian countries [37].

B. Developments and Achievements of the Harmonization of East Asian Contract Laws

From October 10th to 11th, 2009, the Law School of Tsinghua University has held an international seminar titled «The Unification of European Private Laws and Its Implications for East Asia» on which scholars from China, Japan and the ROK reached agreement on devoting to realize East Asia regional integration and formulate the rules of East Asia Contract Law. The consensuses reached on this seminar echo with the conference spirit held by the leaders who participated in the series summit of ASEAN and dialogue countries. The centre for the Asian Contract Law project is located ant the Global Security Institute of Keio University in Tokyo. Japanese professor Naoki Kanayama from the Keio University put forward the concept and research plan of Principles of Asian Contract Law (hereinafter called PACL). He proposed to establish a PACL Drafting Committee composed of scholars from China, Japan and the Republic of Korea to draft a model law which will serve as a model for legislation and legal reform in East Asia [38]. Under the leadership of Professor Lee Young June, the Honorary President of the Civil Law Society of the Republic of Korea has established the Research Institute for Asian Private Law to study on the Unification of Civil and Commercial Law of Korea, Japan and

China. In the Concept of the General Standard Contract and the Law on Sale of Goods in East Asia Professor Lee Young June points out three orientations which include: formulate contract model for the sales contracts among East Asian countries in particular among China, Japan and Korea; the East Asian Sales Law should be oriented to the unification of civil law and coordinate with international regulation; gradually get rid of Pandekten system and be more pragmatic [39]. Professor Kim Sang Yong points out in his book titled the Legislation Orientation of the Unification of Sales Law, the Common Law of East and North Asia that the CISG can be set as the possible reference for the legislation of the principles of contract law in East Asia and achieve the ultimate target of drafting a Principle of East Asian Common Contract Law. The drafting of the PACL should first carry out two tasks: first, study the common law based on Confucianism and Buddhism that has ever existed in history in East Asia and explore its value for the contemporary world; second, compare the private laws in East Asia formed on the basis of Continental Civil Law since the modern time and seek common principles and rules [40].

From December 13th to 15th, 2010, the Law Institute of Seoul National University and the Research Institute for Asia Private Law have held the «Principles of Asian Contract Law Seoul Forum» to discuss the draft on breach of contract, the most important part of the PACL. This forum is the extension of the Tokyo forum on general provisions of the contract law in March in this year and the Hochimin forum on formation of contracts in August this year. The Asian scholars believe that the PACL should be the common principles aiming at harmonization of the world laws in mutual coordination with CISG, PECL, PICC, UCC, DCFR and other world model laws, rather than the principles unique and specific to Asia.

C. Methods and Approaches the Harmonization of East Asian Contract Laws

The comparative approach and the acquis approach used in the unification of European contract law can be referred to during the formulation of East Asian contract law. The Chinese scholars are familiar with and have utilized the comparative approach. The acquis approach is a kind of research method adopted by the Acquis Group which was established in 2002 [41]. The comparative approach is essential for the formulation of East Asian contract law. Now the current laws of China, Japan and the ROK are composed of sporadic private laws. It is not easy to abstract the general principles. The P ACL should be the ultimate goal of comparative research.

First, conduct comparative research of the laws of China, Japan and the ROK to seek possible common points among these laws, develop common rules and try to identify the «best solution». Second, with the acquis approach study the laws, regulations or practices in the East Asia in order to identify the existing common principles of the current laws. But because the large number of formal and informal organization in the East Asia and detailed and complicated legal documents, it is very difficult for the

research work. Study the current free trade agreements in East Asia and relevant legal documents like the Free Trade Agreement in the Japanese Region, Free Trade Agreement in the ROK, Japan — Korea Free Trade Agreement as well as the Closer Economic Partnership Arrangement (CEPA).

IV. Conclusion

The East Asian economic integration can learn the experience from the EU to consolidate each integration achievement with binding legal system. The experience and achievements of European Contract Law unification is undoubtedly of important reference value for the improvement of Chinese Contract Law and the harmonization of East Asian Contract laws which can be shown in the following aspects: First, the core tasks of European Contract Law are the promotion of the freedom of goods, persons, services and capitals and the guarantee of effective operation of EU market. Such free and open legal concept set up by the European Contract Law is inspiring for the forming of an open and free market economic system in East Asian counties. Second, since the birth of East Asian civil laws, the East Asian counties kept on learning and adopting the civil laws of major European countries like the civil laws of Germany, France and Italy. The comparative research results of contract laws of EU member states achieved by European scholars undoubtedly still have important reference value for the development of East Asian common contract law.

The PECL, the DCFR and the CESL have also become a source of inspiration to the current work on East Asian Contract laws. Although there is no such Union in East Asia that is above the national sovereignty as the European Union, the early working experience of European Contract Law shows us: the harmonization in contract law and private law can be started from scholars, civil society and model laws. The Asian scholars should start early to establish a coordination committee for East Asian contract law in order to collect materials like the texts of contract laws and judicial cases, conduct comparative research and jointly draft the model law of Principles of East Asian Contract Law [42].

Reference

1. Marisa Meli, The Common Frame of Reference and the Relationship between National Law and European Law, ERCL 2/2011, p. 229.

2. In addition, the European Private Law textbook project (Common Law of Europe-Ius Commune Casebook Project) in legal education and the founding of many Law Schools of Europe has also played important roles in the formulation and development of European Contract Law.

3. Kathleen Gutman, The Commission's 2010 Green Paper on European Contract Law: Reflections on Union Competence in Light of the Proposed Options, ERCL 2/2011, p. 152.

4. The Members have not been representatives of specific political or governmental interests, and they have all pursued the same objective, to draft the

most appropriate contract rules for Europe. With a few exceptions the members of the Commission of European Contract Law have been academics, but many of the academics are also practicing lawyers. Current and former members of the commission include: Christian von Bar (Osnabrueck), Hugh Beale (through 2000) (Warwick), Marc Elvinger (through 1999) (Luxemburg), Michael Joachim Bonell (Rome), Michael Bridge (London), Carlo Castronovo (Milan), Eric Clive (since 2000) (Edinburgh), Ulrich Drobnig (Hamburg), Carlos Ferreira de Almeida (Lisbon), Sir Roy Goode (Oxford), Arthur Hartkamp (Den Haag), Ewoud Hondius (Utrecht), Konstantinos Kerameus (Athens), Ole Lando (Copenhagen), Hector MacQueen (Edinburgh), Fernando Martinez Sanz (Castellón), Bryan McMahon (Dublin), Willibald Posch (Graz), André Prüm (since 1999) (Nancy), Jan Ramberg (Stockholm), Matthias E. Storme (Ghent), Denis Tallon (Paris), Thomas Wilhelmsson (Helsinki), Claude Witz (Saarbrücken), Reinhard Zimmermann (Hamburg).

5. Reiner Schulze, The European Contract Law-Current developments since the action plan of the European Commission, in: Jian Mi, Tong Zhang (eds.): European Union Law and European Integration, Law Press China, 2009, pp. 65–77.

6. Ole Lando and Hugh Beale (eds.), Principles of European Contract Law, Part 1. Performance, Non-performance and Remedies, Dordrecht 1995. Reinhard Zimmermann, Konturen eines europaeischen Vertragsrechts, Juristenzeitung 1995, p. 477, ff.

7. The PEC L Parts I and II were published by Kluwer Law International, Netherlands in 1999.

8. The PECL Parts I and II, Part III was published by Kluwer Law International in 2003.

9. The PECL are stated in the form of articles with a detailed commentary explaining the purpose and operation of each article. In the comments there are illustrations, ultra short cases which show how the rules are to operate in practice. Each article also has comparative notes surveying the national laws and other international provisions on the topic.

10. Christian von Bar, Ole Lando and Stephen Swann, Communication on European Contract Law: Joint Response of the Commission on European Contract Law and the Study Group on a European Civil Code, European Review of Private Law 2(2002), pp. 216–221.

11. For more on this topic: Reinhard Zimmermann, Ius Commune and the Principles of European Contract Law: Contemporary Renewal of an Old Idea, in: Hector L. MacQueen, Reinhard Zimmermann (eds.), European Contract Law: Scots and South African Perspectives, Edinburgh University Press, 2006, p. 1 ff.

12. Most recently the European Parliament resolution on European contract law and the revision of the acquis: the way forward (2005/2022(INI)), adopted on 23.03.2006.

13. Communication from the Commission to the European Parliament and the Council of 12.02.2003, A More Coherent European Contract Law — an Action Plan, COM (2003) 68 final.

14. Resolution of the Council of 22.09.2003 on the Action plan, OJ C246/01 of 14.10.2003.

15. Horst Eidenmueller,Florian Faust, Hans Christoph Grigoleit, Nils Jansen, Gerhard Wagner und Reinhard Zimmermann, Der Gemeinsame Referenzrahmen fuer das Europaeische Privatrecht, Juristen Zeitung, 11/2008, pp. 530–532.

16. Christian von Bar, Eric Clive and Hans Schulte-Nölke (eds), Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law — Draft Common Frame of Reference: Sellier European law publishers GmbH, Munich, 2009.

17. The Study Group of a European Civil Code has been established under the leadership of Professor Christian von Bar, University of Osnabrueck Germany and comparative studies and ensuing drafts of a code are now carried out in centres. A centre in Hamburg in Germany is the Max Planck Institut fuer auslaendisches und internationales Privatrect. It is dealing primarily with personal security and with secured transactions relating to moveable property (mortgage in moveables, retention of title, etc). The Hamburg centre and the Zentrum fuer europaeisches Recht at the University of Innsbruck in Austria is dealing with insurance contracts. A centre in Osnabrueck in Germany is treating rules on torts, unjust enrichment and negotiorum gestio. Centres in Amsterdam, Utrecht and Tilburg in the Netherlands are working on sales, long term contracts and contracts for the renditions of services, such as construction contracts and services rendered by professionals (lawyers, doctors, accountants). A centre in Salzburg Austria is treating transfer of property in moveable goods. A centre in Edinburgh is planned to deal with trusts and a centre in Paris with money loans.

18. On the Acquis-Group, which is participating in this preparation: http://www.acquis-group.org.

19. The Joint Network of Excellence was founded in May 2005, comprises several Universities, Institutions and other Organizations, as well as more than 150 researchers operating in all EU Member States. The Network encloses several groups. These are: The Study Group on a European Civil Code; The Research Group on the Existing EC Private Law(or Acquis Group); The Project Group on a Restatement of European Insurance Contract Law(or Insurance Group); The Association Henri Capitant together with the Société de Législation Comparée and the Conseil Supérieur du Notariat; The Common Core Group; The Research Group on the Economic Assessment of Contract Law Rules (or Economic Impact Group, TILEC — Tilburg Law and Economics Center); The "Database Group"; and The Academy of European Law (ERA).

20. For example Christian von Bar, Vom Europaeischen Vertragsrecht zum Europaeischen Vermoegensrecht, in: Reiner Schulze, Schulte-Nölke and Bernadeau (eds.), European Contract Law in Community Law, Cologne, 2002. pp. 263–266.

21. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Common European Sales Law Com (2011) 635 final, p.1.

22. Green Paper from the Commission on policy options for progress towards a European Contract Law for consumers and businesses, COM (2010) 348 final, 1. 7. 2010.

23. Christian Twigg-Flesner, 'Good-Bye Harmonization by Directives, Hello Cross-Border only Regulation?' — A way forward for EU Consumer Contract Law, ERCL 2/2011, p. 236.

24. Proposal for a Regulation of the European Parliament and of the Council on a Common; European Sales Law Com (2011) 635 final, recital 2.This Proposal is prefaced with an Explanatory; Memorandum (Explanatory Memorandum) from the Commission and contains two annexes: Annex 1 containing the CESL and Annex II containing the 'Standard Information Notice'.

25. Simon Whittaker, The Proposed 'Common European Sales Law': Legal Framework and the Agreement of the Parties, The Modern Law Review (2012) 75(4), p. 582.

26. Some Issues on the Unification of Civil Law of Japan, China and Korea, in Qu Tao(ed.) : Chinese-Japanese Civil and Commercial Law Review, Vol.4, Law Press China, 2006. pp. 3–17.

27. Shiyuan Han, Contract Law of Europe, China and East Asia, in: Collection of Essays for the Forum "Harmonization of European Private Law and Its Impact in East Asia", Oct. 10.2009, p.100.

28. Shiyuan Han, Principles of European Contract Law, in: Huixing Liang (ed.), Civil and Commercial Law Review, Vol.12, Law Press China, 1999, p. 847.

29. Yan Zhu, Principles of European Contract Law III, in: Huixing Liang (ed.), Civil and Commercial Law Review, Vol.30, Law Press China, 2004, p. 651.

30. Tong Zhang, Illustrative draft of possible structure of the Code/Principles, especially for Books I to III, in: Shuanggen Zhang, Shiyong Tian and Hongliang Wang (eds.), Archiv fuer Chinesisch-Deutsches Privatrecht, Vol. 6, 2010, Peking University Press.

31. Chao Tang, Shuangwei Zou, Lairu Li, Ying Cui and Shiyun Pan, Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law, Draft Common Frame of Reference(DCFR), in: Huixing Liang (ed.), Civil and Commercial Law Review, Vol.43, Law Press China, 2008, p. 501. Gao Shengping, Principles, Definitions and Model Rules of European Private Law-Draft Common Frame of Reference(Outline edition), China Renmin University Press, 2012.

32. Guangyu Ding, Cairan Yang and Guifeng Ye aslo translated the book "Good Faith in European Contract Law "(wrote by Reinhard Zimmermann and Simon Whittaker), Law Press China, 2005; Ye Wu translated the book "The Interaction of Contract Law and Tort Law and Property Law in Europe"(ed. by Christian von Bar and Ulrich Drobnig), Law Press China, 2007.

33. Shiyuan Han, The Road to Harmonization of East Asian Contract Laws from the Perspective of PECL, in: Tao Qu (ed.): Chinese-Japanese Civil and Commercial Law Review, Vol.4, Law Press China, 2004. pp. 198–209.

34. Haiyan Xu, Academic Review about the Enacting of European Civil Code, Contemporary Law, 2/1999; Fei Zhang, Debate on European Civil Code, in: Qinghua He (ed.), Study on History of Legal Culture, Business Press China, 2004; Yan Zhu, Be in History, Reality and Ideal–Review of the Principles of European Contract Law, in: Huixing Liang (ed.), Civil and Commercial Law Review, Vol.30, Law Press China, 2004; Junwei Fu, Review of the Draft of European Civil Code, in: Huixing Liang (ed.), Civil and Commercial Law Review, Vol.43, Law Press China, 2008; Tong Zhang, The Harmonization and the Codification of European Private Law in the Process of European Integration, Journal of Comparative Law, 1/2008; Tong Zhang, Dream or Reality? An Exploration on the Fate of European Civil Code, Cross-Strait Law Review, 3/2009; Tong Zhang, On the latest Development of the European Contract Law, Journal of Comparative Law, 2/2009.

35. Tong Zhang, Study of the Unification of European Private Law, China University of Political Science and Law Press, 2012; Zhiming Fan, Study on the Integration of European Contract Law, Law Press China, 2008.

36. For Example the College of Comparative Law at China University of Political Science and Law has offered the course of European Contract Law and European Private Law for the master students.

37. Hai Shiyuan, European Contract Law, Chinese Contract Law and East-Asia Contract law, Asia Private Law Review No.3, 2009, pp. 281–284.

38. Naoki Kanayama, Challenge to PACL, in Collection of Essays for the Forum “Harmonization of European Private Law and Its Impact in East Asia”, Oct. 10.2009. p. 1–3.

39. Lee Young June, Ideas on Harmonization of Law on Sale of Goods in East Asia: General Standard Contract, <Collection of Essays for the Forum “Harmonization of European Private Law and Its Impact in East Asia”>, Oct. 10.2009. pp. 32–37; Lee Young June, Basic Guideline for Principle of East Asia Contract Law, Asia Private Law Review No.3, 2009, pp. 343–350.

40. Kim Sang Yong, The Possibility of Restoration and Creation of ius commune in the North East Asian Region, in Collection of Essays for the Forum “Harmonization of European Private Law and Its Impact in East Asia”, Oct. 10.2009. p. 8–17.

41. Tong Zhang, On the Latest Development of the European Contract Law, Journal of Comparative Law, No.2, 2009, pp. 96–97.

42. Hai Shiyuan, The Road to Harmonization of East Asian Contract Laws from the Perspective of PECL, in Qu Tao(ed.): Chinese-Japanese Civil and Commercial Law Review, Vol.4, Law Press China, 2006. p. 198–209.

Tong Zhang, D.Sc.(in law), Professor, Director of the Institute of European Law, College of Comparative Law at China University of Political Science and Law. Beijing, PRC.

Тон Чжан, доктор юридических наук, профессор, директор Института европейского права Колледжа сравнительного правоведения, Университет политики и права Китая, г. Пекин, КНР.

УДК 342.3(510)

© Цао Яксин, Сун Юян

ВЕРХОВЕНСТВО ЗАКОНА ПРИ ВОССТАНОВЛЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕГИТИМНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЕ

С точки зрения исторического аспекта верховенство закона усиливает легитимность китайского правительства и КПК и на современной основе добавляет им вес традиционной законности. Трансформация китайского правительства и КПК от традиционной к современной модели позволяет повысить доверие общественности к китайскому будущему.

Ключевые слова: законность, китайское правительство, современная модель, обеспечение правовой системы.

Cao Yaxiong, Sun Yiyang

RULE OF LAW AT RECONSTRUCTING OF POLITICAL LEGITIMACY IN CONTEMPORARY CHINA

From the theoretical aspect, rule of law reinforce the legitimacy of the Chinese government and the CPC, makes it based on modern foundation, which in turn supplement traditional legitimacy. The transformation of Chinese government and the CPC from tradition to modern model, let accept and enhance the confidence of the public to Chinese future.

Keywords: legitimacy, the Chinese government, modern model, promotion of legal system.

In October 2014, the 4th plenary session of 18th Central Committee of communist party of china deliberated and approved «The decision on a number of important issues in relation to comprehensively advancing the rule of law.» This is the first time for the party to discuss specially the issue of legal since its foundation in 1921. the document puts forward the general target is to form a system serving «the socialist rule of law with Chinese characteristics» and build a country under «the socialist rule of law», emphasizes to ensure the leadership of CPC in «the socialist rule of law with Chinese characteristics», and set the major tasks to improve a socialist system of laws with Chinese characteristics, in which the Constitution is taken as the core, to strengthen the implementation of the Constitution, to promote administration by law, to speed up building a law-abiding government, to safeguard judicial justice, to improve judicial credibility, to promote the public awareness of rule of law, to enhance the building of a law-based society, to improve team building and to sharpen the CPC's leadership in pushing forward rule of law. In some sense, the document is the systematization and summarization of law thought of the CPC for 65 years, it is also the summarization and promotion of legal system construction theories and practice in china, esp. since the reform and opening up. Later Chinese president Xi Jinping summarized Chinese thought of governing a state as «Four comprehensive strategic layout», while comprehensively implementation the rule of law is its key content. until now,

much more discussion and concern have been center on this issue, a lot of paper have been published on the its background, its main content, the relation between constitution and governing a state, the constitution and the CPC, the specific measures and path of rule by law, the significance and rule of law and the innovation in this document. In general, the explanation of the party's document constitute the majority of the papers, and law experts' suggestion and advice on the path, system and policies of rule the nation by law also occupy a high proportion. While there are few analyses start from the aspect of politics. To some extent, rule of law is not a pure legal issue, it is on the political level. it concerns the notion of governing a nation, determines institutional design, concerns the mechanism of governance and legitimacy of the government. One cannot analysis rule of law limited in the scope of law, it will go to the extreme of legal technologelism, and cannot make clear what it is, why it is and how to do with it. From Chinese political tradition of the CPC, we know that only those very important and related to the direction or development strategy issue can be discuss its plenary session .so it is suitable to understand the significance and content of rule of law from the level of politics and governance. Considering Wang qishan referring to the legitimacy of the CPC for the first time in the history of the CPC when talking about anti-corruption (wang is the permanent member of political bureau of the central committee of the CPC and the director of Central Committee for Discipline Inspection of the Communist Party of China).the paper try to analysis the rule of law from the aspect of political legitimacy.

1. Legitimacy and political legitimacy in china

In political science, legitimacy refer to the popular acceptance of an authority, usually a governing law or a regime, whereby authority has political power through consent and mutual understandings, not coercion. In many occasion the «authority» means an established government or an institution such as political party. Political legitimacy is considered a basic condition for governing, a very important and precious resource for an authority. it concern the existence of the authority, the cohesion of one nation, the stability of political situation, the subsistence of one kind of system, the efficiency implementation of policies ,and the governance capability. Just because of its importance, legitimacy was discussed by many thinkers all the time. British social philosopher John Locke (1632–1704) said that political legitimacy derives from popular explicit and implicit consent of the governed: " The argument of the [Second] Treatise is that the government is not legitimate unless it is carried on with the consent of the governed. " [1] The German political philosopher Dolf Sternberger said that «legitimacy is the foundation of such governmental power as is exercised, both with a consciousness on the government's part that it has a right to govern, and with some recognition by the governed of that right.»[2] The American political sociologist Seymour Martin Lipset said that legitimacy also «involves the capacity of a political system to engender and maintain the belief that existing political institutions are the most appropriate and proper ones for the society.»[3] The American political scientist Robert A. Dahl explained legitimacy as a reservoir; so long as

the water is at a given level, political stability is maintained, if it falls below the required level, political legitimacy is endangered. [4]

Max Weber is the first person who systematically analysis legitimacy as a social phenomena, he classified legitimacy into three types, that is traditional authority, charismatic authority and Legal-rational authority. According to Weber's viewpoint, legitimacy in modern society mainly features Legal-rational authority, which is based on the respect to the rational and lawful system. [5]

Later a lot of scholars discuss legitimacy. Jurgen Habermas criticized capitalism encounter a serial of crises, and defined legitimization crisis as an institution or organization does not have the administrative capabilities to maintain or establish structures effective in achieving their end goals [6]. Neo-Marxist Antonio Gramsci emphasis the ideology's function in the political legitimacy, cultural hegemony maintains the existence of capitalism. John Rawls, Hans Blumenberg, and Carl Schmitt also wrote books talking about this issue from different aspects and basing on different theories. They think that legitimacy came from the identity and obedience to social order and authority. They noticed the crisis of legitimacy in modern society and try to analysis and solve it.

In ancient China, intellectuals also discuss the stable of dynasty; they also put forward a serial of viewpoints on how to maintain the ruling of emperor. Such as divine right of kings, emperor and official should have virtue and benevolence, impartiality and cleanness etc, but modern meaning of legitimacy was borrowed from western in the end of 1970s.before 1990, this topic just limited on the academic circle, but after the collapse of Soviet Union, more and more books and papers discuss this topic. except for broad introduction of foreign theories, such discussion concentrate on the construction and governing of the CPC, social transformation and social stable, modernization and political development, Marxism and cultural legitimacy, political reform and public administration. These year, with the deepening of reform and research, with the expansion of financial crisis, more and more scholars and officials involved into legitimacy exploration, such as the bases and source of legitimacy, the crisis of legitimacy, and measures to enhance the legitimacy of the government ad the CPC.

as each author's understanding is not the same completely, In order to analysis the legitimacy, this paper try to describe the political legitimacy as most of them are tend to the acceptance of the authority of government and the CPC and maintain their governing, and summarized factors that influence the legitimacy as the following: historic legitimacy, ideological legitimacy, governance performance, procedural legitimacy, social value legitimacy(democracy) and Legal — rational authority (rule by law).

2. The political legitimacy crisis in contemporary china

China is a nation with 56 ethnic groups, each group have their own histories and traditions. During the long history, the majority Han and different minority have very complicated relations, to realize the identity of Chinese nation and Chinese state is a very tough job for any government. Furthermore,

china is a country with large territory; diversified geomorphic features, different resource endowment and development level make the tough job more difficult. That's why in china's history, unification was always interweaved with split. In the end of 19 century, china was forced to be a semi-colonial and semi-feudal society and face the fate of national subjugation and genocide. Led by the CPC, through decades of zigzag and tortuous struggle, china realized the liberation and establishes new china. But how to build a socialist country from a «poor and blank» semi-colonial and semi-feudal society is great challenge for the governing Chinese communist party. The young china take great efforts to solve crisis of political legitimacy encountered. Firstly, armed the people with Marxism and communism, and promise a bright future for the people who offer the ideological legitimacy for the government and the CPC. Secondly, the CPC lead the Chinese people overthrew the imperialism, feudalism and bureaucratic capitalism and realized the liberation of the whole nation, which acquired historical legitimacy. During the socialist transformation and construction, china made great progresses in the field of economy, politics and culture, such as people's life standard, medical and healthcare, the infrastructure, armed forces and defense, art, literature, education, science and technology, international status. these achievements though is not so special according today's standard, but it is not so easy in the situation of that time ,the Chinese People are proud for this achievement and support the government and the CPC honestly. That's why even though Chinese government and the CPC made some big mistakes, but they still didn't lost its political legitimacy, which guaranteed a stable political situation and china's sustainable development for almost 30 years.

In the end 1970s, china take the policy of reform and opening up, the struggle for socialist modernization and try to retrieve the loss of «cultural revolution» become a strong driving force for the people, this offer strong ideological legitimacy for the government and the party. While great progress in many field esp. unprecedented long term high economic growth rate and improvement of people life reinforce the identity with the government and the CPC. These in turn created a good atmosphere for deepen reform and opening up.

But things aren't always the same. In 1990s, with the globalization, there emerged the third wave of democracy in the world. The advance of market economy and Cultural Diversity gradually dissolve ideological legitimacy of Marxism and socialism. The young generation is not interested in politics, concern more about their own success and well-being, individualism gradually become more popular. while the collapse of former soviet union destroy the good memory of Marxism and socialism, some people think that socialism is a great evil, its history is a big mistake, which was against the trend of the times, this kind of history should be end [7]. In a period, to disclose the evil, distort the history and smear Chinese leader became a fashion, in some people's minds, Chinese government and the CPC gradually lost its historic legitimacy. The student movement in 1989 is actually the climax. The situation still the same until now, maybe is more severe. But fortunately, during the reform and

opening up, Chinese economy grow rapidly and constantly, people's live improved greatly, Chinese international status raised rapidly, which consolidate the decrease of legitimacy of the government and the CPC. So even though china encountered some disorders, on the whole, it still keeps stable and effective governance.

Entering 21 century, the social gap in china become more and more severe. according to the statistic, the Geni index in china high up to 4.7, housing price, medical care, education, food safety, pension and unemployment become a heavy burden for ordinary people, their life become harder than ever, while the shortage of nature resource and the environment pollution smash people's hopes. This situation counteracts government bright economic performance. Financial crisis in 2008 give Chinese economy a hard strike. Event though Chinese government input 4 billion Yuan to stimulate economy growth, and also have a short time improvement in economy, but this policies deteriotirate unreasonable economic structure and industrial structure. Since 2013, Chinese GDP slow down under 7 %,which is the first time for 30 years and enter into period of a so — called «new normal» economy. China encounters an unprecedented challenge of government performance legitimacy.

In one words, today, Chinese government and the CPC encounter the most severe traditional political legitimacy since 1949.In one hand, its traditional legitimacy such as historic legitimacy and ideological legitimacy gradually decrease, on the other hand, the government performance, esp. its pervasive corruption and social unfair make the public lost the faith to the government and the CPC. The slowdown of economy growth becomes the last straw for its legitimacy. How to consolidate and reinforce political legitimacy is a primary task for new generation leader of Chinese government and the CPC.

3. How the Rule of law reinforces Chinese political legitimacy

Facing severe economic hardship, in order to realized the modernization in the middle of 21 century, china have not way to retreat, but only through deepening comprehensive reform and opening up. In 2013, the CPC held the 3rd plenary session of 18th central committee and pass «Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform», which is actually a blueprint for the next ten years of socialist construction and reform. During last 30 years reform, with the pluralism of economic structure and interest structure, social structure and ideas in china today are also very diversified, a special interest group was emerged, which enlarge social gap and harmful for the construction of harmonious society and socialist tenet. Reform have enter a deep water area [8], it need to break existing interests structure. The purpose of deepening reform is to realize the stable and sustainable development. While the international and internal situation determines that reform is an extraordinary tough task for the nation. It needs china to form a consensus on reform and reinforce political legitimacy. For these reason, the Chinese government and the CPC have taken a serials of measures within these years. For example, through books, papers, exhibition, internet, television and movies to narrate and propaganda the glory history of the CPC and the government,

through refuting historical nihilism and enhance the historical legitimacy. Putting forward Chinese dream and systemizing socialism with Chinese characteristics, refuting neo-liberalism and democratic socialism, try to reinforce theoretical legitimacy. Summarizing the mainstream socialist core value, refuting universal value and democratic socialism and other different kind of wrong thought trends to improve the social and cultural legitimacy. Promoting

Scientific level of governance system and governance capability and economic achievement to consolidate performance legitimacy. Though these measures really have some effects, but all these measures seem to concentrate on traditional political legitimacy, and too much propaganda incur the public tiresome even some strong aversion. How to get new and strong political legitimacy facing the new situation of china and world is an urgent task for Chinese government and the CPC.

The opening of the 4th plenary session of 18th CPC Central Committee of communist party of china and the arrival of «The decision on a number of important issues in relation to comprehensively advancing the rule of law» blazes a new path for reinforce their political legitimacy. To some extend, it is a modern style of legitimacy for the nation, if it can be carried out, the political legitimacy of Chinese government and the CPC may greatly improved and safeguarded. This part wills analysis why and how the rule of lay can do that.

Firstly, the decision make clear rule of law as the foundation of the governance of the nation and administration[9].that's means that law is not a method to do thing ,but a way of governance. This is the first for the CPC and the government to put forward this kind of idea, that's means that they begin to abandon the rule by man, but replaced by rule of law. Law enjoys the supreme position compared with others. Honestly to say, it is not so easy for china. as we know, china made statutory law 2000 years ago, and the ruler had implemented law almost the same time, furthermore, ancient china have emerged a serial of law theories and thoughts. But because of the emperor supreme power, ancient china still control by few people, and rule by man became the tradition. after the CPC came to power, it made the constitution and a serial of law, people's legal consciousness enhance to some degree, but as the legal system is not so perfect, and the leader of CPC and government often think law as the tools of capitalist, so the function of law concentrate on how to safeguard the democratic dictatorship, seldom used to regulate economic relations and civil rights, the political power overwhelming legal power. The Cultural Revolution broke up the legal system completely, which reinforce the rule of person. After the opening up and reform, Chinese government begin stress legal system construction, constitution was modified, a lot of old law was canceled, added or modified, more important, a lot of new civil and economic law were made which satisfied the need of socialist market economy. Legal system gradually perfected. But law is still used as tools to adjust social relations, attached to political system, so its essence is rule by law but not of law.

The Decision of t4th plenary session of 18th Central Committee of communist party of china put forward new notion of rule of law ,which is the first time in the history of china, it is a new revolution for Chinese governance. the Decision emphases the supreme of the institution, calls on perfect socialist legal system which centralized on constitution, reinforce the implication of constitution. the Decision also stress the highest authority of constitution, says that everyone should be equal before the constitution, everyone, each organization, all parties and government should be the model of obeying the constitution. Furthermore, the Decision also specifies its special procedure to establish, modify and abolish the constitution, which assure its highest authority.

• Secondly, the Decision declares the legitimacy of the CPC. before that, the CPC's position is prescribed in the party's constitution, it is very clear and easy to understand, but as a very important organization in china, its legitimacy cannot be originated from its own constitution. In the early times. We often described the CPC's legitimacy from its glory history, its bright and reasonable purpose and strict discipline and selfish-less, it really did work. But with time flying away, the historic legitimacy also dim away, lost its noble and all kinds of halo, how to realize the scientization of the CPC becomes a tough project. The Decision is timing, it make clear the relation between the CPC and the law. It said the CPC should strengthen the leadership of legal system construction, maintain the dignity and authority of the constitution, obey the law and according the law to realize the governance. moreover, to intensify the internal party legal system construction, improve cadre's legal thinking and legal implication. Through this way, we can put the CPC into the legal system, which assure the legitimacy of the party. that's mean the legitimacy of the CPC have avoid the traditional influence, but on the bases of legal system, how to assess its function and its performance and how to governing the party also based on the law, but not the decision of the party leader collectives charming and abilities, realized the party's transformation from traditional party to modern party.

Thirdly, the decision makes clear the procedure legitimacy of the government and the party. Procedure justice is very important for the legitimacy of the government or the party. And it is easy to feel by the people. In the old day, we pay more attention to the legitimacy of standpoint and result legitimacy, such as the scientific theory, holy purpose, noble ethics and good performance. Frankly speaking, these are very important to explain the source of legitimacy, but without procedure, how to safeguard good result, how to assess the standpoint is truly good or bad. During the reform and opening up, china pay some attention to the legitimacy of procedure, but stressed on the political and administrative procedure, which is still compulsory and less objectively. So even though the government says it procedure is right but the public still skeptical about that. the Decision for the first time emphasis the legal procedure, such the formulation and modification of constitution, the administration of the government, the policy making and how to run the party, how to perfect and run the legal system. These items make almost any field of

live on the legal procedure, which no only safeguard its efficiency, but also endow them the legitimacy of procedure. And vice versa, reinforce the legitimacy of rule of law.

4. Conclusion: future Rule of law

From the theoretical aspect, Rule of law reinforce the legitimacy of the Chinese government and the CPC, makes it based on modern foundation, which in turn supplement traditional legitimacy, such as historical legitimacy, achievement legitimacy, more important, rule of law reinforce the moral legitimacy and practical legitimacy, make the public understand that the government and the CPC is not only historical existence, but also have its legal foundation and procedure justice. these is very important for get the consensus for the government and the CPC deepening comprehensively reform and overcome very severe contradiction, moreover, it help to realized the transformation of Chinese government and the CPC from tradition to modern model, which on the other aspect enhance the their legitimacy. more importantly, this kind of legitimacy also counteract the disappointment of slowing down economic achievement and let the public accept the new normal, and enhance the confidence of the public to Chinese future comparing with foreign nation's performance. But this is just theoretical analysis.

But if the rule of law really reinforces the legitimacy still need waiting. as the legal system is still imperfect, and the government and the CPC still enjoy supreme authority, the lay making state organ, the national people's congress's authority still unclear and its member structure still concentrate on few political and economic élites, and the legal consciousness of the public still weak, we cannot imagine it will reinforce the actual legitimacy at once. Moreover, if the rule of law can be fulfill smoothly, the public may suspicious its motivation, just endow the governance formal legitimacy, which in fact harmful for the legitimacy for Chinese government and the CPC.

Reference

1. Ashcraft, Richard (ed.): John Locke: Critical Assessments (p. 524). London: Routledge, 1991

2. Sternberger, Dolf: «Legitimacy» in International Encyclopedia of the Social Sciences (ed. D. L. Sills) Vol. 9 (p. 244). New York: Macmillan, 1968

3. Lipset, Seymour Martin: Political Man: The Social Bases of Politics (2nd ed.) (p. 64). London: Heinemann, 1983

4. Dahl, Robert A. Polyarchy: Participation and Opposition (pp. 124–188). New Haven (Connecticut) and London: Yale University Press, 1971

5. Charlton, Roger: Political Realities: Comparative Government (p. 23). London: Longma, 1986

6. Habermas, Jün rgen (1975). Legitimation Crisis. Boston: Beacon Press

7. Francis Fukuyama (1992). The End of History and the Last Man. Free Press

8. Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform

9. Decision of the Central Committee of the Communist Party of China on Some Major Issues Concerning Comprehensively Deepening the Reform

10. Schmitt, Carl: Legality and Legitimacy (Jeffrey Seitzer translator). Durham (North Carolina): Duke University Press, 2004

11. Sandby-Thomas P. How do you solve a problem like legitimacy? Contributing to a new research agenda [J]. Journal of Contemporary China, 2014, 23(88): 575–592.

12. Darr B J. Nationalism and state legitimation in contemporary China[J]. 2011.

13. Hwang Y J, Schneider F. Performance, Meaning, and Ideology in the Making of Legitimacy: The Celebrations of the People's Republic of China's Sixty-Year Anniversary [J]. China Review, 2011: 27–55.

14. Gilley B, Holbig H. In Search of Legitimacy in Post-Revolutionary China: Bringing Ideology and Governance Back[J]. 2010.

15. Holbig H, Gilley B. In search of legitimacy in post-revolutionary China: Bringing ideology and governance back in[J]. 2010.

16. Tong Y. Morality, benevolence, and responsibility: Regime legitimacy in China from past to the present[J]. Journal of Chinese Political Science, 2011, 16(2): 141–159.

17. Weatherley R. Politics in China since 1949: Legitimizing authoritarian rule[M]. Routledge, 2007.

18. Heberer T, Schubert G. Political reform and regime legitimacy in contemporary China[J]. Asien, 2006, 99(9): 28.

Cao Yaxiong, Professor of political science, Wuhan University, Hubei, China 430072. E-mail: cao yaxiong@whu.edu.cn

Sun Yiyang, PhD, Wuhan University, China school of political science and public administration, Wuhan University, Luojia hill, Wuhan University, Wuchang, Wuhan, Hubei province, China 430072.

Цао Яксин, профессор политических наук, Университет г. Ухань, провинция Хубей, КНР, 430072.

Сун Юян, Университет г. Ухань, Китайская школа политологии и государственного управления, Люося Хил, Учан, провинция Хубей, КНР, 430072.

УДК 347.77(510)

© **Чэнь Си**

КРАТКИЙ АНАЛИЗ ОСОБЕННОСТЕЙ И ДИНАМИКИ РАЗВИТИЯ ЗАКОНА КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ «О ПАТЕНТАХ»

Патентный закон Китая был разработан в 1984 г. и в настоящее время действует с изменениями от 4 сентября 1992 г., 25 августа 2000 г. и 27 декабря 2008 г. Действующий закон Китайской Народной Республики «О патентах» принят на 11-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 6-го созыва 27 декабря 2008 г. В настоящее время в работе государственного управления по делам интеллектуальной собственности КНР (ГУИС КНР) находится проект изменений в закон КНР «О патентах», которые будут четвертыми. В статье представлен краткий обзор действующего закона Китайской Народной Республики «О патентах» и анализ проекта изменений.

Ключевые слова: *патентный закон, проект изменений, патент, интеллектуальная собственность, патентное право.*

Chen Xi

SHORT ANALYSIS OF FEATURES AND DYNAMICS OF THE DEVELOMENT OF THE LAW OF PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA "ON PATENTS"

The patent law of China was developed in 1984 and now it works with amendments adopted on September 4, 1992, on August 25, 2000 and on December 27, 2008. The current law of People's Republic of China " On patents" was adopted at the 11th session of Permanent Committee of the National Congress of People's Representatives of the 6th convocation on December 27, 2008. Now there is a project of amendments to the Law of the People's Republic of China "On patents" in the work of public administration for intellectual property of the People's Republic of China (PAIP of the PRC) which will be the fourth one. The short review of the current Law of the People's Republic of China "On patents", the analysis of the main amendments is presented in the article.

Keywords: patent law, project of changes, patent, intellectual property, patent right.

Несмотря на то, что с разработки закона КНР «О патентах» прошло около 30 лет, он достиг стандартов патентных законов развитых стран. Несомненно, современное патентное законодательство разных государств имеет отличительные особенности, это безусловный выбор каждой страны в разработке национальной современной патентной системы. Чем же отличается патентное законодательство Китая от патентного законодательства других государств? Авторская позиция ответа на поставленный вопрос изложена в настоящей статье в двух разделах:

В первом разделе кратко представлен анализ действующих норм закона КНР «О патентах», в том числе основных направлений защиты патентного права — административной и судебной защиты.

Административная и судебная защита в качестве способов защиты прав патентообладателя от потенциального нарушителя установлена первым патентным законом Китая 1984 г., за административную защиту патентного права отвечают патентное ведомство и таможня. Патентное ведомство правомочно потребовать от правонарушителя прекратить посягательства на патентные права по заявлению правообладателя, определять сумму компенсации, определять дальнейшую юридическую судьбу ложного патента, ложного обозначения и т. п.

Задача таможни состоит в следующем: предотвращение ввоза на территорию страны товаров, использующих чужие патенты, нарушающие права правообладателей торговых марок, нарушающие авторское право. Административная защита патентного права является наиболее активной и эффективной, поскольку орган патентного регулирования по результатам разбирательства может издать распоряжение о немедленном прекращении противоправных действий.

Судебная защита предполагает утомительный процесс: сложность доказывания нарушения исключительных прав, высокая себестоимость. Однако несомненным преимуществом судебной защиты нарушенных прав интеллектуальной собственности является детальное и объективное разбирательство.

Учитывая анализ сложившейся практики по защите прав патентообладателей в Китае, можно сделать вывод о том, что защита прав на интеллектуальную собственность по двум указанным направлениям соответствует особенностям патентного права, является обоснованно эффективной, способствующей последовательному развитию патентной системы Китая.

Закон КНР «О патентах» предусматривает следующие виды патентов: патент на изобретение, патент на полезную модель, патент на промышленный образец.

Патент на изобретение — это новое техническое решение, относящееся к продукту, способу или усовершенствованию продукта или способа, предполагающее высокую технологичность и большой творческий труд изобретателя.

Патент на полезную модель — это новое техническое решение, относящееся к форме, структуре или сочетанию этих двух элементов.

Промышленный образец характеризуется любым новым очертанием формы, конфигурации, цветом или сочетанием этих элементов в продукте, который создает эстетическое впечатление и пригоден к промышленному применению.

Законодатель КНР устанавливает следующий порядок определения приоритета изобретения: в случае подачи заявки на идентичное изобретение двумя лицами патентные права предоставятся лицу, подавшему заявку

первым. Исходя из этого, день подачи заявки является важным критерием, определяющим приоритет заявителей.

В том случае если заявители подали заявку в один и тот же день, они должны достигнуть соглашения, по которому один из них признается первым заявителем, а другие — совместными заявителями. В таком случае заявители обладают патентным правом в совместной собственности. Если же заявители не достигли соглашения, то патентные права не предоставляются ни одному из претендентов.

Действующим законом достаточно подробно урегулировано установление отечественного и международного приоритета. Цель установления такого приоритета заключается в том, чтобы установить, кто первым из заявителей создал изобретение, устранить возможность подавать заявление и регистрировать право на патент плагиаторам в других странах. Законом предусмотрен приоритет отечественный и международный.

Отечественный приоритет подразумевает, что заявитель, первым подавший заявку на изобретение или полезную модель в Китае, в течение 12 месяцев с даты подачи заявки имеет право приоритета перед подающими позднее заявку в государственное управление по делам интеллектуальной собственности Китая на аналогичный патент. Данные правила не распространяются на выдачу патента на промышленный образец.

Международный приоритет устанавливает, что, если в течение 12 месяцев с даты подачи первой заявки на изобретение или полезную модель в зарубежных странах, а на промышленный образец в течение 6 месяцев, заявитель подает аналогичную заявку на получение патента на один и тот же объект интеллектуальной собственности в Китае, то такой заявитель пользуется правом приоритета.

Следующим этапом процедуры патентования является проведение экспертизы патентных заявок.

Существует двухэтапная система экспертизы патентных заявок на изобретения: предварительная экспертиза и экспертиза по существу.

Экспертиза по существу подразумевает, что при проведении экспертизы заявки патентное ведомство рассматривает не только формальное соответствие заявки критериям патентоспособности, но и важные элементы по существу, такие как новизна, творческая инициатива, практичность. Экспертиза заявки по существу устанавливает приоритет изобретения и может длиться от двух до четырех лет. В случае положительного решения экспертизы Управление по патентам Государственного совета КНР принимает решение о выдаче патента и производит регистрацию и официальную публикацию. Срок действия исключительного права составляет 20 лет с момента регистрации патентных прав.

Формальная экспертиза патентной заявки на полезную модель, как правило, длится около года, а на промышленный образец — от шести до восьми месяцев; срок охраны исключительных прав на патент составляет 10 лет с даты публикации.

Экспертиза по существу гораздо сложнее, чем формальная экспертиза, поскольку включает большой объем работы, основанной на стандар-

тах, и потому является длительной. В ходе проведения экспертизы по существу патентное ведомство имеет право направлять заявителю запросы о предоставлении дополнительных материалов. В случае несвоевременной подачи ответов на запросы ведомства либо неполноты этих сведений эксперт имеет право на отклонение заявки.

Во втором разделе статьи автором проанализированы основные изменения, которые предлагается внести в закон КНР «О патентах».

13 ноября 2011 г. Государственным советом КНР принято решение «О дальнейшей борьбе с нарушением прав интеллектуальной собственности и продажей поддельных и некачественных товаров». Как отмечено Госсоветом КНР, работа по борьбе с нарушением прав и подделками является долгосрочной, сложной и трудновыполнимой задачей. Необходимо создать и усовершенствовать долгосрочный эффективный механизм, пересматривать соответствующие законы и правила, ужесточить наказания, представить мощное правовое обеспечение эффективной борьбе с нарушением интеллектуальных прав и подделками.

По мере научно-технического развития, обострения рыночной конкуренции возникают новые проблемы и противоречия в патентной системе. В настоящее время нарушение патентного права является повсеместным явлением в Китае. При защите прав на патенты правообладателю приходится сталкиваться с такими проблемами, как сложность доказывания нарушения, длительность процесса разбирательства, высокая себестоимость, незначительные компенсации правообладателю за нарушение его исключительных прав. Перечисленные проблемы подорвали доверие патентообладателей к существующей патентной системе, только треть патентообладателей принимают меры в случае нарушения их исключительных прав на патент.

Исключить обозначенные проблемы, повысить эффективность реализации защиты прав патентообладателей и развития патентной системы КНР в целом призван проект изменений в закон КНР «О патентах».

Проект изменений в своей основе состоит из пяти частей. Статей, касающихся существенных изменений всего тридцать, в том числе изменение восемнадцати действующих статей, добавление новых одиннадцати статей, удаление одной статьи и добавление раздела «Осуществление и применение патентов». Кроме того, предполагается редактирование двух статей. Обобщенный анализ обозначенных выше изменений приведен ниже:

Во-первых, законодатель предлагает активизировать усилия по защите патентов, по защите законных прав и интересов правообладателей патентов. Усовершенствовать патентную систему с учетом национальной специфики, укрепить патентную защиту, интенсифицировать динамику правоисполнения. Основные рекомендации: усовершенствовать соответствующие правила доказательства, уточнить силу административного мирового соглашения, своевременно объявлять решение о недействительности заявки, добавить систему штрафных санкций за умышленное нарушение патентных прав, ужесточить наказание за поддельный патент, остано-

вить массовые нарушения прав интеллектуальной собственности посредством сети Интернет.

Во-вторых, содействовать реализации и использованию патента, оздоровить и усовершенствовать механизм применения запатентованной технологии, ориентированной на рыночный спрос. Основные рекомендации включают: договорный приоритетный принцип применительно к праву собственности изобретения, когда оно совершено материальными и техническими условиями организации. Разрешить изобретателю самостоятельно реализовывать изобретение и получать выгоды в соответствии с соглашением с работодателем. Учитывая опыт иностранных государств, ввести систему открытых лицензий на патенты, снизить затраты заявителей на выдачу патента, установить принципиальные положения по предотвращению злоупотреблений в сфере патентования.

В-третьих, реализовать принцип «Нет функции правительства без закона», ориентировать деятельность правительства на оказание услуг. Разграничить компетенции и функции государственных и местных административных ведомств по правам интеллектуальной собственности, определить доминирующим направлением в их деятельности информирование общественности в вопросах интеллектуальной собственности, а также содействие в вопросах применения патента.

В-четвертых, усовершенствовать систему патентной экспертизы, повысить качество патента. Расширить сферы патентной защиты, уточнить защиту в отношении части промышленного образца, отменить ограничения в получении патентной защиты диагностики и лечения болезней, способов разведения животных; добавить в систему отечественного приоритета патента промышленный образец, уточнить принципы повторной экспертизы и признания патента недействительным; продлить срок защиты прав патентообладателя на промышленный образец.

В-пятых, усовершенствовать правовое регулирование деятельности патентных поверенных, искоренить манипуляции недобросовестных поверенных — «черных агентов», развить работу ряда сервисных организаций по оказанию квалифицированных услуг по предоставлению информации в сфере патентной системы субъектам инновационной деятельности; оказать содействие для стимулирования изобретательской деятельности в Китае и здорового развития коммерциализации патентов.

Надеюсь, что проведенный мною краткий анализ действующего закона Китайской Народной Республики «О патентах», а также проекта последних (четвертых) изменений указанного закона поможет вам в понимании патентного закона Китая и его предстоящего развития.

Литература

1. Чжан Линь, Син Юэ Цин. Краткий анализ о назначении суммы компенсации за нарушение патентного права // Законность и общество. — 2010. — № 16.

2. Особенности «Патентного закона» Китая // Технологический фундамент национальной обороны. — 2007. — № 2.

3. Вэнь Хань Гуй. Система административной и судебной защиты. «Патентный закон» Китая // Законность и общество. — 2011. — № 6.

4. URL: http://www.sipo.gov.cn/zsjz/zhzs/200804/t20080418_383771.html

5. Подробные правила применения «Патентного закона» Китая. — 2010. — № 1.

6. Сунь Пинь-Фан. Роль и особенность «Патентного закона» Китая // Форум политики и права. — 1985. — № 2.

7. URL: http://blog.renren.com/share/253447156/14308861581

8. URL: http://www.xyzscq.com/shownews.asp?id=278

9. URL: http://www.sipo.gov.cn/ztzl/ywzt/zlfjqssxzdscxg/xylzlfxg/201504/t20150424_1107544.html

Чэнь Си, аспирант Университета политики и права Китая. КНР, г. Пекин.

Chen Xi, postgraduate, University of Policy and Law of China, Beijing, the PRC, Beijing.

УДК 347.1(510)

© **Джан Яньлон**

ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ О НЕПРАВОМЕРНОМ ДОСТУПЕ К ПЕРСОНАЛЬНЫМ ДАННЫМ ГРАЖДАН КНР

В последние годы в КНР случаи неправомерного завладения персональными данными граждан и предоставление за них третьим лицам денежных средств возрастают с каждым днем, что нарушает действующее законодательство о неприкосновенности и безопасности персональных данных. В 2009 г. внесена 7-я поправка в Уголовный кодекс КНР, добавляющая новые нормы о наказаниях за неправомерный доступ к персональным данным, которая должна была помочь в борьбе с этим явлением. Неправомерный доступ к персональным данным — это новый вид преступления, некоторые нормы которого еще требуют совершенствования, поэтому возникает множество проблем. В 2014 г. внесена 9-я поправка в Уголовный кодекс КНР, которая также добавила ряд новых положений. Цель настоящей статьи — проанализировать характер преступлений данного типа и сделать соответствующие выводы посредством изучения дел о неправомерном доступе к персональным данным граждан, по которым уже вынесено решение, более четко понять, что такое неправомерный доступ к персональным данным граждан, и одновременно проанализировать причину этого преступления, а также внести новые предложения в уголовное законодательство.

Ключевые слова: *правовое регулирование, уголовный кодекс КНР, законодательство, государственная политика.*

Zhang Yanlong

EMPIRIC RESEARCH ON THE ILLEGAL ACCESS TO PERSONAL DATA OF THE PRC CITIZENS

The cases of illegal possession of citizens' personal data and providing for them financial resources to the third parties have been recently increasing, that violates acting legislation on inviolability and safety of personal data. In 2009 the 7th amendment in the Criminal Code of the PRC was adopted, which added new norms of punishment for illegal access to the personal data. It has been supposed to help in the struggle against this phenomenon. The illegal access to the personal data is a new kind of crimes, some norms of it requires improvement, that is why many problems arise. In 2014 the 9th amendment in the Criminal Code of the PRC was adopted, which also added a set of new provisions. The aim of this article is to analyze the nature of this type crimes and make corresponding conclusions by means of studying the cases of illegal access to the personal data of citizens which have been already judged, to understand more clearly, what phenomenon is the illegal access to the personal data of citizens and at the same time to analyze the cause of these crimes, as well as to put forward new proposals in the criminal legislation.

Keywords: personal data, Criminal Code of the PRC, legislation, state policy.

I. Главные особенности неправомерного доступа к персональным данным граждан

Исходя из статистики и анализируя подобные дела, по которым уже было вынесено судебное решение, мы заметили, что у этого преступления есть следующие особенности:

1. Возраст: субъект преступления — обычно молодые люди. Изучив материалы дел 31 обвиняемого, мы заметили, что доля субъектов преступления, которые родились между 1980 и 1990 гг., занимает 87 %. При совершении преступления используется компьютер, поэтому преступления такого типа предпочтительны для молодых преступников, т. е. тех, кто обладает навыками работы с оргтехникой. Если рассматривать их профессии, в основном это сотрудники юридических компаний и работники сферы торговли, компаний по развитию культуры, консалтинга и сбыта, а также интернет-магазинов и индивидуальных предпринимателей.

2. Тип информации: во всех подобных делах фигурировали телефонные разговоры, переписка, информация о наличии собственности, автомобилей, а также записи расходов и т. д. По типу информация разнообразна. В 2010 г. дела, связанные с персональными данными, в основном включали в себя имя, телефон, суммы расходов. В 2011 г. появился новый тип: имя, телефон, адрес, списки вызовов, автомобильные номера и информация про автовладельца. В 2012 г. в качестве объекта посягательства фигурирует информация, касающаяся частной собственности.

3. Количество дел, связанных с неправомерным завладением персональными данными, ежегодно возрастает, и эта информация содержит в себе все больше и больше персональных данных граждан. В 2010 г. количество подобных дел составило около 5 000, а в 2011 г. возросло до 17 500, в 2012 г. количество дел достигло 4,42 миллиона. Общая численность подобных дел на сегодняшний день превышает 20 миллионов. Информацию, которую получают из дел такого типа путем неправомерного завладения, используют в основном для получения вкладов в банках, распространения товаров и незаконной рекламы. Около 65 % информации используется для ее последующей перепродажи, 31 % информации используется для телефонного распространения, 3,5 % информации — для незаконной рекламы.

4. Главным средством преступления является покупка, и оно постепенно превратилось научное и высокотехнологичное. Почти все торговые операции и иные формы работы с персональными данными граждан совершаются через Интернет либо иным электронным способом. Это приводит к тому, что персональные данные граждан распространяются быстрыми темпами.

II. Причина увеличения дел о неправомерном доступе к персональным данным граждан

Как показали вышеприведенные данные, количество дел о неправомерном доступе к персональным данным граждан неуклонно возрастает. С одной стороны, причина состоит в несовершенстве законодательства. Во-первых, в нем как на стадии выработки, так и после принятия существуют недостатки, и борьба с этими преступлениями ведется не всесторонне. В реальной жизни существует такое явление, как случайный доступ и передача персональных данных. Это явление не ограничивается мерами, регулируемыми законом. Чаще всего продавец персональных данных опаснее покупателя. Не хватает эффективных мероприятий по урегулированию данного нарушения. Во-вторых, положения, содержащиеся в законодательстве, не всегда четки, ясны и однозначны, что снижает эффективность правового регулирования. Законодатель до сих пор не установил четкую дефиницию того, что такое неправомерный доступ к персональным данным граждан, не установлен источник информации. Это приводит к разногласиям между судебными органами и даже некоторыми судьями, что, в свою очередь, создает трудности для рассмотрения дела и единообразного применения соответствующих наказаний.

С другой стороны, существуют недостатки в ходе соблюдения закона со стороны граждан и организаций. Во-первых, законодательством не установлены административные меры ответственности за неправомерный доступ к персональным данным. Отсутствие промежуточной меры ответственности, предшествующей уголовной, криминализирует большое количество проступков, не представляющих серьезной угрозы для общественных отношений. Компания, в которой преступник работает, обычно маленькая и неизвестная, и средством преступления в основном является продажа по телефону. Поэтому преступник неправомерно собирает персональные данные, и нарушение законодательства носит длительный характер, а по своим последствиям не причиняет существенного вреда.

Во-вторых, обычно расследованием преступлений данного типа занимаются правоохранительные органы в ходе расследования других дел, и поэтому они вынуждены предполагать степень общественной опасности исходя из сложившейся ситуации.

В-третьих, борьба с последствиями данного преступления не может быть доведенной до конца. Хотя обвиняемый получает информацию через Интернет, информация после этого продолжает оставаться в электронной сети и распространяться, приобретается анонимно другими лицами, в связи с чем правоохранительным органам сложно найти первоначальных продавцов из-за того, что подобные меры поиска преступника в качестве поставщика персональных данных не всегда позволяют отыскать первоисточник.

III. Проблемы, возникающие в ходе рассмотрения дела о неправомерном доступе к персональным данным граждан

Возникновение множества новых преступлений представляет собой серьезное испытание для судебной системы, что в настоящее время влечет за собой возникновение множества проблем в ходе судебного разбирательства. Их условно можно разбить на две группы.

Первую группу составляют проблемы квалификации преступлений подобного рода.

Во-первых, трудно определить предмет преступления. В связи с отсутствием единообразной судебной практики у разных судей есть разные представления о предмете преступления. На практике персональные данные граждан включают в себя сочетание имени и номера телефона или сочетание имени, номера телефона и адреса. В связи с этим возникает вопрос: какие личные данные относятся к персональным данным? Ситуацию усугубляют отсутствие в законодательстве единого подхода к этому, а также личная позиция судьи, что мешает справедливому вынесению приговора.

Во-вторых, трудно определить деяния, посредством которых осуществлен неправомерный доступ к персональным данным. В законе устанавливается наказание за хищение и неправомерное распространение персональных данных, в то время как другие средства выпадают из поля правового регулирования, например продажа, обмен, поиск и скачивание.

В-третьих, трудно определить факторы, которые определяют меру ответственности. Анализ судебной практики показывает, что некоторые судьи стремятся определить количество информации (объем) персональных данных, общую сумму выгоды и последствие преступления, относя их к числу факторов определения наказания. В настоящее время в законе еще не устанавливают единый стандарт о факторах определения наказания. Из-за массовых количеств персональных данных жителей суду трудно определить количество информации. Количество персональных данных жителей — самый важный фактор, который прямо мешает определению наказания судом. Неясность в законе приводит к тому, что у разных судов есть разные стандарты определения наказания. Изначально норм, содержащихся в законодательстве, было очень мало, и самих преступлений было немного, поэтому судьи принимали весьма жесткие меры к правонарушителям. Однако количество совершаемых правонарушений подобного рода постоянно возрастает, что требует изменения подходов к определению мер ответственности, что, в свою очередь, косвенно зависит от самого судьи, места, времени совершения преступления и других подобных факторов.

Вторую группу проблем составляют проблемы исследования доказательств. Дело о неправомерном доступе к персональным данным граждан касается информации, то есть продукта, характеризующегося массовостью распространения. В связи с этим, даже прибегнув к современным достижениям науки посредством высокоточной эксперти-

зы, весьма трудно получить ясное представление об основных характеристиках и последствиях совершения преступления, поэтому суд очень осторожен с оценкой подобного рода доказательств. Кроме этого, информация о персональных данных сохраняется или в электронном виде в компьютере — съемном диске (винчестере), или в письменной форме, в связи с чем экспертный орган зачастую затрудняется при ответе на вопрос о повторном использовании/распространении информации, что также влияет на правильность выводов. Нарушитель может совершать преступление в одной из программ для общения посредством Интернета, таких как QQ, форум и другие ресурсы, поэтому протокол общения в сети является важным доказательством неправомерного доступа к персональным данным, однако и с получением этих доказательств также возникают как объективные, так и субъективные трудности.

IV. Меры борьбы с неправомерным доступом к персональным данным граждан

Вышеуказанные проблемы возникают из-за отсутствия опыта в разрешении подобных дел, а также в связи с наличием пробелов в законодательстве. Это свидетельствует о том, что система предупреждения преступлений, связанных с неправомерным доступом к персональным данным граждан в КНР, не носит всесторонний характер, в связи с чем мы предлагаем следующие меры.

1. Разрешение проблем, возникающих в ходе рассмотрения дел, и усиление борьбы с данным видом преступлений

Необходимо опубликование легального толкования действующего законодательства и судебной практики, что послужит основанием для установления единых стандартов и подходов к выбору меры наказания и определения факторов, мешающих рассмотрению дела. Для этого необходимо следующее.

Во-первых, четко определять предмет преступления. При первоначальной оценке ситуации трудно найти источник неправомерного доступа к персональным данным, поэтому если предметом преступления является специальный орган или организация, то преступный умысел доказать трудно. Поэтому к предмету преступления относятся не только человек, но и организация. Также в законе нужно установить конкретные виды персональных данных жителей, такие как, например, имя, фамилия, адрес, номер телефона, номер кредитной карты, номер паспорта, и при их полном совпадении можно делать вывод о том, имеет место быть преступление или нет.

Во-вторых, необходимо четко определять понятие неправомерного доступа. Средство неправомерного распространения и передача персональных данных жителей включают в себя продажу и обмен, что состав-

ляет почти 90 % преступлений. Кроме этого, если кто-то получает персональные данные жителей случайно или получает их законным способом, но затем реализует их указанным выше способом, то данные деяния также следует квалифицировать как преступление.

В-третьих, необходимо законодательно определить понятие преступления, повлекшего тяжкие последствия. В числе индикаторов могут быть объем персональных данных, последствия совершения преступления и размер прибыли.

2. Совершенствование законодательства и системы борьбы с неправомерным доступом к персональным данным граждан

В настоящее время в УК КНР только установлен ограниченный круг лиц, являющихся субъектами совершения преступления: это сотрудники, работающие в государственных органах, организациях в сфере экономики, связи, транспорта, образования, медицины, которые продают или предоставляют персональные данные граждан другим незаконным способом. В то же время из этого перечня выпадают лица, работающие в транспортных компаниях, организациях экспресс-доставки и магазинах, которые не упоминаются в УК КНР.

Также мы считаем, что нужно совершенствовать законодательство относительно определения стандарта преступлений, повлекших тяжкие последствия. Необходимо отграничить деяния, совершение которых привело к утечке небольшого количества персональных данных, не причинило существенного ущерба пострадавшим, а правонарушитель получил от этого небольшую прибыль. Это необходимо сделать с целью недопустить слишком широкого применения карательных мер и приобретения слишком большим количеством людей статуса преступника.

3. Предупреждение источника неправомерного доступа к персональным данным

Во-первых, отдел по деловому администрированию вместе с отраслевой ассоциацией должны более четко осуществлять управление и надзор, чтобы органы общей безопасности и отдел по деловому администрированию могли вовремя выявить источник неправомерного доступа к персональным данным и пресечь совершение преступления. Одновременно необходимо поддерживать компании вести дела честно и снижать их мотивы к преступному поведению.

Во-вторых, всесторонне применять средства пропаганды законодательства через СМИ и одновременно устанавливать обязанность по сохранению тайны в отделах связи, экономики, страхования организаций, на транспорте и в интернет-магазинах, магазинах и других организациях.

В-третьих, гражданам необходимо самостоятельно повышать способность хранить свои персональные данные и противодействовать совершению преступлений посредством организации жителей, студен-

тов по специальности маркетинга, сотрудников компаний по страхованию и торговле и государственных служащих, лиц, участвующих в судебных заседаниях, всесторонне применять средства пропаганды о защите персональных данных и повышать правосознание своих сограждан.

Джан Яньлон, докторант Университета политики и права Китая, г. Пекин, отделение аспирантуры Университета политики и права Китая. КНР, Пекин, 100088. E-mail: zhangyanlongx@163.com

Zhang Yanlong, lecturer of the Law University, Doctoral of law sciences, lecturer of Law University, Beijing, department of postgraduate study, University of Policy and Law of China, Beijing, the PRC 100088.

УДК 343.16

© **Чжан Чжочжоу**

О РАЗРЕШЕНИИ ПРОТИВОРЕЧИЙ МЕЖДУ ПРЕДЪЯВЛЕНИЕМ ИСКА ПРОКУРАТУРОЙ И ПРОКУРОРСКИМ НАДЗОРОМ

Режим предъявления иска прокуратурой в общих положениях установлен ГПК КНР, а в частных некоторые положения отсутствуют. Это приводит к тому, что судебная практика находится в состоянии поиска. В судебной практике довольно много дел, которыми занимается прокуратура КНР. В процессе ведения дела на каждом этапе существуют различные проблемы, например в делах, в которых прокуратура предъявляет иск и участвует в суде первой инстанции. Если суд выносит неправомерный приговор, то может ли прокуратура вынести протест? Этот вопрос осложняет работу судебных органов. Данная статья основана на опыте ведения дел и анализирует эту проблему, чтобы конкретно разъяснить противоречия между предъявлением исков и прокурорским надзором за судебной практикой и совершенствованием законодательства.

Ключевые слова: *прокуратура, предъявление иска; прокурорский надзор; вынесение протеста.*

Zhang Zhozhou

ON RESOLUTION OF CONTRADICTIONS BETWEEN THE PROSECUTOR'S OFFICE SUING AND PROSECUTORIAL OVERSIGHT

The regime of the Prosecutor's office suing in general is set by the GPC of the PRC, and in particular some of provisions are not set. This is a cause of a situation that the judicial practice is in search for its resolution. There are many cases in the judicial practice, which are considered by the Prosecutor's office of the PRC. In the course of undertaking the cases there are various problems at each stage, for example, when the Prosecutor's office sues and participates in the trial Court. If the Court makes a wrongful conviction, then can the Prosecutor's office impose protest? This issue complicates judiciary activities. This article is based on the experience of undertaking cases and it analyzes this issue, in order to make clear the contradictions between suing and prosecutorial oversight for trial practice and improvement of legislation.

Keywords: the Prosecutor's office, suing, prosecutorial oversight, protest imposition.

I. Противоречия двух функций прокуратуры

Две функции прокуратуры.

Согласно ГПК КНР и конституции КНР, одной из важных функций прокуратуры является надзорная функция. А также согласно ст. 4 «Закона о прокуратуре» прокуратура должна охранять собственность народа и граждан. Это является сутью надзорной функции. Хотя функции контроля и надзора принадлежат к сфере деятельности прокурату-

ры, область их применения, а также порядок ведения дела различны. На практике их применения имеется мало противоречий, но в системе предъявления иска существуют противоречия между функциями прокуратуры, то есть прокуратура выносит протест в то время, когда суд выносит неправомерный приговор.

Рациональность осуществления двух функций прокуратуры.

Если суд выносит неправомерный приговор в деле, в котором прокуратура предъявляет иск, может ли прокуратура как надзорный орган вынести протест в суд? По этому вопросу у ученых и судей существуют сомнения. Те, кто согласен с этим, считают, что в одном процессе прокуратура при существовании конфликта между функциями надзора и контроля может выбрать только одну из двух функций. Другие считают, что между функциями надзора и контроля не существует противоречий и сферы их применения разные, поэтому они могут применяться одновременно. Мы считаем, что оба мнения убедительны, но они основаны только на теории и не применяются в судебной практике. Во-первых, по основному положению процессуального права прокуратура не может два раза вмешиваться в один процесс, это путает отношения между участниками процесса. В уголовном производстве прокуратура осуществляет право на надзор: право на надзор осуществляется только после того, как прокуратура предъявляет иск и выносит протест в суд второй инстанции. Прокурор, который уже участвовал в процессе рассмотрения дела, не может участвовать в контроле. Во-вторых, хотя функции надзора и контроля различны и в теории, и в сфере применения, но на практике это обязательно приведет к тому, что прокуратура будет играть роль помощника и надсмотрщика. Мы считаем, что прокуратура может полностью осуществлять функции и контроля, и надзора, так как в уголовном процессе обе функции смогут осуществляться одновременно. По нашему мнению, нелогично оставить этот процесс независимым и не контролировать его законом, потому что прокурорский надзор проходит все стадии, поэтому осуществление двух функций прокуратурой носит разумный характер.

II. Осуществление функций надзора в процессе предъявления иска

Поскольку прокуратура предъявляет иск, который требует контроль, процесс осуществления контроля является важным вопросом в судебной практике. Посмотрев со стороны на применение этой практики, можно отметить в следующие принципы:

Процесс надзора в рамках предъявления иска.

Дело, которому прокуратура предъявляет иск, в большинстве случаев участвует в судебном рассмотрении. В процессе судебного заседания, если прокуратура установила, что судом были допущены существенные процессуальные ошибки в законодательстве, это служит

основанием для применения соответствующих процессуальных санкций. Некоторые считают, что участие в суде прокуратуры может своевременно напомнить суду о возможных упущениях, которые помогут в значительной степени избежать возникновения неправомерных дел. Есть мнение, что прокуратура не должна вмешиваться в суд для исправления судебной ошибки и судебное общение должно быть минимально. Есть те, которые считают, что прокуратура не может произносить речь в суде до вынесения приговора, а может только общаться с судом после заседания, для того чтобы максимально восполнить небрежности в порядке надзора. Так как вышеуказанные мнения все разные, более реалистичным считается второе мнение, потому что прежде всего необходимо определить возможность контроля прокуратуры в судебном процессе. Это нетрудно понять, если, заметив неправомерные приговоры, прокуратура не удержит их, то это не совпадает с целью, к которой правосудие стремится, поэтому контроль в процессе тоже необходим. Затем, в результате рассмотрения другим органом, очевидно, что неправильно вмешиваться в рассмотрение суда. Ввиду этого, смотря со стороны опыта практики, если прокуратура в ходе рассмотрения дела заметила ошибки суда, то она может активно общаться с судьями и в подходящее время отправить судьям рекомендательное письмо. Но до рассмотрения неоконченного дела прокуратура не может вынести протест.

Процесс надзора после окончания рассмотрения дела по предъявленному иску.

После вступления в силу приговора, если прокуратура считает приговор ошибочным, прокуратура может дальше осуществлять функцию надзора. Надзор обычно принимает такие формы, при которых если судебного работника заметили за нарушением права, то можно передать дело в отдел превышенных должностных полномочий.

III. Предъявления иска о пересмотре дела после неправомерного приговора

Если дело после прокурорского одобрения или вынесения протеста вступает в этап пересмотрения, возникает много проблем, особенно тяжело прокуратуре обратиться в суд:

Практические проблемы выступления прокуратуры в суде.

В настоящее время прокуроров по гражданско-исполнительному делу недостаточно, даже есть поговорка «Три много, два мало». Много новичков и совместителей, но мало оперативных и разносторонних специалистов, прекрасно владеющих гражданским правом, имеющих опыт ведения дела. В некоторых отделах по гражданско-исполнительным делам не хватает только этого специалиста. Некоторые прокуроры подрабатывают в отделах жалоб и государственных обвинений и в других, переходя туда на длительное время. И зачастую кадров, ведущих дела, не хватает. Это явление мешает прокуратуре

участвовать в пересмотре дела. По делам, в отношении которых народной прокуратурой вынесен протест, народный суд должен принять решение о пересмотре дела и позволить прокуратуре выступать в суде согласно ст. 190 ГПК.

По гражданскому процессуальному праву один судебный работник исполняет одну роль, а не две. Судья, который повторно разбирает дело, не может быть судьей суда первой инстанции. Прокуратура, участвующая в суде первой инстанции, не может участвовать в процессе надзора. А на практике прокуроров по гражданско-исполнительному делу не хватает, только если переводить их из других отделов, что трудно осуществить.

Роль прокуратуры в суде по процессуальному значению

На практике нехватка кадров в прокуратуре ведет к проблемам не только во внешних сферах судопроизводства. Если при неправильном приговоре прокуратура вынесет протест, при пересмотре дела перед прокуратурой встанет одна реальная проблема: прокуратуре необходимо будет выступить в суде в роли предъявителя иска, одновременно по установлению ГПК прокуратуре также необходимо выступить и в пересмотре. На этом этапе возникает конфликт: как может один орган исполнять две роли в одном производстве. Несмотря на то, что гражданско-исполнительный отдел может разделяться на две группы, участвующих в пересмотре, только при возникновении противоречий в процессе. Эта проблема мешает многим прокурорам по гражданско-исполнительному делу, в связи с пробелом в праве, поэтому прокуратура ведёт такие дела своевременно, их отношение к этому противоречию является уклончивым. По-моему, одна прокуратура может выступать в производстве пересмотра дела в двух ролях. Во-первых, участие в производстве надзора через заявление, которое поднимается судом равной инстанции, соответствуют закону. Поэтому выносится протест в прокуратуре средней инстанции, или выступают в суде, либо отправляют прокуратуре нижней инстанции, выступают в суде в роли истца, либо выступает в пересмотре дела сама прокуратура. По форме это один орган, а по сущности это два органа. Во-вторых, в уголовном процессе прокуратура не может выступать в суде в качестве истца. В гражданском процессе это разрешено и одновременно решаются их противоречия. Это доказывает, что один судебный орган может выступать в суде в двух ролях на принципах разумности процесса, и совпадает с основными положениями. Аналогично прокуратура может выступать в двух ролях в производстве пересмотра гражданского процесса.

IV. Советы по совершенствованию системы рассмотрения предъявленного иска

На практике в системе предъявления иска прокуратурой существует множество проблем, таких как решение противоречий между функцией контроля и функцией надзора, — это ключевой этап совершенствования данной системы, наверное, мы можем улучшить устройство законодательства по следующим позициям:

Уточнение прав прокуратура в процессе предъявления иска.

В процессе предъявления иска прокуратурой нужно ли ей выступать в суде? Хотя в этом вопросе в теории существуют разногласия, но, посмотрев со стороны на деятельность и выступление прокуратуры в суде, можно прийти к выводу, что это является общим понятием, но из-за отсутствия конкретного положения о предъявлении иска в ГПК КНР это приведет к ослаблению позиции прокуратуры в ходе ведения дела, предъявления иска в суд, и, возможно, прокуратура не сможет выступать в суде. Поэтому органу законодательства нужно установить конкретные положения для того, чтобы устанавливать прокуратуре их права.

Право прокуратуры на иск в ходе рассмотрения иска.

Если посмотреть со стороны практики, то деятельность прокуратуры совсем разная, в целом в производстве одни прокуроры перед рассмотрением дела подготавливают обвинительный акт, собирают доказательства с ответчиков и участвуют в производстве, в расследовании, в судебном выступлении и высказывают свои мнения о предъявлении иска, а другие — участвуют в производстве пересмотра. Перед началом пересмотра прокуратура может собирать доказательства и предъявлять их в суде, но не участвовать в судебном выступлении, и после окончания каждого этапа рассмотрения она высказывает свое мнение о предъявлении иска. Формы предъявления иска прокуратурой простые, они только оглашают исковые требования, либо подают заявление в письменной форме. Мы считаем, что законодательству нужно определить самые основные права на иск прокуратуры в производстве, которые включают в себя оглашение исковых прошений, сбор доказательств и участие в судоговорении.

Усовершенствование способов осуществления права на надзор при возбуждении дела

Необходимо конкретно и ясно устанавливать способы осуществления права на надзор при возбуждении дела прокуратурой. Они делятся на следующие типы:

во-первых, установление права на консультации в ходе производства по делу. Прокуратура участвует в производстве в роли обвинителя, однако, ввиду того, что она не является гражданским истцом, она не пользует-

ся правом на подачу иска. Если законодательно предоставить органам прокуратуры данное право, это приведет к тому, что дело примет лучший оборот. Вместе с тем, учитывая, что судебный процесс носит независимый характер, консультации в ходе судебного разбирательства необходимо ограничить либо допускать их после окончания судебного заседания;

во-вторых, установление права на протест. Ключевой вопрос: может ли прокурор подавать протест на вступивший в законную силу приговор? Некоторые ученые считают, что нужно запретить прокуратуре право на протест, потому что это право нарушает принцип равноправия и легко приведет к тому, что судья будет выносить приговор несправедливо. Мы не согласны с этим, потому что с точки зрения общих принципов права это может нарушать баланс в ходе вынесения решения, однако с точки зрения конкретики отсутствие права на протест и ведет к нарушению принципа справедливости. Поэтому законодателю нужно ясно и конкретно установить нормы, предоставляющие прокуратуре право на внесение протеста на пересмотр судебного приговора.

Вопросы разграничения функций, которые осуществляет прокуратура в ходе разбирательства по делу

В статье уже говорилось, что производство по пересмотру дела играет две роли, совпадающие с основными положениями процессуального права, отраженными в УПК КНР. В целях совершенствования законодательства нужно вовремя планировать процесс осуществления надзора при возбуждении дела прокуратурой, в самом начале надо уточнить, какие полномочия предоставлены прокуратуре при разрешении дела и при пересмотре приговора. Во-вторых, нужно отличать ипостаси, в которых выступает прокуратура: инициатор возбуждения дела и орган, осуществляющий надзор. В то же время необходимо уточнять конкретные права и обязанности прокуратуры, чтобы избежать злоупотребления властью.

В заключение следует отметить, что, хотя система возбуждения дела является одной из ключевых и принципиальных, со сложившейся практикой и накопленным опытом, но уже сейчас возникает много вопросов, что создает для законодателя большой простор в вопросе совершенствования действующей нормативной базы.

Литература

1. Ту Шидин. Научные позиции о процедуре предъявления иска // Прокуратура Цин Хэ. — 2010. — № 1.

2. Шу Цин. Шу Дэгао. Анализ проблем в вопросах предъявления иска прокуратурой. — 2007. — № 27.

3. Гу Вэнь, Динь Ченщи. Правовая характеристика предъявления иска прокуратуры. — 2008. — № 4.

Чжан Чжочжоу, докторант, лектор юридического Университета, Институт уголовной юстиции Университета политики и права Китая, отделение аспирантуры Университета политики и права Китая. КНР, г. Пекин, 100088. E-mail: zhangzhuozhou@163.com

Zhang Zhozhou, doctoral of law sciences, lecturer of Law University, s. Institute of Criminal Justice at Chinese University of Policy and Law, department of postgraduate study, Beijing University of Policy and Law of China, Haidin district, Beijing, the PRC 100088. E-mail: zhangzhuozhou@163.com

УДК 343.21 © **Лю Вэньхуа**

НАДЛЕЖАЩИЙ ПОРЯДОК ДЛЯ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ОШИБОЧНЫХ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ

Чтобы твердо придерживаться надлежащего порядка для предотвращения сфабрикованных и ошибочных уголовных дел следует строго соблюдать принципы «презумпции невиновности» и «толкования сомнений пользу обвиняемого», утвердить «центральную доктрину судебного разбирательства», всесторонне придерживаться «принципа судебных приговоров на основании доказательств», обращать большое внимание на роль защитника, разумно контролировать следственные полномочия, прокурорам надлежит выполнять объективные обязанности, совершенствовать процедуру надзора, обеспечивать беспрепятственность каналов для подачи жалоб и т. д.

Ключевые слова: *сфабрикованные и ошибочные уголовные дела, коррекция и профилактика, выявление.*

Liu Wenhua

PROPER ORDER TO PREVENT ERRONEOUS CRIMINAL CASES

To adhere firmly the proper order for prevention of framed-up and erroneous criminal cases, the principles of "presumption of innocence" and "interpretation of doubts in favor of the accused" should be strictly abided, it is necessary to approve "central doctrine of trial", fully adhere to the "principle of judicial verdicts on the basis of evidence", pay great attention to the role of defender, reasonably control investigative powers, prosecutors should perform their objective duties, improve a procedure of oversight, provide free access to the channels for complaints etc.

Keywords: framed-up and erroneous criminal cases, correction and prevention, detection.

Относительно содержания «надлежащего правового порядка» нет лучшего толкования, чем классическое толкование из известного «Юридического словаря Блэка»: «Любая сторона дела, права и интересы которой подвергаются результату воздействия, имеет право достичь возможности судебного разбирательства, а кроме того, должна быть извещена о характере и причине разумно обоснованного обвинения, возможность достижения судебного разбирательства, а так же высказываться и защищаться» отражены в термине «надлежащий процессуальный порядок».

Английский юрист лорд Деннинг полагает: «Надлежащий правовой порядок», означает разрешённые законом методы для поддержания чистоты ежедневной работы судов, способствование справедливому ведению судебного разбирательства и следствия, надлежащему применению ареста и обыска, успешному получению юридической помощи, а также искоренение ненужных проволочек и т. д.» [1, с. 1–2].

Согласно толкованию американских ученых и Верховного суда США, надлежащий правовой порядок подразделяется на вещественный надлежащий порядок и процессуальный надлежащий порядок. Ранее, яв-

ляясь конституционным ограничением законодательной власти федерации и штатов, он требовал, чтобы каждый закон, касающийся лишения граждан жизни, свободы или имущества, не мог быть неразумным, избирательным или меняющимся, но должен был отвечать равенству, справедливости, разумности и другим основополагающим принципам. В последующем, касаясь методов и процесса приведения законов в силу, он требовал, чтобы порядок, используемый для решение конфликта интересов, обязательно был беспристрастным и разумным. «Юридический словарь Блэка» определяет процессуальный надлежащий порядок как «определенную 14-й поправкой конституции США защиту свободы и собственности», включая право назначения адвоката для малоимущих обвиняемых, право копировать материалы дела и право очной ставки.

Центральная мысль процессуального надлежащего порядка указывает, что любая сторона в деле, интересы которой подвергаются воздействию, имеет право на судебную защиту, и кроме того, должна быть извещена о характере и причине разумно обоснованного обвинения, о возможности судебного разбирательства.

Американский специалист по философии права Голдин, исходя из двух основных принципов «естественного правосудия», расширил критерии надлежащего порядка до девяти:

1. Суд не должен быть связан отношениями со сторонами дела.

2. Результат не должен включать личные интересы лица, разрешающего спор.

3. Лицо, разрешающее спор, не должно быть пристрастно ни к одной из сторон.

4. Мнению каждой из сторон внимание должно уделяться в равной степени.

5. Лицо, решающее спор, должно выслушивать доводы и доказательства обеих сторон.

6. Лицо, решающее спор, должно выслушивать мнение одной стороны только при условии нахождения в суде другой стороны.

7. Каждая сторона дела должна иметь равные возможности отвечать на доводы и доказательства другой стороны.

8. Все условия решения должны основываться на разумных выводах.

9. Умозаключения должны касаться приведённых доводов и доказательств [2, с. 240–241].

Данные критерии надлежащего порядка заслуженно называются неустаревающей классикой, вошедшей в анналы истории.

Ошибочные уголовные дела — это всеобщая трудноизлечимая болезнь судов всего мира. Если говорить, отталкиваясь от знакомой теории относительности, обязательно найдется почва для возникновения и существования ошибочных дел, было бы только место, где ведется судебная деятельность, поэтому предотвращение и исправление ошибочных дел — это вечные вопросы уголовных судов. Данная статья представляет замечания и предложения по предотвращению ошибочных уголовных дел с

точки зрения надлежащего порядка и является только выражением скромного личного мнения.

I. Строгое соблюдение принципов «презумпции невиновности» и «толкования сомнений в пользу обвиняемого»

Презумпция невиновности (presumption of innocence) также называется невиновностью по аналогии (в противоположность виновности по аналогии), термин обозначает, что любой человек считается невиновным, пока не признан виновным приговором суда в установленном законом порядке. Кроме вышеуказанного презумпция невиновности еще включает следующее: обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность, действия обвиняемого по обеспечению свидетельств в пользу собственных доказательств являются действиями по осуществлению права на защиту, обвиняемого нельзя признавать виновным только по той причине, что он не может доказать собственную невиновность.

Презумпция невиновности — это важный общепринятый принцип уголовного судопроизводства современных правовых государств, основное право человека, признанное и охраняемое международными договорами, а также один из минимальных стандартов в сфере уголовного судопроизводства, установленный и продвигаемый ООН. Практика свидетельствует, что концепция «презумпции виновности» является непосредственной движущей силой, порождающей ряд сфабрикованных и ошибочных судебных дел. Только из-за «презумпции виновности» следователи всевозможными приемами вынуждают подозреваемых в преступлении лиц давать словесные показания, и всеми правдами и неправдами фабрикуют обвинение. Нехватка идеологии, основанной на вещественных доказательствах, — это причина процветания концепции словесных показаний. Для искоренения вышеуказанного работники полиции и судов обязаны накрепко утвердиться в осознании «презумпции невиновности», в рамках своих мыслей и действий относиться к подозреваемому или обвиняемому как к невиновному либо как возможно виновному «подозреваемому». Только при строгом соблюдении «презумпции невиновности» в мышлении можно в истинном смысле уважать и охранять права лица, подвергающегося судебному преследованию, в полной мере выслушивать его возражения и разъяснения, всесторонне и объективно выявить все обстоятельства судебного дела, не выносить приговоров, «оставляющих возможность для маневра».

Принцип презумпции невиновности фактически является юридической презумпцией, связанной с правовым статусом преследуемого в уголовном порядке лица, данный вид презумпции главным образом решает вопрос распределения бремени доказывания, а именно:

1. Противодействие принуждению к самооговору. Если уж преследуемое в уголовном порядке лицо уже, предположительно, является невиновным, то его правовой статус в уголовном процессе уже определен и у него нет обязанности предоставлять доказательства для подтверждения

своей невиновности. Напротив, тот, кто выдвигает обвинение, должен доказывать, что было совершено какое-либо преступление. Если сторона обвинения выдвинула обвинение против преследуемого лица и поставила под сомнение его статус невиновности, то она и должна предоставлять соответствующие доказательства для подтверждения фактов обвинения. В данном смысле предоставление доказательств или бремя доказывания, прежде всего, должно лежать на стороне обвинения. Согласно этому, в судебном процессе факт преступления должен утверждаться принципиально на основании предоставленных стороной обвинения доказательств. В таком случае преследуемое в уголовном порядке лицо не несет обязанность доказывания собственной невиновности, также не имеет обязанности сотрудничать в поиске доказательств, оно может в ходе уголовного процесса хранить молчание и может отказываться от дачи показаний, то есть преследуемое в уголовном порядке лицо имеет исключительное право противодействовать принуждению к самооговору.

2. Сомнения трактуются в пользу обвиняемого. В судебном процессе статус преследуемого лица как невиновного является видом правовой презумпции, которая может быть опровергнута посредством доказательной деятельности стороны обвинения. Если доказательства стороны обвинения могут засвидетельствовать виновность преследуемого лица, то данная правовая презумпция опровергается и невиновный превращается в виновного. Однако если сторона обвинения не может полностью доказать достоверность фактов обвинения при обнаружении неясности истинного положения вещей, то данная презумпция невиновности в праве превращается в признание невиновности в действительности, ответственный за вынесение приговора судья должен вынести приговор в пользу обвиняемого, это и есть «толкование сомнений в пользу обвиняемого». Толкование сомнений в пользу обвиняемого — это воплощение бремени доказывания, которое несет сторона обвинения с позиции смысла результата. На основании принципа толкования сомнений, при возникновении сомнений во время выяснения судом факта совершения обвиняемым преступного действия, надлежит прямо объявить обвиняемого невиновным. Это и есть «толкование сомнений в пользу обвиняемого».

В некоторых случаях, несмотря на то, что суд не может подтвердить совершение преследуемым лицом какого-либо преступления, он верит, что преследуемое лицо совершило одно преступное действие из нескольких возможных. Например, на месте жительства обвиняемого нашли украденные драгоценности. Обвиняемое лицо поясняет, что купило драгоценности у незнакомца, в этом случае покупка краденных вещей отвечает составу преступления как скупка краденого имущества, к тому же невозможно дать другое объяснение факту обвинения, обвиняемый либо совершил кражу, либо приобрел краденое имущество. В данной ситуации, если применить принцип «толкования сомнений в пользу обвиняемого», обвиняемый не должен быть осужден ни за кражу, ни за покупку краденого имущества, и должен быть объявлен невиновным (потому что если речь идет о краже и укрытии краденого имущества, ни одно из действий

не получило подтверждения). Однако таким образом, очевидно, был нарушен принцип справедливости для неотвратимости наказания виновного, потому что, несмотря ни на что, получен установленный факт совершения обвиняемым одного из указанных преступных действий. В данной ситуации, чтобы избежать неправильного объявления невиновным, в особенных случаях суду дозволяется выбрать легкое наказание, это есть «выбор одного заключения». Так называемый выбор одного заключения означает, что суд признал, что обвиняемый совершил какое-то преступление действие, но не может выяснить, которое именно преступное действие совершил обвиняемый среди нескольких преступных действий. Выбор одного заключения вовсе не противоречит принципу «толкования сомнений в пользу обвиняемого», наоборот, полностью осуществляет его и следует ему, так как «толкование сомнений в пользу обвиняемого» не только подразумевает, что «нет наказания в случае сомнения», но и в определенном смысле содержит требование «в случае сомнения — легкое наказание». В условиях выбора одного заключения виновность обвиняемого неопровержима, необходимо только лишь окончательно определить, какое именно преступление, у суда нет места для сомнений, поэтому, выбрав более легкую квалификацию преступления, он исключил возможность осуждения обвиняемого за тяжкое преступление. Это, как и прежде, воплотило дух «толкования сомнений в пользу обвиняемого» [3, с. 87–88].

Реализовать процессуальный принцип толкования сомнений в пользу подозреваемого, отказаться от ошибочной концепции презумпции виновности, твердо придерживаться мышления, стоящего на вынесении приговоров, основанных на доказательствах, обратить внимание на следующие аспекты: во-первых, необходимо серьезно оценивать значение словесных показаний, всесторонне и строго проверять их, нельзя довольствоваться формальным взаимным подтверждением, и при гарантии получения словесных показаний на законном основании необходимо ручаться за истинность данных показаний. Во-вторых, нужно незамедлительно исключать незаконные доказательства. Работники системы уголовного правосудия должны мастерски выявлять незаконные доказательства, а также иметь смелость исключать их, признавая только действительные доказательства по делу. Суд — это и центральное звено уголовного процесса и последний этап. Неукоснительной обязанностью уголовных судов является укрепление концепции судебных приговоров на основе доказательств, реализация принципа вынесения приговора на основании доказательств и принципа толкования сомнений в пользу подозреваемого. В-третьих, твердо придерживаясь принципа толкования сомнений в пользу подозреваемого, требуется точно разбирать связь между законной и объективной истиной, доказательства, оставляющие вопросы открытыми, не должны быть допустимы, а доказательства, полученные незаконно, должны подвергаться исключению [4, с. 42].

II. Утверждение «центральной доктрины судебного разбирательства»

В современном правовом обществе суд считается последней оборонительной линией защиты социального равенства и справедливости, выполняет важную функцию по решению социальных противоречий и урегулированию споров. В определенном смысле культ веры в верховенство права, уважение авторитета закона собраны и воплощены в этом звене, называющемся «судом». Народный суд занимает главную позицию в отправлении правосудия, а потому должен иметь достаточный авторитет. Если рассматривать в разрезе режима, народный суд имеет право на основании закона после прохождения судебного следствия, представления доказательств обвинением и защитой и других процедур вынести в отношении всех материалов органов общественной безопасности независимый приговор в соответствии с совестью, моралью и долгом, но не подвергаясь влиянию каких-либо интересов, власти, авторитетов и прочих препятствующих факторов. Потому что только окончательное упорство и стойкость народного суда в отстаивании справедливости могут коренным образом защитить социальное равенство и справедливость, может в корне проверять правильность процессуальных действий органов общественного порядка и прокуратуры, сформировать ограничение для органов в части полномочий на возбуждение дел, тем самым строго блюсти единый нейтралитет суда и объективную позицию, сформировать эффективную защиту законных прав и интересов преследуемых в уголовном порядке лиц. Только лишь прочно утвердив «центральную доктрину судебного разбирательства», возможно формально и содержательно воплотить справедливость суда, защитить авторитет закона, добиться силы общественного доверия к суду и судебного авторитета, еще лучше и в еще большей степени вести народные массы, используя притягательную силу суда, просвещать народ и в конечном счете достигнуть органического единства правового и социального успехов.

III. Всестороннее соблюдение «принципа судебных приговоров на основе доказательств»

Принцип вынесения судебных приговоров на основе доказательств также по-другому называется концепцией вынесения судебных приговоров на основе доказательств, своим содержанием он указывает на то, что установление фактов обязано основываться на соответствующих доказательствах. Установление фактов при отсутствии доказательств или только основываясь на внутреннем предположении судьи идет вразрез с указанным принципом [5, с. 102]. Основное значение включает следующие три аспекта: во-первых, фактические обстоятельства обязаны опираться на доказательства, при отсутствии доказательств факты нельзя признавать, за исключением случаев, предусмотренных законодательством; во-вторых, доказательства признаваемых фактических обстоятельств обя-

заны иметь доказательную силу и только тогда могут считаться основанием для приговора; и в-третьих, доказательства, служащие основанием для приговора, обязаны пройти судебное следствие или прения сторон обвинения и защиты, в противном случае не могут считаться основанием для приговора. Подчеркну, что главное значение принципа вынесения приговора на основании доказательств заключается в утверждении научного суждения о том, что «вопросы доказательств суть также процессуальные вопросы», и что доказательства играют важную роль в гарантии качества дела и предотвращении сфабрикованных и ошибочных дел. Нужно прикладывать максимум усилий, чтобы посредством доказательств восстановить первоначальную цель судебного дела и с максимальной степенью выявить его реальную и объективную истину.

Необходимо положить конец центральной доктрине словесных показаний. Данная доктрина означает, что все внимание следствия, проверки и возбуждения дела, а также судебного разбирательства сосредоточено главным образом на словесных показаниях подозреваемого, обвиняемого, а кроме того, словесные показания как подтверждение обстоятельств дела считаются главным основанием для концепции судопроизводства и делопроизводственной модели. Практика показывает, что главной причиной ошибочных судебных дел является центральная роль словесных показаний во время предварительного следствия, проверки, возбуждения дела и суда. Поэтому для эффективного предотвращения ошибочных дел следует устранить центральную роль словесных показаний, усилить сбор других доказательств, в особенности следует сделать акцент на сборе вещественных и прочих объективных доказательств, строго придерживаться модели рассмотрения объективных доказательств. Судебным органам следует отвести объективным доказательствам центральную роль в проводимом следствии, определять обстоятельства дела, опираясь на имеющиеся стабильные и надежные объективные доказательства, кроме того, считая это за основу, рассматривать и проверять все доказательства по делу и далее определять и признавать факт совершения преступления [6, с. 33].

IV. Роль адвоката от защиты

Адвокат является профессиональным юристом, участие в судебном разбирательстве в соответствии с законом для осуществления защиты обвиняемого, охраны его законных прав и интересов является его обязанностью. Адвокат в общем может в полной мере играть роль необходимого защитника, добросовестно выполняя обязанность по защите исходя из профессиональной этики и долга. Во время выполнения функции защитника адвокат в соответствии с законом имеет широкие процессуальные полномочия, например, непосредственно знакомиться с материалами, связанными с делом, непосредственно встречаться с обвиняемым, на законном основании вести следствие в отношении соответствующих организаций и лиц. Всех этих полномочий у других защитников нет, поэтому ад-

вокат в качестве защитника может более всесторонне и конкретно ознакомиться с делом в сравнении с другими защитниками, в зале суда он может представить более сильно аргументированные и четкие возражения и еще лучше защищать законные права и интересы обвиняемого. Адвокат по сравнению с другими защитниками более точно знает законодательство, имеет больший опыт защиты, может более эффективно защищать обвиняемого. Адвокат имеет гарантии от организации и дисциплинарные ограничения. При исполнении адвокатом обязанности защитника требуется объединенное ручательство адвокатского бюро и его надзор, в то же время за счет основанной на законе поддержки адвокатского бюро может быть еще более гарантировано качество работы защитника. Он обладает специальными профессиональными знаниями, а также доверием общества. Поэтому адвокат в качестве защитника благоприятствует пропаганде правовой системы, побуждает уголовные элементы к откровенному общению, признанию вины и принятию наказания, что имеет важное значение для профилактики, снижения преступности и исправления уголовников [7, с. 85].

V. Разумный контроль над следственными полномочиями

Следственные полномочия считаются властными полномочиями государства, наделенными от природы способностью расширяться и узурпировать, что при потере контроля и ограничения, несомненно, приводит к покушению на гражданские права. Принуждение к показаниям посредством пыток есть как раз застаревший недуг правосудия, возникший вследствие утраты норм и правил. Поэтому следует снижать случаи принуждения к показаниям посредством пыток, кроме того, необходимо усиленно вести контроль следственных полномочий и предпринимать шаги к изменению системных механизмов. Новшества в следственных методах допроса. В новых условиях ведущие допрос следователи обязаны приспосабливаться к самым новым концепциям уголовного правосудия «защиты прав человека» и «цивилизованного суда», как можно раньше преодолеть и отбросить изначально имевшиеся варварские, произвольные, принудительные следственные методы допроса, старательно изучить социологию, криминологию, психологию, науку о доказательствах и прочие соответствующие научные знания, придавать значение научным методам, следованию за знаниями, эмоциональной составляющей, применению мягких методов допроса. Только при наличии новшеств в следственных методах допроса можно еще шире развернуть флаг концепции порядка под названием «человек превыше всего», именно тогда можно повысить реальный результат допроса, гарантировать стабильность, добровольность и соответствие закону словесных показаний подозреваемых в преступлениях лиц.

VI. Объективные обязанности прокуроры

Прокурор в уголовном процессе должен не стесняться рамками статуса сторон дела, твердо занимать объективную позицию. Во время уголовного преследования преступления он должен не упускать из виду вещественную истину и процессуальную беспристрастность, объективно и всесторонне собирать, рассматривать и оценивать доказательства, если в зале суда обнаружится недостаточность доказательств для обвинения в преступлении, следует выступить за оправдательный приговор, если суд выносит слишком суровый приговор, органы прокуратуры должны подать кассационную жалобу для пользы обвиняемого. Органы прокуратуры имеют обязанность охранять права человека, должны отбросить ошибочную концепцию «тяжелый удар, легкая защита», «тяжелый материал, легкий процесс», должны выполнять объективный долг и обязанности по законному надзору, прочно утверждать концепцию уважения и охраны прав человека. Должны усиливать охрану прав на защиту и помощь для них. В отношении собственных дел, соответствующих требованиям закона, органы прокуратуры должны разрешать адвокатам встречаться с подозреваемыми, обеспечивать адвокатам всестороннее ознакомление с материалами уголовного дела, не должны скрывать доказательства в пользу подозреваемых; в отношении адвокатских ходатайств для расследования и сбора доказательств. При наличии связи с обстоятельствами дела, способными получить доказательства, должна быть оказана поддержка в расследовании и сборе доказательств.

VII. Совершенствование процедуры надзора

Процедура судебного надзора обозначает, что народный суд и народная прокуратура на основании законодательства возбуждают и проводят процесс повторного рассмотрения дел в отношении уже вступивших в законную силу приговоров и определений, при обнаружении однозначного наличия ошибок во время установления фактов или применения законодательства. В судебной практике процесс судебного надзора в уголовном судопроизводстве еще называют процессом пересмотра уголовных дел, в соответствии с процессом судебного надзора судебные дела именуются пересматриваемыми уголовными делами.

Процедура судебного надзора отличается от судебного надзора. Судебный надзор является правовой концепцией и в общем обозначает надзор за выполнением судебной работы со стороны депутатов ВСНП, народных масс, коллективов и в особенности народной прокуратуры и народного суда. А процесс судебного надзора — это процесс, возбужденный для исправления ошибочных приговоров, то есть для пересмотра, и проводимый на основании законодательства в отношении вступивших в законную силу приговоров и определений, в которых посредством проверки обнаружены ошибки. Их различия главным образом выражаются в следующем:

1) субъекты надзора не одинаковы и очень многообразны. Главными субъектами являются депутаты ВСНП, народ, соответствующие органы, коллективы и в особенности народный суд и народная прокуратура; а главные субъекты процесса судебного надзора ограничиваются только лишь специальными народными судами и народной прокуратурой; 2) объекты надзора не одинаковы. Судебный надзор заостряет внимание на деятельности народного суда целиком, а процесс судебного надзора заостряет внимание только на уже вступивших в законную силу приговорах и определениях; 3) методы надзора не одинаковы. Методы судебного надзора многообразны и включают надзор в системе судов вышестоящих судов над работой нижестоящих, например, посредством процесса производства в судах второй инстанции, процесса пересмотра смертных приговоров, процесса судебного надзора, а также использования судебных толкований, дачи ответов нижестоящим чиновникам и прочих методов надзора за выполнением судебной работы; а методы процесса судебного надзора заключаются в исправлении ошибочных приговоров, осуществлении справедливых приговоров по делам посредством пересмотра дел. Как видно, судебный надзор включает процесс судебного надзора, который является одной из составляющих содержания судебного надзора, юридической формой его осуществления [8, с. 532].

Надзор должен твердо придерживаться следующих основных принципов:

1. Принцип открытости и публичности. Прозрачность, открытость и беспристрастность правосудия – это основа возникновения общественного доверия. Потому что только открытость, беспристрастность и справедливость могут заставить людей поверить в силу порядка и довериться авторитету судебной власти. «Справедливость не только должна быть реализована, но и реализована наглядными методами». «Солнечный свет — это лучший антисептик». Требуется реализовать эффективный надзор за судебным процессом, первоочередной задачей и принципом являются открытие судебного процесса и закрытие лазеек для извлечения выгоды, чтобы не оставить места для возможных незаконных сделок.

2. Принцип синхронного надзора за полным процессом. Данный принцип обозначает своевременный надзор органами прокуратуры на основе закона за соответствием законодательству всего процесса судопроизводства. Если смотреть с точки зрения пределов надзора, принцип синхронного надзора за полным процессом включает надзор события, надзор в процессе события и надзор после события. С точки зрения содержания надзора принцип синхронного надзора за полным процессом включает вещественный и процессуальный надзор. Если взять за пример процесс исполнения уголовного наказания, с вещественной стороны главным является надзор за тем, вступили ли в законную силу приговоры либо определения по уголовным делам народного суда, имелись ли в процессе исполнения уголовного наказания противозаконные действия, верны ли, законны ли основания для изменения уголовного наказания и прочее; с процессуальной стороны главным является надзор за тем, осуществляется

ли весь процесс уголовного наказания строго в соответствии с установленным нормами закона порядком. Через принцип синхронного надзора за полным процессом гарантируется соприкосновение углов надзора со всеми сторонами процесса судопроизводства без оставления глухих мест и скрытых угроз, делается все возможное, чтобы выявить в полном процессе судопроизводства правонарушения, обеспечивается максимизация эффекта надзора.

3. Принцип реальности. Данный принцип обозначает достижение надзором за процессом судопроизводства реальных результатов, не для внешней видимости, формальности и т. д. Ныне обессиленный, слабый, утративший чувствительность надзор, неэффективный надзор в осуществлении процесса судопроизводства разочаровывает людей, надзор только на теоретическом уровне, с плохой эффективностью выполнения, с трудом может достичь реальных результатов. При решении вопроса действительной эффективности надзора нужно приложить все усилия, в полной мере реализовать успехи надзора. Требуется полностью раскрыть важную роль прокурорского надзора до совершения события и после совершения события, приложить все усилия для преодоления застарелой болезни органов прокуратуры — надзора после совершения событии. В то же время необходимо активно способствовать открытости информации, в полной мере осветить роль надзора со стороны общественных организаций, средств массовой информации и Интернета, всесторонне крепить и множить силу надзора, формировать согласованность в надзоре, многосубъектность, многонаправленность, многосегментность для гарантии действительного результата процесса надзора. Правильное использование и практическое применение трех указанных принципов — это важное направление в усилении надзора за процессом судопроизводства, что касается связи трех принципов, принцип открытости и публичности является формой, принцип синхронного надзора за полным процессом — методом, а достижение реального результата — конечной целью. Можно сказать, что они как «два крыла одной птицы»: достижение реального результата — «тело птицы», а принцип открытости и публичности с принципом синхронного надзора за полным процессом — это «два крыла». Среди них нельзя выделить ни один, и нельзя пренебречь ни одним.

Усовершенствование процесса надзора за судебным разбирательством обозначает порядок пересмотра или подачи заявления для пересмотра уже вступивших в законную силу приговоров и определений народного суда, когда судебные органы, органы прокуратуры, а также стороны дела полагают, что имели место ошибки. Практика подтверждает, что процесс надзора за уголовным производством — это важное средство эффективного выявления ошибочных уголовных дел и полноценной реализации прав сторон на иск, гарантия возможности реализации процессуальной справедливости. Необходимо добросовестно выполнять до конца и реализовывать порядок надзора над уголовно-процессуальным

законодательством, чтобы создать условия для эффективного выявления и исправления сфабрикованных и ошибочных уголовных дел.

Усиление надзора органов прокуратуры за процедурой государственных компенсаций. Во-первых, требуется усовершенствовать функцию органов прокуратуры в запуске процесса надзора за процедурой государственных компенсаций. Кроме надзора органов прокуратуры за выявлением ошибок в ходе собственной работы и инициации дел по государственным компенсациям, способы запуска процесса надзора за государственными компенсациями также должны включать заявления в органы прокуратуры от лиц, требующих компенсации, или учреждений, ответственных за компенсации, а также подаваемые в органы прокуратуры жалобы или требования возбудить дело от граждан и юридических лиц, либо прочих организаций, решивших, что имело место нанесение ущерба законным правам и интересам государства, группы лиц или гражданина.

Во-вторых, усовершенствовать механизм проверки дел о государственных компенсациях и дальнейшие стандарты работы по принятию к рассмотрению и возбуждению дел о компенсациях, своевременно проводить проверки и извещать стороны дела о результатах проверок, добросовестно выслушивать мнение заявителей и их адвокатов, реализовать открытость, справедливость и беспристрастность процесса проверки, при обнаружении возможных ошибок во вступивших в силу приговорах и определениях народного суда в соответствии с законом возбуждать дела и проводить проверки, давать разъяснения об отказах в возбуждении дел, неподачах кассационных жалоб и отказах в проведении повторных проверок, сделанных органами прокуратуры, и осуществлять работу по законному обоснованию и прекращению возбуждения.

В-третьих, пределы надзора органов прокуратуры нужно расширить до каждого процесса государственных компенсаций, включая принятие заявлений, пересмотр, решения комиссии по вопросам компенсаций и т. д. над всеми органами прокуратуры, которые имели бы полномочия осуществлять надзор. Органы прокуратуры должны иметь на основании закона полномочия осуществлять надзор за учреждениями, ответственными за компенсации, которые приняли решение отказать в приеме заявления на получение компенсации, за делами, не взятыми на рассмотрение комиссией по вопросам компенсаций вследствие процессуальной ошибки, а также за вступившими в силу решениями о компенсации, столкнувшимися с проблемами в процессе исполнения и т. д. Только при усилении надзора органов прокуратуры можно стандартизировать применение процесса государственных компенсаций организациями, ответственными за компенсации, и комиссий народного суда по вопросам компенсаций, в то же время обеспечить потерпевшим помощь в получении возможности разумной компенсации от государства.

VII. Беспрепятственность каналов для подачи жалоб

С официальной точки зрения для обращения с жалобой есть два толкования: первое означает, что сторона, подавшая заявление, либо иное имеющее отношение лицо при неудовлетворенности уже вступившим в силу приговором или определением суда в соответствии с законом обращается с повторным требованием в суд или орган прокуратуры. Второе означает, что работники государственных органов, члены политических партий или общественных объединений при неудовлетворенности наказанием выражают свое несогласие заявлением в первоначальное учреждение, организацию или вышестоящие органы. Здесь смысл жалобы используется только для первого значения, и только в рамках судебной жалобы. Подача жалобы сторонами дела — это основной путь исправления возможных ошибок во вступивших в силу приговорах и определениях по уголовным делам, главный способ исправления ошибочных судебных дел, защиты прав и законных интересов сторон дела и укрепления концепции правовой системы. Работа по подготовке кассационных жалоб — это еще и необходимое мероприятие по защите согласия и стабильности общества, стороны дела посредством кассационных жалоб разумно выражают свои требования, а также в законных пределах предпринимают соответствующие меры: в отношении жалобы, имеющей основание, своевременно проводить пересмотры дел в установленном законом порядке и надлежащим образом решать вопрос в отношении необоснованных жалоб, необходимо проводить разъяснение и просвещать в отношении провокационных, противозаконных и преступных жалоб — организовать строгое разбирательство.

Литература

1. [Англия] А. Т. Деннинг. Надлежащий правовой порядок / пер. Ли Кэцяна и др.: юр. изд-е, 1999. — С. 1–2.

2. [США] Голдин. Философия права [М]. — Изд-во Саньлянь, 1987. — С. 240–241.

3. Фань Чун И. Уголовно-процессуальное право / Китайский университет политики и права. — 2013. — С. 87–88.

4. Фань Чун И. Предел: стандарты предотвращения ошибочных уголовных дел / Китайский университет политики и права. — 2015. — С. 42.

5. Исследование и обзор доказательственного права / ред. Сун Инхуэй, Тан Вэйцзянь. — Пекин: Изд-во Китайского университета народной безопасности, 2006. — С. 102.

6. Фань Чун И. Предел: стандарты предотвращения ошибочных уголовных дел / Китайский университет политики и права. — 2015. — С. 33.

7. Уголовно-процессуальное право. 5 изд-е / ред. Ван Го Шу, Чэнь И Юнь. Изд-во Пекинского университета, 2013. — С. 85.

8. Фань Чун И. Уголовно-процессуальное право / Китайский университет политики и права. — 2013. — С. 532.

Лю Вэньхуа, докторант, лектор Юридического университета, отделение аспирантуры Университета политики и права Китая. КНР, г. Пекин. E-mail: liuwenhuacn@163.com

Liu Wenhua, Doctoral of law sciences, lecturer of the Law University, department of postgraduate study, Beijing University of Policy and Law, Beijing.

ДК 351.746(510)

© **Цзя Шаосюэ**

АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ЭНЕРГЕТИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В КИТАЕ

Исследование получило поддержку инновационного комитета Шанхайского университета политики и права

Энергетическая безопасность имеет большое значение, так как напрямую влияет на экономическую, политическую и социальную стабильность, а также на дальнейшие перспективы развития страны. Совершенствование правовой системы в области энергетической безопасности является необходимым средством и одним из важнейших способов обеспечения национальной безопасности. В настоящее время правовое регулирование Китая в области энергетической безопасности имеет ряд проблем на теоретическом, системном и институциональном уровнях, который необходимо устранить. Международное сотрудничество Китая в области энергетической безопасности и законодательный опыт развитых стран играют важную роль в формировании правовой системы регулирования энергетической безопасности в соответствии с национальными условиями Китая.

Ключевые слова: *энергетическая безопасность, закон об энергетических ресурсах; стратегия в области энергетики; правовое регулирование.*

Tsya Shaosue

ANALYSIS OF THE PROBLEMS OF LEGAL REGULATION IN THE FIELD OF ENERGY SECURITY IN CHINA

Energy security has great significance, as it directly influences on economic, political and social stability and also on the further prospects of the development of the country. The improvement of the legal system in the field of energy security is the necessary means and one of the most important ways for provision of national security. Nowadays the legal regulation of China in the field of energy security has a number of problems at the theoretical, systematic and institutional levels, which should be eliminated. The international cooperation of China in the field of energy security and legislative experience of developed countries play the important role in formation of the legal system for the regulation of energy security according to national conditions of China.

Keywords: energy security, law on the energy resources, strategy in the field of energy, legal regulation.

Использование правовых методов для обеспечения энергетической безопасности страны является обычной практикой мировых энергетических держав. На сегодняшний день развитые страны провели целый ряд исследований и накопили достаточно зрелый опыт в области законодательства, в то время как в Китае идеи, принципы, формирование механизмов, выбор ценностей и другие вопросы находятся на стадии

обсуждения. Обсуждения в области энергетической безопасности касаются в основном безопасности поставок нефти и способствуют постоянному углублению понимания данной проблемы. В 1970-х гг. Международное энергетическое агентство (МЭА) дало определение национальной энергетической безопасности с целью стабилизации поставок и цен на нефть, однако это определение является недостаточным для нынешнего понимания энергетической безопасности. В связи с непрерывным развитием общества и растущей озабоченностью общественности по поводу окружающей среды, устойчивого использования энергоресурсов и растущим вниманием к другим вопросам, понимание концепции энергетической безопасности должно быть более диверсифицировано, включать в себя экологическую безопасность, комплексную безопасность и другие виды безопасности.

В 2003 г. Россия приняла стратегию энергетической безопасности до 2020 г. Стратегия подчеркивает важность инвестиций в энергетический сектор и определяет роль энергетической безопасности в защите страны, граждан, общества, государства и экономики от угроз непрерывным поставкам топлива и энергии: в обычных условиях гарантированность и надежность энергообеспечения экономики и населения страны в полном объеме, в чрезвычайных условиях надежность энергообеспечения в минимально необходимом объеме. Что касается Китая, то кроме повышенного интереса к энергообеспечению «уделяется больше внимания проблемам экологической безопасности, вызванным использованием нефти, природного газа и других видов энергии, можно сказать, что экологическая безопасность становится неотъемлемой частью новой стратегии в области энергетической безопасности» [1, p. 103–105]. «С одной стороны, безопасность энергообеспечения подчеркивает стабильность поставок энергии, непрерывность и доступность; с другой стороны, безопасность использования энергии гарантирует совместное существование и гармоничное взаимодействие между защитой окружающей среды и экологической безопасностью» [2, p. 10–14].

1. Система правового регулирования Китая в области энергетической безопасности

С точки зрения источников права, законодательные и нормативные акты Китая в области энергетических ресурсов включают конституцию, субъективное энергетическое право, административно-правовые нормы, уставы, соответствующие стандарты в сфере энергоресурсов, международные договоры в энергетической сфере и другие нормативные документы. Действующее национальное законодательство Китая в сфере энергетической безопасности включает в себя: «Закон о минеральных ресурсах» (1986), «Временные положения, регулирующие регистрацию, разведку и добычу нефти и природного газа»

(1987), «Правила, касающиеся поставок и использования электроэнергии» (1996), «Закон об электроэнергии» (1996), «Закон об угле» (1996), «Закон об энергосбережении» (1997), «Закон о возобновляемых источниках энергии» (2005), «Закон о защите нефте- и газопроводов» (2010), «Положение о регулировании маркировки энергоэффективности» (2004), «Положение о совместной эксплуатации нефтяных ресурсов земли» (2011), «Положение о совместной эксплуатации морских нефтяных ресурсов» (2011), «Административные меры строительства и эксплуатации инфраструктуры для природного газа» (2014) и другие административно-правовые нормы и отраслевые правила, имеющие отношения к энергоресурсам. Китай считает важнейшим международным правом «Рамочную конвенцию Организации Объединенных Наций об изменении климата» (1992) и «Киотский протокол» (1998). В последние годы в связи со значительно ускоренным созданием правовой системы энергетической безопасности обеспечение энергетической безопасности играет стимулирующую роль. Тем не менее китайская законодательная система в сфере энергетики остается неразвитой, законодательный процесс идет медленно, неэффективность, отсутствие ответственности и многие другие проблемы отражают отсутствие правовой основы энергетической стратегии и политического курса. Правовые порядки энергоснабжения, энергоснабжения в экстренных ситуациях, международного сотрудничества в сфере энергетики, энергетических резервов, энергетического планирования, управления энергией еще не установлены, и этот факт серьезно влияет на рациональное развитие экономики и общества Китая.

2. Правовые ценности энергетической безопасности Китая

«Ценность» как научный термин предполагает установление отношений между человеком в качестве субъекта и внешней средой в качестве объекта, выражая мотивы и цели практической деятельности человека «потребностью» или «удовлетворенностью». Ориентируясь на такие ценности, как порядок, свобода, эффективность, справедливость и безопасность, законодательство в области безопасности само по себе имеет уникальную ценностную логику. Правовая ценность энергетической безопасности требует от государства контроля правового регулирования в сфере энергоресурсов, удовлетворения потребностей нынешнего поколения в использовании энергоресурсов, удовлетворения спроса на энергию без ущерба для будущих поколений, следования принципу межпоколенческой справедливости. Наряду с получением выгоды необходимо поощрять собственные разработки в сфере энергетических технологий, последовательно способствовать устойчивому развитию энергоресурсов, повышать эффективность использования энергоресурсов, содействовать созданию общества с экономичным потреблением энергоресурсов.

Устойчивое развитие

Устойчивое развитие является одной из основных национальных стратегий развития и основной ценностью энергетической безопасности Китая. Устойчивое развитие означает, что человечество в условиях, не превышающих пропускную способность ресурсов окружающей среды, способствует экономическому развитию, поддерживает устойчивое использования ресурсов и повышает развитие качества жизни, учитывает интересы и потребности не только нынешнего поколения, но и будущих поколений. Китайское энергетического законодательство должно в полной мере реализовать основополагающую роль рынка в размещении энергоресурсов посредством регулирования цен, налогов, ассигнований, кредитов и других экономических стимулов для получения максимальных выгод от использования и производства энергии. Законодательство Китая в сфере энергетики должно рассматривать электроэнергетику в качестве центра, а угольную промышленность — в качестве фундамента, интенсивно осваивать гидроэнергетику, месторождения нефти и газа, а также активно развивать атомную энергетику, новые и возобновляемые источники энергии, оптимизировать структуру энергетики; на основании разведки, эксплуатации и создания отечественных источников энергии активно участвовать в сотрудничестве и освоении мировых энергоресурсов, обеспечивать рациональное использование энергоресурсов Китая [3, p. 76–77].

Ориентация на потребности людей

Энергоресурсы стали составной частью основных прав человека, ведь существование человечества зависит от достаточного энергообеспечения, права пользования ресурсами и равного доступа к энергетическим услугам. Энергетическое законодательство в качестве отправной точки должно учитывать интересы общества в целом, уделять внимание защите интересов социально уязвимых слоев населения, создавать механизмы для участия общественности в области развития и использования энергии, утверждать социальную ответственность предприятий и т. д. Согласно ст. 9.1 Конституции РФ, «земля и другие природные ресурсы используются и охраняются в РФ как основа жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории» [4]. Статья 42 гласит, что «каждый имеет право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью». Это в полной мере отражает защиту прав человека, в области использования ресурсов. В международном праве «Декларация Рио», «Повестка дня на XXI век», «Рамочная конвенция Организации Объединенных Наций об изменении климата», «Международный пакт о гражданских и политических правах» и другие договоры в области прав человека предоставили общественности права в области окружающей среды и ресур-

сов, в том числе право на доступ к информации, участие в процессе принятия решений, выражение мнения и т. д.

Защита окружающей среды и энергоресурсов

Закон об энергетических ресурсах не является тождественным экологическому праву, помимо введения функции защиты окружающей среды, с точки зрения экономического и социального развития необходимо гарантировать энергообеспечение для населения. Задачей энергетического законодательства каждой страны является содействие развитию, координации и балансу между экономическим ростом и защитой окружающей среды. Следует осуществлять контроль ухудшения состояния окружающей среды и изменения климата в соответствии с конституцией. Согласно ст. 36.2, «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляются их собственниками свободно, если это не наносит ущерба окружающей среде и не нарушает прав и законных интересов иных лиц». В целях содействия разработке и использованию энергоресурсов Китаю необходимо принять основной закон об энергоресурсах, перенять передовой опыт России и других западных стран, способствовать гармоничному развитию экономики, общества и охраны окружающей среды.

Рекомендации по усовершенствованию китайского законодательства в области энергетической безопасности

Китаю необходимо заимствовать успешный зарубежный опыт политики и законодательства в области энергетики, совершенствовать правовую систему в сфере энергетики, наряду с принятием основных законов об энергетических ресурсах завершить работы по установлению и пересмотру специальных законов в сфере энергетики. Китай должен разрешить проблемы, существующие в законодательстве, правовой системе, относительно регулирования энергетической безопасности. Китайское законодательство в сфере энергетики довольно сильно отстает, до сих пор не изданы закон об энергетических ресурсах, закон о нефти и газе и другие законы в сфере энергетики, что, безусловно, препятствует дальнейшему совершенствованию и развитию системы правового регулирования в сфере энергетической безопасности. В результате на сегодняшний день невозможно эффективно разработать руководство в области энергетики. Для того чтобы обеспечить правовую систему национальной энергетической безопасности, Китаю необходимо взять за основу закон об угле, закон об атомной энергии, закон о возобновляемых источниках энергии, закон об электроэнергии, закон о нефти и газе, а также обеспечить четкую структуру, гармонию содержания и единую форму административно-правовых норм и правил государственного совета и местного правительства [5, p. 19–21]. Очевидно, что некоторые правовые нормы в области энергетики недостаточно эффективны и легитимны.

Договоры и правила международного энергетического сотрудничества в рамках существующего международного порядка уделяют больше внимания основным ценностям развитых стран, но не учитывают реальных интересов развивающихся стран, не придерживаются институциональных рамок. Китай, являясь одним из важных представителей развивающихся стран, должен получить больше голоса в установленной международной правовой системе в сфере энергетики, играть ведущую роль, способствовать созданию большего числа международных организаций в энергетической сфере, и выработать правила и условия в сфере энергетики, соответствующие интересам развивающихся стран. В целях обеспечения энергетической безопасности страны следует активно содействовать многостороннему сотрудничеству между странами, созданию справедливого, транспарантного и рационального правового механизма сотрудничества. Следует улучшить партнерские отношения с соседними странами в сфере энергетики, усилить многостороннее сотрудничество по вопросам энергетической безопасности, способствовать созданию правовой системы многостороннего международного сотрудничества в области энергетики.

Вывод

Концепции «Экономического пояса Великого шелкового пути» и «Морского шелкового пути» являются ответом на серьезные изменения в глобальной структуре, а также важной национальной стратегией развития и углубления межрегионального сотрудничества в экономической, социальной, культурной, дипломатической и других областях. Китай, как и другие мировые державы, является импортером нефти, активное участие в двустороннем и многостороннем международном сотрудничестве в сфере энергетики может способствовать решению проблем энергетической безопасности страны. В будущем Китай должен и дальше укреплять энергетическое сотрудничество со странами Персидского залива, поддерживать энергетическое сотрудничество со странами АСЕАН, ШОС и другими поставщиками энергоносителей, устанавливать внутренние цены на энергоносители в соответствии с ценами на мировом рынке, решать вопросы безопасности, связанные с ценами на энергоносители. На саммитах ШОС в Бишкеке в 2013 г., и в Душанбе в 2014 г., председатель КНР Си Цзиньпин предложил усилить координацию и сотрудничество стран-участниц в области энергетики, выступил с инициативой сотрудничества в области безопасности транснациональных нефте- и газопроводов, активно содействовал углублению китайско-российского энергетического сотрудничества в рамках ШОС, а также выразил надежду на сотрудничество Китая на высшем уровне в сфере энергетики. Китаю необходимо активно разрабатывать соответствующий комплекс мер и условий сотрудничества с Россией и странами Центральной Азии, поощрять двусторонние инвестиционные потоки, грузоперевозки, мобильность талантов, а

также упрощение процедур в других сферах сотрудничества. Китаю следует направить усилия на повышение взаимодействия и привлечение российских компаний к участию в добыче нефти внутри страны, в транспортных проектах, обеспечить политические и правовые гарантии для взаимодействия в разработке технологий энергоресурсов, энергопоставок, энергосбережения, газо- и нефтезапасов, ядерных технологий и в других сферах. Учитывая существующие проблемы в правовом регулировании Китая в сфере энергетической безопасности, необходимо в соответствии с правовыми ценностями энергетической безопасности, установленным законодательством и правовым порядком обеспечения энергетической безопасности, уделять внимание Шанхайской организации сотрудничества и другим механизмам международного сотрудничества в области энергетической безопасности придерживаться более активной и прагматичной стратегии энергетической дипломатии, установить стратегическое сотрудничество с Россией, Ближним Востоком и другими странами, обеспечить энергетическую безопасность на основе верховенства права.

Литература

1. Чжан Юн, Хуан Сяохуа. Выбор права по энергетическим стратегиям безопасности // Хэбэй Право. — 2008 (8). — P. 103–105.

2. Чжан Хэй. Китай в области энергетической безопасности // Международная нефтяная экономика. — 2001 (3). — P. 10–14.

3. Ли Янюн. Строительство энергетической безопасности правовой системы // Вестник Университет Ганьсу. — 2008 (3).

4. Конституция Российской Федерации (принята на всенародном голосовании 12 декабря 1993 г.). URL: http://constitution.garant.ru/rf/chapter/1/#block_901

5. Мабо, Лю Пэйлиан. Анализ проблем энергетической безопасности // Вестник Сианьского нефтяного Университета. 2015 (5). — P. 19–21.

Цзя Шаосюэ, доктор юридических наук, преподаватель Шанхайского университета политики и права (SHUPL), КНР. E-mail: ys02302041@126.com

Tsya Shaosue, DSc (in law), lecturer of Shanghai University of Political Science and Law (Innovative Committee of Shanghai University of Policy and Law). E-mail: ys02302041@126.com

УДК 94(510)

© **А. В. Набока**

ПОЛИТИКА ВАШИНГТОНА В КИТАЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ОПИУМНОЙ ВОЙНЫ (1839–1842)

На основе анализа работ отечественных и зарубежных ученых, опираясь на опубликованные источники, автор отстаивает мысль о том, что в период первой опиумной войны официальный Вашингтон стремился придерживаться политики нейтралитета, дистанцируясь от политики Великобритании и от контрабандной торговли опиумом. Белый дом всеми силами пытался доказать Пекину дружественность своих намерений, объясняя свои действия лишь желанием защитить от возможных военных опасностей американских граждан. В то же время на волне успехов англичан администрации президента Джона Тайлера удалось навязать Китаю Вансяский договор, гарантировавший США такие же привилегии, которые получила в Циньской империи Великобритания.

***Ключевые слова**: США, Китай, К. Кушинг, Кантон, Вансяский договор.*

A. V. Naboka

WASHINGTON POLICY IN CHINA DURING THE FIRST OPIUM WAR (1839–1842)

Based on the analysis of the works of domestic and foreign scientists, relying on published sources, the author defends the idea that during the First Opium War the official Washington sought to adhere to the policy of neutrality, keeping away from the UK policy and from smuggling opium. The White House tried its best to prove Beijing the friendliness of its intentions, explaining their actions solely by the desire to protect American citizens against the possible military threats. At the same time, in the wake of the British success, President John Tyler administration managed to impose on China the Treaty of Wanghia, which ensured the United States the same privileges that Great Britain obtained in the Tsin Empire.

Keywords: USA, China, C. Cushing, Canton, Treaty of Wanghia.

Важность изучения исторических корней современной политики США относительно Китая обусловливает актуальность данной статьи, в которой раскрывается процесс становления американо-китайских связей в первой половине XIX века.

Вследствие увеличения масштабов контрабанды опиума в Циньской империи в первой четверти XIX в. социальная и демографическая ситуация там была близка к катастрофической. По всей стране росло недовольство засильем иностранцев, которых обвиняли в том, что они травят наркотиками местное население. Уже в декабре 1838 г. в Кантоне (Гуанчжоу) вспыхнула стихийная борьба против опиумной торговли. Местные жители начали громить склады английского, французского и американского факторий. В знак протеста купцы приспустили флаги своих стран и потребовали сурового наказания для виновников [2, с. 115].

Однако маньчжурская власть на этот раз выступила на стороне кантонских бунтовщиков. В начале 1839 г. для борьбы с наркоторговлей в Кантон был направлен императорский ревизор Линь Цзэсюй, который 10 марта 1839 г. отдал приказ изымать опиум, контрабандным путем попадавший в страну. Все торговые корабли с нелегальным грузом были перехвачены в кантонской гавани, а иностранные купцы — их владельцы — были арестованы. Слуги Линь Цзэсюя жгли конфискованный опиум в течение 22 дней.

В качестве компенсации за уничтоженный товар Линь предлагал западным коммерсантам заполнить трюмы их кораблей чаем, который так ценился в Европе и США. Единственным условием был полный отказ от контрабанды наркотика в будущем.

22 марта все улицы в Кантоне, кроме главной, были перекрыты. Иностранцы были заперты в своих резиденциях, а джонки перекрыли вход для их кораблей на реку Вампоа, которая протекала у Кантона. 25 марта Линь заявил, что все спорные вопросы отныне будут решаться вместе с консулами западных стран.

Представители западных держав на встрече с Лень Цзэсюэм

28 марта китайский чиновник обратился к иностранным представителям — Сноу (США), Ван Базелю (Голландия), Ван Лоффельту (Франция) — с приказом подготовить «полный отчет о количестве опиума, который находится в распоряжении торговцев своих стран» [1, p. 647]. Кроме того, Линь обязал консулов распространить среди

подданных вышеупомянутых стран информацию о том, что они должны взять на себя добровольное обязательство не торговать опиумом в Кантоне. Он предупредил о наказании в случае отказа, в частности, о возможном аресте кораблей и груза. Китайский сановник также отметил, что в Гуанчжоу не будут допускаться грузы, завернутые в прессованную вату, поскольку в данный материал обычно заворачивали опиум.

Однако американский уполномоченный Сноу отказался выполнять данные условия, заявив, что не имеет соответствующих полномочий и будет действовать только после утверждения его действий Вашингтоном [2, p. 96].

Тем не менее вскоре американцы были вынуждены согласиться с условиями Линя, хотя были явно раздражены его деятельностью, поскольку понесли значительные убытки. Так, крупнейшая американская фирма «Рассел и компания» потеряла 1540 ящиков наркотического зелья [3, p. 286].

Не желая мириться с действиями китайских властей, президент компании Роберт Форбс, а также семь других представителей семейства Форбсов и Расселов подписали петицию в Конгресс США, в которой призвали сделать все для защиты жизни и собственности американских граждан в Китае. Позже, в январе 1840 г., Форбс снова повторил свой призыв в законодательный орган Соединенных Штатов. В апреле 1840 г. Форбсов и Расселов поддержали купцы Бостона и Салема, которые также имели коммерческие интересы в Китае. Они предложили направить в Циньскую империю несколько кораблей военно-морского флота.

Под давлением коммерческих кругов Вашингтон, который особенно не хотел вмешиваться в конфликт между китайцами и англичанами, в конце концов согласился направить в китайские моря эскадру под руководством коммодора Лоренса Керни (1789–1868) [5, p. 346]. Следует отметить, что уже 9 января 1840 г. Конгресс рассмотрел первые петиции американских торговцев в Китае и удовлетворил их [2, p. 124].

К китайским берегам было направлено 42-пушечный фрегат «Констелейшен» и шлюп «Бостон», которые 22 марта 1842 г. достигли Макао. Их задачей было обеспечение защиты имущества и жизни американских граждан на всем побережье Китая.

Кроме того, отдельно Керни было приказано «препятствовать практике курения опиума и торговли им среди американцев [5, p. 346]. Следует отметить, что для такого решения были определенные основания. Дело в том, что контрабандисты наркотика, учитывая то, что США заняли нейтральную позицию в войне между Англией и Китаем, часто вывешивали американский флаг на своих кораблях, тем самым подрывая престиж страны. Кроме того, они провоцировали конфликты с маньчжурской властью [2, p. 124].

По мнению американского исследователя Деннета, вышеупомянутая проблема действительно стояла достаточно остро. Историк отмечал, что в целом американцы согласились с условиями Линя и отказались ввозить опиум в Китай, в отличие от англичан, которые открестились от своих добровольных обязательств уже через три дня. Подданные британской короны продолжали ввозить опиум в Кантон, часто прикрываясь нейтральным американским флагом. В качестве доказательства он приводит фрагмент из письма капитана фрегата «Колумбия» Дж. Рида к секретарю военно-морского флота в Макао от 31 марта 1839 г., в котором, в частности, отмечалось: «На английских судах находится много опиума, который никто не собирается возвращать обратно в ту страну, с которой он был доставлен. Я не буду удивлен, если узнаю, что его доставка и продажа на побережье будет осуществляться под американскими цветами. Если такая незаконная торговля продолжится, суда должны быть захвачены на месте преступления, несмотря на все трудности и опасности» [Там же, p. 123].

Следует отметить, что Керни считал борьбу против подобной практики делом чести. В марте 1842 г., находясь в Макао, он написал письмо в американское консульство, в котором отметил, что ему стало известно, что владельцы некоторых американских кораблей занимаются контрабандой опиума. «В связи с этим я прошу довести до китайских властей, что правительство Соединенных Штатов не позволяет использовать американские флаги для организации контрабандной торговли, вопреки законам Китая» [4, p. 139], — писал коммодор.

Почти сразу по прибытии в Макао Керни направился в Кантон, где в условиях все сильнее разгоравшегося англо-китайского конфликта существовал риск, что он затронет и интересы американских граждан. В то же время коммодор не собирался нарушать суверенитет Китая, выступая на стороне одной из сторон. Он подчеркивал мирный и гуманитарный характер своей миссии. В частности, 27 апреля 1842 г. он направил письмо губернатору Гуанчжоу, в котором сообщал о целях своего визита, среди них он выделил следующие: «защита жизни и собственности моих соотечественников, борьба против пиратов в окружающих водах и на Вампоа, поддержка граждан, потерпевших кораблекрушение у китайских берегов, а также предупреждение торговли опиумом [Там же, p. 140].

Вместе с тем в вышеназванном письме он отметил, что война все-таки затрагивает интересы граждан США, и привел несколько примеров, когда американские коммерсанты были избиты китайскими солдатами или были задержаны ими. По информации Керни, не обошлось и без трагических случаев, в результате которых несколько его соотечественников погибли.

В связи с этим коммодор требовал от губернатора подробного расследования каждого из случаев и наказания виновных. «Мы просим его превосходительство найти и наказать виновных, а также обеспе-

чить ремонт для поврежденной собственности граждан США» [Там же], — требовал он.

В своем ответе китайский губернатор, вероятно, напуганный прибытием американских военных кораблей, уверял Керни в дружеских чувствах, настаивая на том, что «наша Небесная династия всегда проявляла дружеское участие и заботу к иностранцам». Он также заверил, что не имеет никаких претензий относительно того, чтобы американские корабли заходили в порты провинции, которой он руководил. Единственной его просьбой было то, чтобы коммерсанты — граждане США — по прибытии в Китай для торговли сообщали об этом консулам, а те, в свою очередь, направляли необходимую информацию представителям местной власти [Там же, p. 141].

Что же касается участия граждан США в торговле опиумом, то губернатор дал понять Керни, что знаком с ситуацией, когда американский флаг используют различные авантюристы, и не имеет претензий к США. «Я считаю, что американские купцы действовали со всею почтительностью и послушанием. Их корабли принадлежат коммерсантам, которые занимаются законной и почетной профессией и не имеют отношения к импорту опиума» [Там же].

Тем не менее заверения китайского чиновника Керни не считал достаточно убедительными. Он всеми силами пытался защитить престиж США в вопросе торговли опиумом. Коммодор оставался у берегов Китая около года и все это время его корабли активно патрулировали побережье в поисках контрабандистов, которые прикрывались американским флагом. Ему даже удалось захватить и конфисковать торговый корабль «Ариэль», хозяин которого осуществлял незаконную торговлю опиумом, прикрываясь американским нейтралитетом. Коммодор приказал купцу оставить судно вместе с грузом в Макао [2, p. 125].

Рассматривая политику Вашингтона в период первой опиумной войны, отдельно следует рассмотреть такой важный аспект, как подготовка и подписание договора между США и Цинской империей после ее завершения.

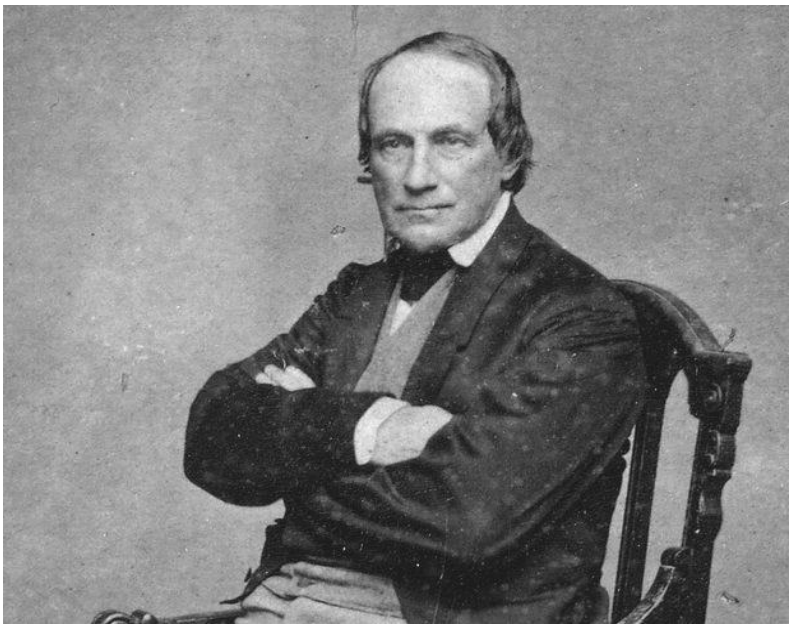
Развивая предыдущие военные успехи, в мае 1842 г. английская армия начала решающее наступление. В начале августа подошли к южной столице Китая — Нанкину, угрожая ему штурмом. Здесь, под стенами города, английский посланник Г. Поттингер фактически продиктовал запуганным императорским эмиссарам позорные условия мира. 29 августа 1842 г. на борту английского военного корабля «Корнуолл» был подписан так называемый Нанкинский договор.

Согласно договору, порты Гуанчжоу, Сямэнь, Фучжоу, Нинбо и Шанхай объявлялись открытыми для торговли и поселения англичан. Корпорация Кохонг ликвидировалась. Остров Гонконг (Сянган) переходил в «вечное владение» Великобритании. Пекин должен был уплатить Англии компенсацию за конфискованный Линем опиум, долги купцов Кохонгу и контрибуцию — всего 21 000 000 долларов. Китай

лишался таможенной автономии, а ввозные пошлины не должны были превышать 5 % стоимости товара. Договор стал первым неравноправным договором в новой истории Китая.

Развивая достигнутый успех, Великобритания в октябре 1843 г. в городе Хумэнь навязала Пекину «Дополнительное соглашение о торговле в пяти портах». Последнее устанавливало для английских подданных право экстерриториальности и вводило консульскую юрисдикцию, то есть подсудность английском консулам, а не китайскому суду. Англичане получали возможность создать в «открытых» портах свои сеттлменты. Великобритании предоставлялось также право «наибольшего благоприятствования», то есть все привилегии, которые в будущем могло получить другое государство в Китае, автоматически распространялись и на Великобританию.

Пытаясь не отставать от англичан, Вашингтон также пытался как можно скорее заключить с Пекином договор, аналогичный Нанкинскому. Необходимость заключения специального американо-китайского соглашения объяснялось среди всего прочего и тем, что его отсутствие означало бы развитие американской коммерции в Китае под эгидой Великобритании.



Калеб Кушинг (1800–1879)

В 1843 г. Конгресс принял решение направить в Цинскую империю специальную дипломатическую миссию. Перед тем как окончательно сформулировать требования к Китаю, из Белого дома были разосланы циркулярные письма коммерсантам Бостона, Салема, Нью-Йорка и других городов, где занимались китайской торговлей с прось-

бой предоставить свои предложения относительно будущего договора [Там же, p. 135].

Среди торговцев, которые откликнулись на просьбу правительства, наиболее активными были коммерсанты Бостона, неформальным лидером которых был уже упоминавшийся владелец компании «Рассел и компания» Форбс. Совместно с другими торговыми домами он подготовил меморандум об условиях мирного договора с Китаем. По мнению бостонских купцов, миссия на всем пути должна сопровождаться большим количеством военных кораблей. Кроме того, Форбс настаивал на том, чтобы послы вели себя максимально тактично и дружелюбно, поскольку китайцы традиционно воспринимают иностранцев как врагов. Так что было бы важно показать дружественность намерений и отсутствие желания враждовать с ними.

Кроме того, коммерсанты рекомендовали начать миссию с посещения Макао и Кантона, при этом китайские власти в городах следовало заранее предупредить о прибытии послов. В качестве переводчика Форбс советовал нанять миссионера, доктора-офтальмолога П. Паркера, который за время своего пребывания в Китае досконально изучил китайский язык. Также рекомендовалось проявлять «неограниченную» осторожность во время поездки в Цинскую империю [Там же, с. 136].

Меморандум заканчивался мыслью о том, что американцы уже неформально пользовались всеми необходимыми им привилегиями, поскольку все пункты Нанкинского договора автоматически распространялись и на янки. Поэтому послы, заключая соглашение с Китаем, просили следовать принципу «не навреди» — то есть официальный договор не должен привести к сокращению существующих торговых привилегий для граждан США [Там же, с. 137].

Руководителем миссии был назначен ведущий политический деятель США Калеб Кушинг (1800–1879). Он происходил из семьи, которая занималась строительством кораблей в штате Массачусетс. В 1813 г. будущий дипломат поступил на юридический факультет Гарварда и окончил его в возрасте 17 лет. В 1825 г. он был избран конгрессменом и до 1834 г. работал в законодательном органе США, где возглавлял комитет по иностранным делам.

В 1843 г. президент Джон Тайлер (1790–1868) назначил Кушинга специальным уполномоченным для заключения договора с Цинской империей. Инструкции для дипломата готовил лично Государственный секретарь Дэниел Вебстер (1782–1852). Основной задачей миссии было обеспечение доступа американских судов и грузов в такие порты, как Сямэнь, Нимбо, Фучжоу и Шанхай, которые были открыты Великобританией для торговли, согласно договору в Нанкине.

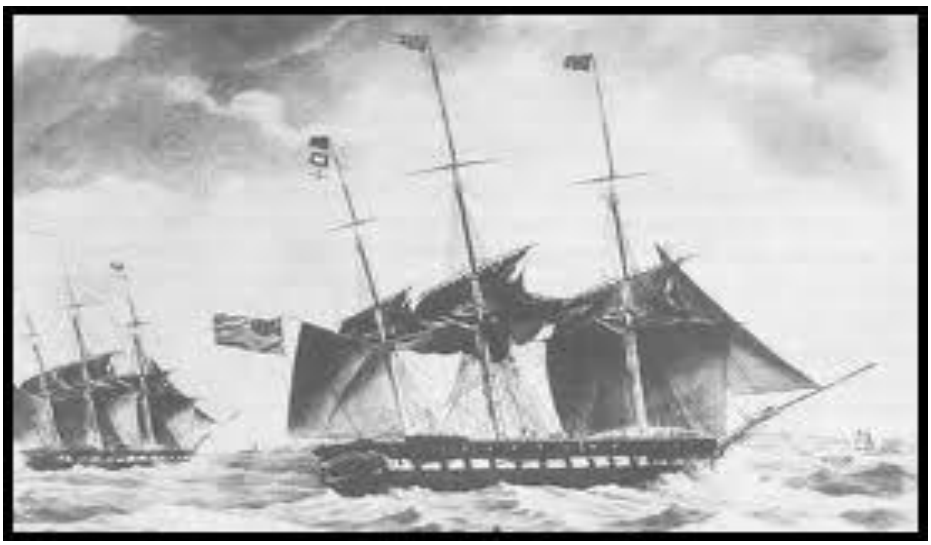
Также Вебстер призвал Кушинга быть максимально тактичным при контактах с китайскими властями, для того чтобы сформировать у китайцев убежденность в дружеских намерениях американцев. Кроме того, он должен был довести до китайского правительства информацию о том, что Белый Дом не поддерживает контрабандистов опиума,

независимо от их гражданства, и если граждане США будут пойманы китайскими властями, занимаясь этой деятельностью, то Вашингтон не будет вмешиваться в процесс решения их дальнейшей судьбы [Там же, p. 138].

В то же время Государственный секретарь призвал Кушинга сохранять авторитет его страны и отказаться проходить унизительные обряды поклонения перед китайским императором. В Пекине не должно было сложиться традиционное для китайской дипломатии убеждение, что США является данником великой китайской империи и ее «заморским вассалом». Тактичность и дружелюбие, по мнению Вебстера, должно было сочетаться с демонстрацией достоинства нации, которая послала Кушинга на переговоры.

Перед отправкой дипломату поручили передать письмо президента США Тайлера китайскому императору. Документ начинался с преамбулы, в которой Тайлер уверял маньчжурского правителя в «вечной дружбе двух величайших государств в мире». Также он предоставлял рекомендации своем посланцу Кушингу, как «одному из самых мудрых и образованных людей нашей страны» [Там же, p. 140].

В целом письмо было написано в соответствии с инструкциями Кушингу – в тактичном и дружелюбном стиле, и, по мнению автора, должно было рассеять чувство враждебности к американцам. Тайлер буквально уговаривал императора заключить договор, уверял его в том, что США не имеют враждебных намерений к Цинской империи и не принимают участие в позорной контрабанде опиума [10, p. 585].



Корабль «Brandywine», доставивший К. Кушинга и его помощников в Китай

Окончательно сформированная миссия состояла из К. Кушинга, секретаря Ф. Вебстера, хирурга и известного исследователя Арктики

Э. Кейна и группы молодых людей — волонтеров. Переводчиком был избран П. Паркер, ранее рекомендованный Форбсом, который в то время занял пост консула в Кантоне.

Следует также отметить, что отправке миссии Кушинга предшествовала серия переговоров на уровне консулов. Еще в октябре 1843 г. новый консул в Кантоне П. Форбс несколько раз встречался с генерал-губернатором провинций Квантунг и Гуанси. Они обсуждали место проведения переговоров. Наконец, сошлись на том, что Кушингу не следует ехать в столицу – Пекин, поскольку имперский комиссар, уполномоченный подписывать международные договоры, находился в то время в Кантоне [2, p. 146].

Американская делегация прибыла в Макао 24 февраля 1844 г. Согласно инструкции Вебстера, Кушинг сразу же предупредил о своем приезде местного китайского губернатора Цзина. Он заявил, что «имеет необходимость пробыть несколько недель в Макао, прежде чем продолжит свое путешествие по реке Пей-хо» [Там же, p. 147].

Именно в Макао начались предварительные переговоры. Однако губернатор их явно затягивал, заявляя, что необходимо сообщить императору об их начале. Он также настаивал на том, что уже существующая торговая система и без официального соглашения предусматривает предоставление американским коммерсантам всех возможных привилегий. Переговоры между Кушингом и местными китайскими властями продолжались почти три недели. В конце концов американскому посланнику надоело ждать эмиссара из столицы, и он решил переехать в Пекин, чтобы продолжать переговоры уже с китайским правительством. Это вызвало протесты со стороны губернатора Цзина. Китайский чиновник указывал на распоряжение императору, которое предписывало американцам оставаться в Макао, и называл их возможный поход в Пекин «нецивилизованным актом».

Активным участником переговоров был также командующий Тихоокеанской эскадрой США коммодор Ф. Паркер, который отвечал за доставку делегации в Макао. В то время как Кушинг вел переговоры в Макао, он отправился в Кантон, где хотел встретиться с местным губернатором. Однако старый китайский чиновник отказался принимать коммодора. Среди всего прочего Паркер доставил в американское консульство специально изготовленные флаг и флюгер [8, p. 353]. Сначала их должны были установить в Макао, но побоялись конфликта с португальцами, которые тогда владели городом, потому отправили данные символы в Кантон.

Последнее событие неожиданно привело к серьезному инциденту, который мог поставить под угрозу подписание нового договора. Дело в том, что накануне прибытия в Кантон Паркера в городе началась эпидемия. Когда же американцы установили над зданием консульства флюгер, его необычная форма заставила китайцев думать, что это знак темных сил и что «белые варвары» специально установили его, чтобы навлечь болезни на местное население. Через несколько дней разъ-

яренная толпа ворвалась на территорию консульства, сорвала флюгер и флаг, несколько сотрудников консульства были жестоко избиты. В ответ Форбс отдал приказ стрелять на поражение. Несколько кровавых столкновений произошли также в городе, где американцы, защищая себя, убили несколько китайцев. В ответ китайский губернатор потребовал выдать убийц, чтобы судить их по местным законам. В свою очередь, Форбс, который имел право судить своих соотечественников, заявил, что они ни в чем не виноваты, поскольку применили оружие исключительно для самообороны. В конце концов было решено обсудить это дело в ходе переговоров Кушинга и императорского уполномоченного.

В это время американский посланник продолжал неофициальные переговоры с Цзином и, раздраженный ожиданием, решил поучить китайского чиновника правилам международного этикета. Он заявил, что задержка западного посольства «в других странах воспринимается как оскорбление и является поводом для войны» [2, p. 150].

Кушинг высказывал претензии по поводу того, что он уже долгое время находится в Китае, а уполномоченный вести переговоры императорский комиссионер так и не был назначен. На это губернатор Цинь заявил, что китайский переговорщик уже назначен и необходимо ждать его прибытия. Раздраженный американец отметил, что такие бесполезные ожидания «грубо оскорбляют национальное достоинство», однако он «поглощает все обиды» на время переговоров, но надеется на моральную компенсацию в будущем.

Через несколько дней томимый ожиданием Кушинг решил напугать Цзиня, сообщив ему, что правительство Соединенных Штатов решило усилить свою тихоокеанскую эскадру и фрегаты «Сент-Луис» и «Перри» уже проходят мыс Доброй Надежды и скоро прибудут в китайские воды.

В ответ Цзинь заявил, что 4 мая специальный императорский уполномоченный Куинг, который должен был вести переговоры, уже покинул Пекин и его прибытие ожидается 5 июня.

Услышав эту новость, Кушинг на некоторое время успокоился, поскольку он был доволен тем, что китайскую сторону будет представлять именно комиссионер Куинг, известный тем, что именно он подписал Нанкинский договор с Великобританией. Он поспешил официально отказаться от права идти на Пекин, отметив, однако, что если в будущем любой представитель иностранного государства будет принят в столице, то США должны иметь такие же привилегии.

Императорский уполномоченный прибыл только 17 июня и поселился в храме за пределами Макао, в поселке Ванся. Следующие несколько дней были посвящены проведению взаимных церемониальных визитов. 18 июня Кушинг направил на имя Куинга письмо, в котором были изложены все предыдущие условия договора. В частности, американский уполномоченный писал: «Сэр, я имею честь представить Вашему Превосходительству пункты предлагаемого договора, которые

охватывают все вопросы, за исключением двух или трех, которые я хотел бы обсудить с Вами лично» [7, p. 413]. Среди данных пунктов можно выделить следующие:

1) установление мира между Соединенными Штатами и Китаем на основе «сердечной дружбы»;

2) отказ США от территориальных захватов на территории Китая;

3) развитие и углубление коммерческих отношений между странами. Кушинг отмечал, что все порты Соединенных Штатов открыты для внешней торговли и на импорт не накладывается пошлины. Однако правительство США понимает желание императора ограничить внешнюю торговлю пятью портами и соглашается принять данное условие;

4) подчеркивалась разница между условиями, которые предлагали американцы и пунктами Нанкинского договора, заключенного с Великобританией. В частности, еще раз отмечалось, что США не имеют никаких территориальных претензий к Китаю, в то время как англичане аннексировали остров Гонконг;

5) договор, который предполагалось заключить между сторонами, содержит почетные условия, как для США, так и для Китая» [Там же, p. 414].

На следующий день Куинг прислал Кушингу ответ, в котором выразил в целом удовлетворение пунктами договора, настаивая, что спорные пункты будут обсуждаться при личной встрече. Однако заочный обмен взглядами на развитие американо-китайских отношений продолжался.

Так, 22 июня 1844 г. Кушинг прислал Куингу новое письмо, в котором поднял проблему ввозной пошлины. Он писал: «Сэр, я чувствую себя обязанным искренне заявить Вашему Превосходительству, что тарифы, которые недавно были установлены во время переговоров с Англией, в большинстве умеренные и разумные. Поэтому в вопросе тарифов в целом, я не имею никаких возражений» [Там же, p. 417].

В то же время Кушинг настаивал, что необходимо пересмотреть тарифы, которые накладываются на товары, которые приходят в Китай в основном из Соединенных Штатов. Американский посланник хотел обсудить данный пункт более подробно в личных переговорах с Кушингом.

Наконец 3 июля достаточно быстро, поскольку Кушинг имел подготовленную резолюцию договора, соглашение было подписано. Кроме того, сторонами был обсужден инцидент в Кантоне. Куинг был вынужден согласиться с решением консульского суда и признать американцев невиновными. Однако стороны согласились предоставить денежное возмещение для семей погибших китайцев. Собственно данное дело было очень важно для Кушинга с политической точки зрения. Оно на практике показывало действие принципа экстерриториальности, который был включен в договор отдельным пунктом. Также данный инцидент дал американскому послу возможность требовать от китайской стороны гарантий безопасности граждан США [2, p. 154].

После подписания договора Кушинг подарил Куингу несколько пистолетов и книг по военно-морской тактике, выразив надежду, что данная информация будет полезной для Цинской империи в будущем. Видимо, желая сделать приятное своему визави, китайский представитель заявил, что в случае, если в будущем Китай окажется на пороге войны, то его жители пригласят американцев помочь им.

В целом договор, подписанный в Вансия, предусматривал распространение на американцев всех привилегий и льгот, которые получили англичане согласно Нанкинскому договору 1842 г.

Распространенное в отечественной историографии мнение о том, что договор, подписанный Кушингом в Вансия, был полностью тождественен договору, который двумя годами ранее подписала Великобритания с Китаем в Нанкине, не совсем правильное, поскольку американцам удалось выторговать у китайской стороны ряд вспомогательных важных привилегий. В частности, граждане США получили право строительства в открытых портах торговых и жилых домов, церквей, кладбищ и больниц. Также китайцы, которых раньше жестоко наказывали за любые контакты с иностранцами, теперь могли свободно наниматься к американцам в качестве преподавателей или помощников миссионеров. Кроме того, граждане США получали возможность учить китайский язык и покупать китайские книги, что ранее также запрещалось [6, p. 419].

В свою очередь, Кушинг согласился с тем, что правила экстерриториальности не будут распространяться на тех американцев, которые будут заниматься контрабандой опиума на китайском побережье и в случае, если они будут пойманы, их судьбу должен решать маньчжурский суд.

Следует отметить, что подписание Вансяського договора, который гарантировал гражданам США большее количество привилегий, чем другим иностранцам, по мнению некоторых западных ученых, было свидетельством того, что американцы в Китае воспринимались как дружественная нация, которая не запятнала себя в позорной торговле опиумом. Подобные идеи высказывает, в частности, В. Спор в своем фундаментальном труде «Самая старая и самая новая империи: Китай и Соединенные Штаты» [6, p. 421].

Однако дальнейшие события в Кантоне доказывали, что данные утверждения были далеки от истины. Вскоре после того, как Вансяский договор был подписан и имперский уполномоченный Куинг уже возвращался в Пекин, до него дошли слухи о новых беспорядках в городе. Летом 1844 г. группа американцев во время прогулки в саду подверглись нападению со стороны разъяренной толпы китайцев, которые прорвались в иностранный сеттльмент, разбив ворота. Иностранцы попали под град камней, которые кидали в них местные жители. В ответ граждане США применили огнестрельное оружие и убили одного из нападавших. Жертвой конфликта стал житель Кантона сирота Су Амон. Консульский суд признал убийство оправданным, поскольку

было признано, что американцы защищали свою жизнь, в то время как местная китайская власть не сделала ничего для того, чтобы прекратить беспорядки. Ситуацию удалось замять только потому, что убитый Су Амон был сиротой и никто из китайцев не захотел мстить за него, что могло бы стать поводом для нового нападения на американское поселение в городе. Тем не менее американцы направили в Вампоа корвет «Сент-Луис», десант которого окончательно подавил народные выступления против иностранцев [9, p. 584].

Тем не менее, несмотря на вышеупомянутые инциденты, последующие годы в целом характеризовались усилением американских коммерческих интересов в Цинской империи. В частности, еще в период «опиумной» войны значительно усилили свои позиции те коммерсанты, которые специализировались на совершении коммерческих рейсов из Китая в различные регионы мира. В то время как большинство британских кораблей были задействованы в военных действиях, американские каботажные компании получали их контракты и в тот период даже возили чай в Великобританию [2, с. 179]. Кроме того, именно в 40–50-х гг. XIX в. произошло эпохальное технологическое переоснащение как торгового, так и военно-морского флота. На смену быстрым парусным клиперам пришли пароходы. Важно отметить также, что данный период среди прочего характеризуется открытием и активной добычей золота в Калифорнии, что, в свою очередь, обусловило дальнейшее развитие транспортного сообщения между Китаем и Новым Светом.

Открытие портов позволило также увеличить масштабы христианской проповеди в Китае, было весьма важным направлением американской внешней политики. В частности, в 1851 г. в Цинскую империю прибыло 150 миссионеров, которые были инструментом «мягкой экспансии» США в данной стране.

Тем не менее официальное американское представительство в открытых китайских портах оставалось на низком уровне. Существующая консульская служба не могла обеспечить интересы растущего числа коммерсантов. Зарплата консула оставалась столь низкой, что мало кто соглашался выполнять данные обязанности. Действительно, за свой труд американские дипломатические представители в китайских портах получали 1–5 тыс. дол. в год. В то время как их британские коллеги могли рассчитывать на 10–30 тыс. дол.

Долгое время из ситуации выходили за счет того, что на должность представителя США назначали наиболее авторитетного купца в сеттльменте, которому не надо было платить зарплату [Там же, p. 186]. Это, в свою очередь, порождало коррупцию, поскольку «купец-консул» использовал свою должность, чтобы увеличить свои капиталы.

Низкая оплата труда обусловливала то, что ни один из назначенных дипломатов не оставался в Китае слишком долго. В 1845 г. на должность комиссионера (посла) в Цинской империи был назначен Александр Эверетт (1792–1847). Из-за болезни он прибыл в Китай

только через 19 месяцев — 29 октября 1846 г. Это был опытный дипломат и политик, в свое время он занимал пост личного секретаря посла в Российской империи Дж. Адамса, служил послом в Испании. Однако, не успев ничего сделать, через год умер в Кантоне. Его наследником стал Дж. Дэвис (1799–1859), назначенный на должность 3 января 1848 г. Через два года, в 1850 г., он также покинул пост комиссионера в Китае. Следующим послом стал депутат Конгресса от штата Кентукки Х. Маршалл (1812–1872), который согласился исполнять эту работу только после того, как лично американский президент пообещал ему увеличить зарплату. Он прибыл в Китай в январе 1853 г. Однако его пребывание в Китае продолжалось также менее двух лет [Там же, p. 191]. Следующий комиссионер Р. Маклейн (1815–1898) прибыл в Цинскую империю в марте 1854 г. и пробыл там до декабря.

Последним комиссионером накануне второй «опиумной» войны стал С. Уильямс (1812–1884) — бывший американский миссионер, работавший в Китае с 1834 г.

Таким образом, анализ событий, связанных с деятельностью американских уполномоченных в Китае в период первой опиумной войны, показал, что официальный Вашингтон стремился придерживаться политики нейтралитета, дистанцируясь от политики Великобритании и от контрабандной торговли опиумом. Белый дом всеми силами пытался доказать Пекину дружественность своих намерений, объясняя свои действия лишь желанием защитить от возможных военных опасностей американских граждан. В то же время, на волне успехов англичан, администрации президента Джона Тайлера удалось навязать Китаю Вансяский договор, гарантировавший США такие же привилегии, которые получила в Циньской империи Великобритания.

Литература

1. Crisis the opium traffic: being an account of the proceedings of tub Chinese government. — Canton : Printed at the office the Chinese repository, 1839. — 230 p.

2. Dennet T. Americans in Eastern Asia. — N. Y.: The Macmillan company, 1922. — 725 p.

3. Downs J. The Golden Ghetto. The American Commercial Community at Canton and the Shaping of American China Policy, 1784–1844. — Hong Kong: University Press, 2006. – 504 p.

4. Public documents printed by order the Senate of United States, first session of the twenty-ninth congress. In nine volumes. — W.: Gov. printing office, 1845. — 911 p.

5. Roberts P. Bridging the Sino-American Divide American Studies with Chinese Characteristics. — Cambridge: Cambridge scholars publishing, 2007. — 560 c.

6. Speer W. The oldest and the newest Empire: China and the United States. — Harford : Scranto & Co, 1870. — 765 p.

7. The Chinese repository. Vol. XIV. From January to December, 1845. — Canton : Printed for the proprietors, 1845. — 611 p.

8. The New-York Quarterly. — 1853. — Vol. 1.

9. Williams W. The Chinese empire and its inhabitants. — L.: Henry Washbourne, 1849. — 641 p.

10.Williams W. The Middle kingdom. — N. Y.: John Wiley, 1871. — Vol. 2. — 639 p.

Набока Александр Викторович, кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории и международных отношений Луганского национального университета имени Тараса Шевченко. г. Старобельск, Украина. E-mail: aleksandrnabo@rambler.ru

Naboka Aleksandr Viktorovich, candidate of science (in history), Associate Professor, department of the world history and international relations, Lugansk National University named after Taras Shevchenko. Starobelsk, Ukraine

ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Редакция журнала принимает к рассмотрению на предмет публикации материалы в виде исследовательских статей, эссе, обзоров работы научных мероприятий, рецензии и другой научный материал, написанные на русском (или английском) языке. Объем материала, как правило, не должен превышать 1 авт. л. (40 тыс. знаков с пробелами). Поступившие рукописи подвергаются экспертному рецензированию.

Тексты представляются в электронном виде. Файл со статьей может быть отправлен электронным письмом (dudin2pavel@gmail.com, joesel@mail.ru).

Название статьи, аннотация и ключевые слова даются на русском и на английском языке (если статья на английском языке, название, аннотация и ключевые слова даются на русском языке).

Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97).

В имени файла указывается фамилия автора.

Параметры страницы: Формат А4. Поля: правое — 15 мм, левое — 25 мм, верхнее, нижнее — 20 мм.

Форматирование основного текста: С нумерацией страниц. Абзацный отступ — 5 мм. Интервал — полуторный.

Гарнитура шрифта: Times New Roman. Обычный размер кегля 14 пт. Список литературы и аннотация — 12 пт.

Сведения об авторах: Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках).

Страницы текста должны быть пронумерованы единой нумерацией, включая список литературы, таблицы, а также подписи и комментарии к графическим материалам (карты, таблицы, рисунки, фотографии).

Система отсылок: в квадратных скобках дается номер источника в списке использованной литературы и номер страницы, откуда взята цитата. В конце статьи под заголовком ЛИТЕРАТУРА приводится перечень цитированной литературы. Сначала в алфавитном порядке приводится перечень работ на русском языке (кириллица), затем, также по алфавиту, работ на иностранных языках (латиница).

Примечания к тексту даются постранично и имеют сплошную нумерацию; ссылки на литературу в примечании даются так же, как и в основном тексте, в квадратных скобках, и расшифровываются в общем списке литературы.

Авторы опубликованных материалов в первую очередь несут ответственность за точность приводимых цитат, достоверность фактов и статистических данных, правильность написания имен собственных и пр., а также за разглашение сведений, не подлежащих открытой публикации.

Перепечатка опубликованных материалов допускается только с разрешения редакции журнала.

ТЕМАТИКА БЛИЖАЙШИХ НОМЕРОВ

Россия — Монголия — Китай: вопросы взаимодействия и сотрудничества в условиях XXI века

Дипломатия на Востоке

Степной шелковый путь: экономический и культурный обмен между Востоком и Западом

Право, государство и общество Монголии

Монгольское государство и право в период вхождения в состав империи Цин

Право, государство и общество стран Центральной Азии